

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
Минский государственный лингвистический университет

КОНТРАСТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

Сборник научных статей по материалам
I Международной научной конференции
памяти доктора филологических наук, профессора Т. П. Карпилович

Минск, 28–29 октября 2021 г.

Минск
МГЛУ
2023

УДК 81'44
ББК 81.042
К65

Рекомендован Редакционным советом Минского государственного лингвистического университета. Протокол № 1 (62) от 24.02.2022 г.

Редакционная коллегия: И. В. Метлушко (*ответственный редактор*), Н. Ю. Павловская, Н. В. Зиневич, П. П. Глазко, Т. А. Сысоева, И. В. Чучкевич, А. К. Шевцова

Рецензенты: доктор филологических наук, профессор А. А. Кожина (БГУ); кандидат филологических наук, доцент О. А. Артемова (МГЛУ)

Контрастивные исследования языков и культур : сб. науч. ст.
К65 по материалам I Междунар. науч. конф. памяти д-ра филол. наук, проф. Т. П. Карпилович, Минск, 28–29 окт. 2021 г. / редкол.: И. В. Метлушко (отв. ред.) [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2023. – 224 с.

ISBN 978-985-28-0206-2

В сборнике научных статей, подготовленном по материалам I Международной научной конференции памяти доктора филологических наук, профессора Т. П. Карпилович «Контрастивные исследования языков и культур», представлены результаты исследований в области лингвистики текста и дискурса, теории коммуникации, прикладной лингвистики, лексической семантики в контрастивном аспекте.

Предназначается для лингвистов, специалистов в области межкультурной коммуникации и перевода, аспирантов и магистрантов гуманитарных специальностей.

УДК 81'44
ББК 81.042

ISBN 978-985-28-0206-2

© УО «Минский государственный
лингвистический университет», 2023

БИОГРАФИЯ**BIOGRAPHY****Карпилович**

Татьяна Павловна

11.07.1948 – 14.09.2020

Татьяна Павловна Карпилович родилась 11 июля 1948 года.

Окончила Минский государственный педагогический институт иностранных языков. В 1974 году уже в качестве преподавателя вернулась в институт, где проработала в общей сложности 46 лет. Начала свою трудовую деятельность в вузе Татьяна Павловна на первой кафедре фонетики факультета английского языка. С 1975 по 1991 год – преподаватель, затем доцент кафедры структурной и прикладной лингвистики. В 1984 году в возрасте 36 лет она защищает кандидатскую диссертацию на тему «Семантико-синтаксиче-

ские аспекты порождения простых предложений английского научно-технического текста» по специальности 10.02.21 и через 4 года, в 1988 году, получает ученое звание доцента.

С 1991 по 2004 год Татьяна Павловна работает в качестве доцента на кафедре истории и грамматики английского языка, продолжая успешно совмещать учебно-методическую деятельность с научной и активно занимаясь написанием докторской диссертации. В 2004 году Татьяна Павловна переводится на кафедру речеведения и теории коммуникации факультета межкультурных коммуникаций, и в 2005 году в возрасте 57 лет она блестяще защищает свое докторское исследование на чрезвычайно актуальную и перспективную тему «Моделирование процесса смысловой компрессии текста: Когнитивно-дискурсивный подход» по специальностям 10.02.19 и 10.02.21. В последующие два года Татьяна Павловна назначается на должность профессора кафедры и получает ученое звание профессора.

С 2009 года Татьяна Павловна возглавляет кафедру теории и практики перевода (английский язык) переводческого факультета. Под ее руководством кафедра становится одним из ведущих подразделений университета: в это время достигаются существенные успехи в различных направлениях работы – учебной, воспитательной, учебно-методической, научной.

Принимая во внимание дальнейшее развитие современного мирового сообщества в мультикультурном контексте, Татьяна Павловна сфокусировала научную работу кафедры прежде всего на сопоставительных и типологических исследованиях. С этой целью под эгидой и при поддержке ученого велись многочисленные сопоставительные и контрастивные исследования в рамках дипломных проектов, магистерских и кандидатских диссертаций, издавался сборник научных статей «Контрастивные исследования: текст, предложение, слово» и была основана регулярная Международная конференция «Контрастивные исследования языков и культур». Также на кафедре активно проводились вдохновляемые Татьяной Павловной исследования структуры, семантики и прагматики различных жанров и видов дискурса, была опубликована коллективная монография «Медiateкст и культура». Оставаясь в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы, в последние годы Татьяна Павловна обращает пристальное исследовательское внимание на специфику функционирования и реализации антропоцентрически ориентированных коммуникативно-дискурсивных категорий, среди которых важное место отводится актуальным модусным категориям. Татьяна Павловна публикует монографию «Коммуникативные категории научного дискурса», инициирует и активно участвует в работе над новой коллективной монографией «Модусные категории».

Под руководством Т. П. Карпилович регулярно готовились научные студенческие работы на Республиканский конкурс, из которых многие были удостоены дипломов и премий. Осознавая необходимость передачи опыта

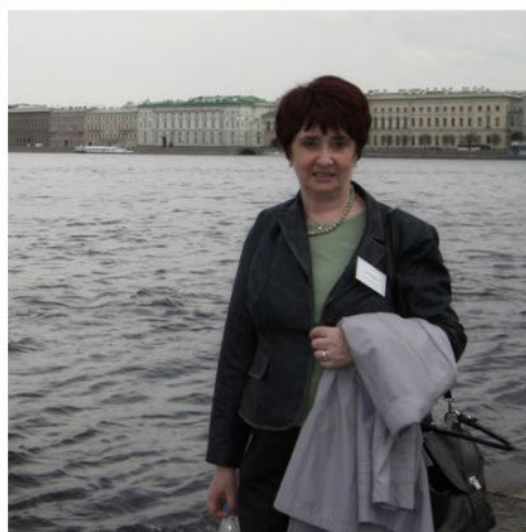
и стимулирования к научному поиску талантливой молодежи, Татьяна Павловна организует регулярную Международную конференцию «Молодые ученые в инновационном поиске».

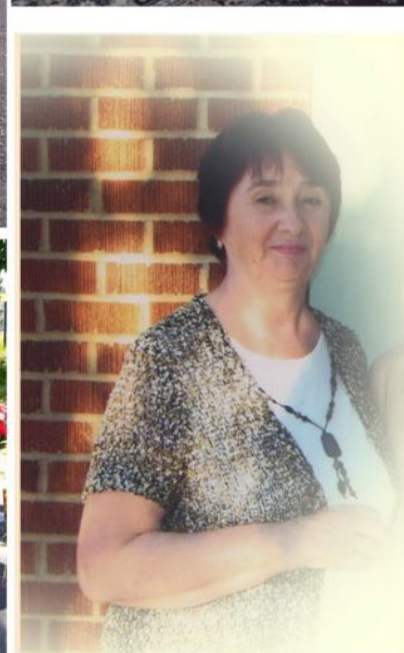
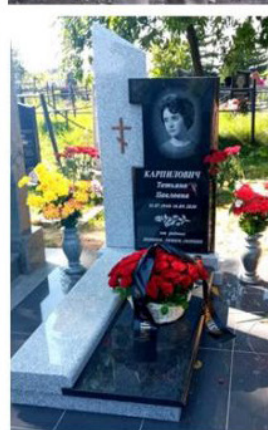
Аспиранты профессора Т. П. Карпилович неоднократно были отмечены стипендиями Президента Республики Беларусь, а также становились обладателями грантов Министерства образования Республики Беларусь.

За время работы Татьяна Павловна, автор более 200 научных публикаций, подготовила десятки магистров наук и 15 кандидатов филологических наук, являлась Председателем Совета по защите диссертаций при МГЛУ.

Успехи Татьяны Павловны в работе постоянно отмечались как университетом, так и Министерством образования, она многократно награждалась почетными грамотами и благодарностями за добросовестный творческий труд и успешное руководство научными работами студентов.

Ушла из жизни в возрасте 72 лет 14 сентября 2020 года.

КАРПИЛОВИЧ**Татьяна Павловна****KARPILOVITCH****Tatiana****(1948–2020)**

ВОСПОМИНАНИЯ О Т. П. КАРПИЛОВИЧ

MEMORIES OF T. KARPILOVITCH

Тарасевич Лариса Александровна

доктор филологических наук, профессор,

проректор по научной работе

(отрывок из обращения к участникам конференции)

Метлушко Ирина Владимировна

кандидат филологических наук, доцент,

зав. кафедрой фонетики и грамматики

английского языка, докторант Т. П. Карпилович

Встреча с Татьяной Павловной Карпилович для многих людей осталась ярким и памятным событием. Мягкая, всепрощающая и понимающая по отношению к другим, она всегда оставалась требовательной к себе. Видя высокий стандарт ее личностных и профессиональных качеств, находившиеся рядом хотели стать чуточку лучше.

Умение увидеть потенциал человека, поддержать его начинания и стремления, мудро направить, но не ограничить при этом научный поиск – основа, на которой выросли любовь, безмерное уважение и благодарность Татьяне Павловне среди ее учеников и коллег. Не жалея сил и времени, она обсуждала идеи, потенциальные эксперименты и научные проекты. Ей было важно, чтобы человек, ставший на путь научного поиска, завершил начатое – нашел ответ на свой вопрос, защитил диссертационное исследование. Она никогда не оставляла без слов поддержки и одобрения того, кто интеллектуально трудится.

Преданность профессора Карпилович науке, умноженная на постоянное развитие и научный поиск, привели к созданию школы дискурсологии в МГЛУ и нескольких международных конференций. Для нее было важно, чтобы в науку приходила молодежь. Международная конференция «Молодые ученые в инновационном поиске» 10 лет собирала начинающих исследователей из разных стран мира для научного диалога. Конференция «Контрастивные исследования языков и культур» всегда была значимым событием для лингвистов Беларуси и не только.

Сложно перечислить все то, что успела сделать, заложить и поддержать Татьяна Павловна, как и сложно представить, сколько всего еще могло бы быть реализовано ей, будь она среди нас сейчас. Радует то, что оставленный профессором Карпилович след в сердцах и умах людей продолжает приносить плоды, умножая светлую память о ней и благодарность за подаренное людям и науке сердце.

Аношина Ольга Владимировна
старший преподаватель кафедры фонетики
и грамматики английского языка

Есть люди, свет которых согревает всех тех, кому повезло быть рядом. Тех, кого они учат, тех, кем они руководят, тех, с кем они обсуждают идеи...

Когда я вернулась на работу после декретного отпуска, первое, что меня поразило и порадовало, это ощущение того, как тепло, как приятно всегда заходить на кафедру.

Если возникали какие-то сложные моменты, Татьяна Павловна умела решать их так, чтобы не ранить никого из участников ситуации... Это такой редкий дар: покритиковать так, чтобы человек не ощутил обиду, не закрылся в себе от боли...

Оружием Татьяны Павловны были слова поддержки и похвалы. Она видела лучшее в каждом из нас и поддерживала, отмечая наши сильные стороны... От теплых слов Татьяны Павловны хотелось свернуть горы.

Умение мотивировать, поддерживать, беречь своих подчиненных... Умение разговаривать с очень разными людьми, умение донести свою мысль...

Наши научные конференции начинались с выступления Татьяны Павловны. И каждый раз меня охватывал дикий восторг от того, как можно так просто и доступно рассказывать о таких сложных вещах. Как можно так удерживать внимание аудитории не строгостью, а безумно интересной подачей материала.

Нам очень не хватает Татьяны Павловны... Не хватает возможности позвонить, поговорить, увидеть ее добрый взгляд и понять, что мы со всем справимся... Но Татьяна Павловна не ушла... Она остается здесь, со всеми нами. Мы продолжаем развивать ее научные идеи, мы продолжаем гореть работой, потому что Татьяна Павловна когда-то поверила в нас и вдохновила нас постоянно расти, совершенствоваться, никогда не останавливаться на достигнутом...

Любим, помним, скучаем...

Иванов Артур Эдуардович
преподаватель кафедры фонетики и грамматики
английского языка, аспирант Т. П. Карпилович

Наша первая с Татьяной Павловной встреча состоялась совсем недавно: в 2017 году. Тогда меня сразу предупредили, что профессор Карпилович – человек крайне серьезный, редко улыбается и занимается фундаментальным изучением дискурса и всего, что с ним связано. Одним словом, настоящий научный тяжеловес. Тщательно продумав вступительную речь, я постучался в дверь возглавляемой ею кафедры и увидел ... все то, что мне описали до этого: строгую,

статную женщину, в которой просматривался требовательный руководитель и важный ученый. Помявшись на месте и от волнения еще раз поприветствовав присутствовавших, я продвинулся к ее столу, ожидая встретить оценивающий взгляд, который часто следует в таких ситуациях. И этого не произошло, ни в тот день, ни когда-либо после него. Впечатление от нашей встречи было прямо противоположное всему, что было услышано до этого о Татьяне Павловне. Передо мной предстал жизнерадостный, улыбчивый, яркий человек, ценящий хорошее чувство. При этом, несмотря на всю важность положения, Татьяна Павловна была необычайно скромным и сдержанным человеком, редко посвящающим посторонних в свои собственные проблемы или проблемы других. В ходе нашего дальнейшего знакомства мне показалось, что именно про таких и для таких людей, как Татьяна Павловна, Евтушенко написал строки: «Людей неинтересных в мире нет, их судьбы как истории планет...». А так и было, за высочайшим уровнем профессионализма и невообразимой работоспособностью скрывался интереснейший человек со своей историей на каждый случай жизни.

Татьяна Павловна, безусловно, была нашим общим учителем, и это касается не только науки и языка. Она учила нас жизни, стойкости, боевому духу, воспитывала в нас умение не сдаваться несмотря на возникшие трудности и всегда идти до победного конца.

Тригубова Дарья Леонидовна

преподаватель кафедры фонетики и грамматики
английского языка, аспирант Т. П. Карпилович

С теплом вспоминаю работу под руководством Татьяны Павловны Карпилович. Общение с ней всегда было интересным по содержанию и душевным по форме. Она помогала и поддерживала, уважительно относилась к высказываемым идеям, учила основательности в исследованиях и доказательности в выводах. Ее инициатива проведения конференций для молодых ученых создала дискуссионное пространство, стимулирующее обмен мнениями и формирующее опыт представления и защиты результатов своих исследований. Искренне благодарю своего научного руководителя.

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

PLENARY SESSION

УДК 811.161.3'37:811.111'37

Павловская Наталья Юрьевна

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры белорусского языка
и литературы
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Natalya Pavlovskaya

Habilitated Doctor of Philology, Professor,
Professor of the Chair of the Belarusian
Language and Literature
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
translengl@mslu.by

О СООТНОШЕНИИ КОГНИТИВНОГО, СЕМАНТИЧЕСКОГО И ПРАГМАТИЧЕСКОГО В СОПОСТАВИТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

ON CORRELATION OF THE COGNITIVE, THE SEMANTIC AND THE PRAGMATIC IN COMPARATIVE STUDIES

В русле когнитивно-дискурсивной научной парадигмы анализируется взаимодействие когнитивных, семантических, коммуникативно-прагматических компонентов в структуре значения языковой единицы. Даются примеры межъязыкового сопоставления доминантных модальных единиц лингвопрагматического поля возможности на белорусском и английском языках, свидетельствующие о нераздельности этих компонентов вследствие континуальности и непрерывности языковой материи.

In the framework of cognitive-discourse scientific paradigm interaction of cognitive, semantic, communicative-pragmatic components in the structure of meaning of the language unit is analyzed. Examples of interlingual comparison of dominant modal units of the lingvopr pragmatic field *possibility* in the Belarusian and the English languages are given which testify to the inseparability of these components resulting from continuity and steadiness of language matter.

К л ю ч е в ы е с л о в а: семантика; когниция; прагматика; модальность; возможность; контрастивистика.

Key words: semantics; cognition; pragmatics; modality; possibility; contrastive studies.

Актуальной задачей современных лингвистических исследований, значимых для решения проблем контрастивистики, выступают корреляции когнитивных (понятийных, концептуальных), семантических, коммуникативно-прагматических компонентов в структуре значения языковой единицы.

Главной и традиционной для языковых описаний признается семантическая составляющая – отображенные и закрепленные в сознании представления о предметах, свойствах, явлениях окружающего мира. В самой формулировке прослеживается теснейшая связь семантики и когнитии – информации, передаваемой языком, и процессов сознания, с помощью которых осуществляется обработка этой информации.

Однако еще в начале XXI века когнитивной лингвистике, как очень важному пути развития языкознания, пришлось доказывать свое право на существование. Выдающийся лингвист Александр Евгеньевич Кибрик в 2015 году говорил о когнитивно ориентированной лингвистике, занимающейся вопросами «взаимодействия, ума и мозга человека», выделяя ее основные презумпции: языковая структура не произвольна, «но существенно мотивирована устройством когнитивной структуры, которая ... отражается в зеркале естественных языков» [1]; когнитивно ориентированная лингвистика продолжает традиции функциональной и, шире, семантически ориентированной лингвистической теории; ее эмпирический метод – следовать за всеми нюансами языковой формы и искать их объяснение не столько в классификационных дистрибутивных ограничениях, сколько в устройстве когнитивной структуры. При такой постановке вопроса, отмечает А. Е. Кибрик, сохраняется весь пафос семантически ориентированной лингвистики, но смещается фокус интересов и глубина поиска, когда многое, что на семантическом уровне кажется в языковой форме случайным и произвольным, становится мотивированным и имеющим глубокий смысл. Если семантика, тяготея к описанию значений с помощью внутриязыковых законов, «оказывается бесконечно богатой и самоусложняющейся, приписывая языковым выражениям то, чего у них в действительности нет», то когнитивная лингвистика «переносит бремя интерпретации на уровень надъязыковой» [1, с. 56–57], Расшифровка и тесное взаимодействие данных уровней анализируются в фундаментальной работе З. Д. Поповой и И. А. Стернина «Семантико-когнитивный анализ языка», где «поиск семантических первоэлементов предлагается вести в когнитивной сфере», в сознании человека, т.е. исследовать «на основе применения к языку имеющихся собственно лингвистических методов... ментальные репрезентации языковых единиц» [2, с. 10]. Само же название книги акцентирует внимание читателя на необходимости соотношения семантических процессов с когнитивными, когда семантика языковых экспликаторов открывает доступ к мыслительным единицам – концептам, лингвокультурам народов. При этом обращается внимание, что и значение, и концепт – элементы как общего семантического пространства языка, так и единицы коллективного и индивидуального сознания. Для контрастивной лингвистики данное положение выступает одним из основополагающих, так как открывает возможности обнаружения национальной, социальной, групповой, индивидуальной специфики языковых единиц.

В настоящее время трудно представить современное лингвистическое исследование без прагматического компонента, хотя совсем недавно, в 60–70 гг. XX в., представителями Оксфордской школы Б. Расселом, Дж. Остином, Х. Грайсом, Дж. Серлом были сформулированы основные положения лингвопрагматики (прагмалингвистики), изучающей функционирование языка в речи с учетом позиций адресанта, адресата, их ролевых отношений, речевой ситуации, места, времени событий.

Семантика, отвечая на вопрос, «что означает?», в условиях определенных типов контекстов и, шире, дискурсов обогащается прагматикой, отвечающей на вопрос «что вы хотите сказать, употребив слово?» [3, р. 6]. В этой связи в исследованиях используется термин *прагматическая семантика (прагма-семантика)*, где большую роль играет фактор выбора. А формирующаяся в настоящее время интегративная когнитивно-дискурсивная научная парадигма объединяет взаимодействующие когнитивные, семантические и прагматические знания, когда языковая единица с уровня буквального значения перемещается на уровень коммуникативного смысла (чаще непрямого значения) или акцентирует те или иные когнитивные параметры.

Именно для контрастивного исследования языков и культур релевантным выступает изучение фактического материала на поверхностном (семантическом), глубинном (когнитивном), коммуникативно-прагматическом (реализационном – в терминологии Ю. Д. Апресяна) уровнях, когда все сущностные характеристики интегрированы, «склеены», кумулированы в языковой единице в единое целое.

Принцип интегративности как синтез знаний, добытых в различных областях, становится ведущим при выполнении контрастивных исследований, где когнитивно-дискурсивное направление в качестве логического развития современной лингвистики задает все основные ориентиры: «каждое языковое явление может считаться адекватно описанным и разъясненным только в тех случаях, если оно рассмотрено на перекрестке когниции и коммуникации» [4, с. 11].

Ни одно лингвистическое исследование, в том числе контрастивное, не может быть осуществлено без его осмысления в русле процессов категоризации – центрального понятия когнитивистики, семантики и прагматики: отнесение объектов и явлений действительности к определенному классу – категории, реализующей наиболее важные их признаки. Подобное «членение внешнего и внутреннего мира человека сообразно сущностным характеристикам его функционирования и бытия» [5, с. 42] упорядочивает представление разнообразных явлений, классифицируя их, объединяя в определенные таксономии.

Так, при межъязыковом сопоставлении единиц категории модальности правомерно вычленить следующие категориальные когнитивные дихотомические параметры: реальность/потенциальность, дескриптивность/креатив-

ность, вероятность/волеитивность [6, с. 68]. Любая модальная единица маркируется этими прототипическими признаками, предопределяющими выделение общих и дифференциальных характеристик, систематизированное объяснение закономерностей модальной организации в различных языках. Установление категориальных признаков – процесс взаимонаправленный, индуктивно-дедуктивный: от конкретных языковых единиц – к ментальной деятельности (анализ и обобщение накопленных знаний) и наоборот.

Сопоставление модальных единиц лингвопрагматического поля возможности в белорусском и английском языках позволило обнаружить их следующие общие когнитивные классификационные признаки: потенциальность – оформляется модальными средствами, где ситуации, имея связи с одним возможным миром, несут в себе заряд (допустимость) его изменения; креативность – актуализируется положение дел в ином, более целесообразном возможном мире; вероятность – определяется выбор тех или иных возможных миров из многих на основании определенных условий.

Для контрастивного исследования высказываний с модальными единицами релевантным является утверждение о существовании их системных ядерных (классических, доминантных, идеальных, канонических) и периферийных (неканонических) форм. Доминантными средствами поля возможности в белорусском и английском языках являются высказывания с глаголами *магчы* и *can*. Общая модель белорусских и английских высказываний с данными квалификаторами – N+V(m)+V(inf).

Инвариантными семами для этих глаголов, зафиксированными в толковых словарях (Тлумачальны слоўнік беларускай мовы ў 5 т., Cambridge Dictionary), выступают ‘способность человека к чему-либо’, ‘владение определенными ресурсами’, ‘возможность’. Вариантными семантическими признаками являются значения внутренней/внешней, агентивной/неагентивной, подконтрольной/неподконтрольной возможности, достаточность/недостаточность информации для субъекта модального высказывания, актуальность/узуальность связи между субъектом и модальным действием (Е. Е. Корди, Е. И. Беляева, Н. Ю. Павловская). Семантика *магчы* и *can* свидетельствует о высокой степени их модальной емкости (мультимодальности) – вербализации значений внутренней и внешней возможности (*Я магу ісці. She can speak Japanese. Сёння можа быць дождж. You could have been saved*), владения, способности, разрешения, умения, предположения, просьбы и т.д. Подобные многозначные «нереферентные» модальные предикаты также широко сочетаются не только с глаголами действия, но и с рецептивными, ментальными глаголами (*видеть, слушать, чувствовать, ощущать, обнаруживать, пробовать, помнить, знать, понимать, любить* и т.д.), имеют открытый семантический потенциал, в связке с полнозначными глаголами обладают дистрибутивными ограничениями, испытывая мощное влияние дискурса.

Белорусский и английский глаголы различаются по морфологической структуре: *магчы* изменяется по лицам (*магу, можаш, можа*), числам (*можаш, можаце*), имеет настоящее, прошедшее, будущее время (*магу, магла, змагу*); его английский аналог не имеет внешних морфологических показателей лица, числа, реализуется в формах настоящего и прошедшего времени *can – could*. Данные лексемы используются в изъявительном и сослагательном наклонениях, в утвердительных, отрицательных, вопросительных предложениях

Модальность, как одна из центральных оценочных категорий мышления и языка, соотносит высказывание и действительность с точки зрения говорящего в соответствии с полнотой его знаний про объект, степенью удовлетворенности его желаний, стремлений, интересов, целей. Это одна из «самых прагматических» категорий, и все отраженные в языке события в любом языке воспринимаются модально осмысленными. Система этих параметров и правил формируется прагматическими понятиями макроструктуры, макропропозиции, суперструктуры, стратегий, тактик, приемов.

Макроструктура возможности, как составляющая модальности, проявляется в качестве речемыслительной способности субъекта тем или иным образом воплощать действительность в пропозицию языковых единиц и рационально ее оценивать. Макропропозиция возможности трактуется следующим образом: в некоторых (по крайней мере одном) возможных мирах есть *P*, но предполагается, что еще по крайней мере в одном возможном мире – не *P* [7, с. 181–182]. Суперструктурой лингвопрагматической возможности (ее когнитивной моделью) выступает субъективная вероятность – субъективная оценка возможности наступления того или иного события.

В зависимости от типа речевой ситуации и иных экстралингвистических условий нерелевантные глаголы *магчы* и *can* в сочетании с инфинитивом полнозначного глагола способны реализовать множество коммуникативно-прагматических тактик. Например, высказывания *Ты можаш ісці* и *You can go now* в разных типах контекстов и ситуаций репрезентируют тактики допустимости осуществления чего-либо, разрешения, приказа, совета, акцентирования знаний говорящего о событиях, их объективации, нередко тождественные семантике предикатов с модальным компонентом.

Формы настоящего времени белорусского *магчы* и прошедшего времени английского модального глагола *could* часто используются в этикетных вопросительных формулах вежливых просьб, предположений, предложения чего-либо, сигнализируя одновременно о вероятности наступления события: *Ці магу я ў пральні адпрасаваць бялізну? Can I use your bike?* Данные тактики с их приемами воплощают в качестве «глобальных намерений» автора (по Т. А. ван Дейку) две основные модальные стратегии – информирование адресата о степени полноты знаний говорящего относительно действительности или содержания высказывания; адресованное или неадресованное воздействие говорящего на адресата для осуществления/неосуществления им действия.

В заключение подчеркнем, что понимание между людьми, говорящими на разных языках, достигается объединением семантических, когнитивных и прагматических свойств единиц разных уровней, которые должны быть исследованы в контрастивном аспекте. Вследствие континуальности и непрерывности языковой материи данные виды знаний перетекают одно в другое, и разделение их возможно только при постановке и решении конкретных лингвистических задач.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кибрик, А. Е. Когнитивный подход к языку / А. Е. Кибрик // Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика / РАН, Ин-т языкознания. – М., 2015. – С. 29–59.
2. Попова, З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – 2-е изд., перераб. и доп. – Воронеж : Истоки, 2007. – 250 с.
3. Leech, G. N. Principles of Pragmatics / G. N. Leech. – London : Longman, 1983. – 264 p.
4. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения: роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова ; РАН, Ин-т языкознания. – М. : Яз. славян. культуры, 2004. – 560 с.
5. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова [и др.] ; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М. : МГУ, 1996. – 245 с.
6. Паўлоўская, Н. Ю. Катэгорыя мадальнасці ў сучаснай беларускай мове : манаграфія / Н. Ю. Паўлоўская ; Мін. дзярж. лінгвіст. ун-т. – Мінск : МДЛУ, 2001. – 206 с.
7. Шатуновский, И. Б. Семантика предложения и нерелевантные слова: значение, коммуникативная перспектива, прагматика / И. Б. Шатуновский. – М. : Яз. рус. культуры, 1996. – 400 с.

ТЕКСТ И ДИСКУРС В КОНТРАСТИВНОМ ОСВЕЩЕНИИ

TEXT AND DISCOURSE IN CONTRAST ILLUMINATION

УДК 811.111'42

Глазко Павел Петрович

кандидат филологических наук, доцент,
докторант кафедры белорусского языка
и литературы
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Pavel Glazko

PhD in Philology, Associate Professor,
Post-PhD Researcher of the Chair of the
Belarusian Language and Literature
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
pavel.glazko@hotmail.com

СТРУКТУРА МОДУСА ЭКСПРЕССИВНОСТИ В ЖАНРАХ БЛОГА И КОЛОНКИ АНГЛО- И РУССКОЯЗЫЧНОГО МЕДИАДИСКУРСА

THE STRUCTURE OF EXPRESSIVENESS MODUS IN BLOGS AND COLUMNS OF AMERICAN AND RUSSIAN MEDIA DISCOURSE

Представлена структура модуса экспрессивности в текстовых реализациях жанров блога и колонки в американском медийном пространстве. С целью выявления ядерных и периферийных средств актуализации модуса экспрессивности в медиажанрах блога и колонки на английском языке тексты выборки были подвергнуты лингвостилистическому, контекстуальному, количественному и сравнительному анализу.

Полученные результаты позволяют утверждать, что на лексическом уровне ядро модуса экспрессивности жанра блога представлено приемами, основанными на взаимодействии лексического (словарного) и контекстуального, логического и эмотивного значений слов, а также на интенсификации какого-либо признака, для жанра колонки ядерными являются только приемы первой из перечисленных групп. На уровне синтаксиса ядерными для жанра блога выступают приемы диалогизации (вопросно-ответные комплексы, риторические вопросы, повелительные предложения), а для колонки – средства акцентирования (перечисления, повторы, параллелизм, парцелляция).

The article deals with the language means of representation of modus of expressiveness in the genres of blog and column of American media discourse. To elucidate the most significant as well as peripheral stylistic devices of the above-mentioned modus representation in the genres of American media space, recently published texts of different authorship were subjected to linguo-stylistic, contextual, quantitative, and comparative analyses.

The study has proved that at lexical level the core of the modus is primarily formed by the devices based on the interplay of dictionary and contextual meaning, logical and emotive meaning as well as intensification of a certain feature, whereas for the column it is only the first group of enumerated tropes. At syntactical level the core devices for the genre of blog are those performing the function of dialogization (question-in-the-narrative, rhetorical question, imperatives), while for the column these are the stylistic means of accentuation (enumeration, repetition, parallelism, detachment).

К л ю ч е в ы е с л о в а: экспрессивность; модус; блог; колонка; медиадискурс; стилистический прием; лингвостилистический анализ.

К e y w o r d s: expressiveness; modus; blog; column; media discourse; stylistic device; linguo-stylistic analysis.

За последние десятилетия коммуникация между людьми претерпела ряд значительных изменений. В современных лингвистических исследованиях процесс обмена информацией все чаще описывается в терминах дигитализации, медийного поворота, интернетизации, нелинейности, мозаичности и т.д. [1]. Неоднозначный характер подобной миграции человечества из книжной эпохи в эпоху информационно-медийную отражается в ориентации на упрощенное восприятие информации и одновременное усложнение процесса извлечения адекватного содержания, соответствующего действительности [2]. В этой связи представляется вполне закономерным утверждение исследователей о том, что «современные медиа не предлагают аудитории объективную картину окружающего мира, а уделяют все больше внимания субъективной реальности» [3, с. 132].

Понятие субъективности приобретает все большее значение в современном гуманитарном знании, поскольку по сути представляет собой абстрактную модель человеческого сознания. Оппозиция субъективного – объективного была и остается одной из ключевых для философии на протяжении всей истории ее развития от Античности до немецкой классической философии, от диалектического материализма до феноменологии.

Противопоставление объективного и субъективного является важным и для лингвистики. Неоднозначность и противоречивый характер трактовок данных понятий нашли свое отражение в многочисленных подходах к пониманию и именованию явления языкового выражения отношения говорящего к сообщаемому. К таким номинациям относятся модальность и модус. И модальность и модус имеют статус языковых категорий, т.е. представляют собой группу языковых средств, выделенных «на основе какого-либо общего свойства, признака, который лежит в основе разбиения обширной совокупности однородных языковых единиц на ограниченное число непересекающихся классов, члены которого характеризуются одним и тем же присутствием данного признака» [4, с. 90]. В рамках нашего исследования для модальности таким объединяющим признаком будет выступать характеристика «содержания предложения с точки зрения принадлежности описываемой ситуации действительному миру» [5, с. 73], а для модуса – «возможность различной интерпретации человеком того или иного концептуального содержания и формирования

на его основе специальных, субъективных смыслов» [6, с. 34]. Таким образом, исследуемое в данной статье явление экспрессивности понимается нами как модус, или модусная категория, основу которой составляют языковые средства передачи смысла с увеличенной интенсивностью (И. В. Арнольд).

Цель исследования состоит в выявлении ядерных и периферийных средств актуализации модуса экспрессивности в медиажанрах блога и колонки на английском языке.

Для анализа было отобрано методом сплошной выборки 100 текстов в жанрах блог и колонка (по 50 текстов в каждом из жанров), опубликованных разными авторами на личных сайтах (becomingminimalist.com, gretchenrubin.com, tracysnewyorklife.com) и в периодических изданиях (*The New York Times*, *New York Post*).

Процедура анализа включала в себя несколько этапов. На первом этапе отобранные тексты были подвергнуты лингвостилистическому анализу, в результате которого были выявлены используемые в данных текстах лексико- и синтактико-стилистические приемы. В тех случаях, когда экспрессивная синтаксическая структура содержала стилистический прием лексического уровня (например, синтаксический параллелизм с включенной в него метафорой), данные явления рассматривались и учитывались при подсчете как две разные единицы, поскольку они не определяют экспрессивный потенциал друг друга и выполняют в дискурсе функции разного порядка. На втором этапе проводился количественный анализ, в ходе которого устанавливалась частотность употребления выявленных ранее экспрессивных средств. На третьем этапе с опорой на контекстуальный анализ определялись прагматические функции, выполняемые лексико- и синтактико-стилистическими экспрессивными средствами в анализируемых жанрах. На завершающем этапе проводился сравнительный анализ, ориентированный на выявление главных и второстепенных стилистических приемов на лексическом и синтаксическом уровнях в исследуемых жанрах с учетом прагматической направленности данных приемов.

На основе количественных результатов исследования было установлено, что жанр блога является более насыщенным экспрессивными средствами по сравнению с жанром колонки (874 и 536 единиц по всем текстам выборки соответственно). При этом следует отметить, что лексическая и синтаксическая составляющие являются относительно пропорциональными: для жанра блога их соотношение представлено 403 и 471 единицами; для жанра колонки – 234 и 302 единицами.

Репертуар лексических экспрессивных средств, используемых в блогах, сформирован преимущественно приемами метафоры, эпитета, а также сравнения и гиперболы. Данные приемы в совокупности составили 83 % всех актуализированных в блоге лексико-стилистических средств. Например, в посте из блога Блона Ли, где речь идет об умении отвлекаться от дел и мыслей, используется следующая метафора: *The reality is my mind was **on full throttle** all the time* 'В действительности мой ум всегда работал **на полную катушку**'. Выражение

on full throttle используется для описания работы двигателя при максимальной нагрузке, полной подаче топлива. В данном контексте при помощи этого выражения автор устанавливает ассоциативную связь между работой двигателя и работой ума, что позволяет ему более точно и доступно для читателя описать свое состояние психоэмоциональное и физиологическое состояние.

Для жанра колонки наиболее частотны приемы метафоры, метонимии и использование устойчивых выражений (76 % всех стилистических средств лексического уровня). Приемы, основанные на взаимодействии логического и эмотивного компонентов значения, а также на интенсификации какого-либо признака в этом случае являются периферийными. В частности, в колонке Кары Суишер можно наблюдать одновременное использование приема метонимии и устойчивого выражения *To say that Facebook has worked D.C.'s last nerve is an understatement* 'Сказать, что **Фейсбук изрядно потрепал Вашингтону нервы**, было бы преуменьшением'. Метонимии *Facebook* и *D.C.* используются в обобщающей функции и заменяют в авторском дискурсе руководящих лиц от соответствующих организаций. Этот эффект усилен персонификацией, создаваемой формой родительного падежа активного деятеля (*D.C.'s*) и устойчивым выражением *to work one's last nerve* 'изрядно потрепать кому-то нервы'.

Инвентарь синтактико-стилистических средств исследуемых жанров характеризуется преимущественными отличиями. Так, наиболее употребимыми стилистическими приемами синтаксического уровня в жанре блога являются перечисление, использование повелительных предложений, вопросно-ответный комплекс и риторический вопрос (69 % всех синтаксических приемов). За исключением перечисления, все упомянутые приемы направлены на установление и поддержание диалога с читателем. Многие посты в блоге Гретчен Рубин начинаются с вопросно-ответных комплексов, например: *People often ask me, "What's the secret to happiness? If you had to choose one thing, what would you choose?" Depending on your perspective, that question can be answered in a few different ways* 'Меня часто спрашивают: «В чем секрет счастья? Если бы нужно было выбрать что-то одно, что бы ты выбрала?» В зависимости от подхода можно найти несколько ответов на этот вопрос'. Такой прием дает автору возможность заинтересовать читателя и вовлечь его в ход своих рассуждений с самых первых предложений.

Повелительные предложения, формулируя обращения автора к читателю и призывая его к действиям, также являются эффективным средством диалогизации: *And remember that judgments are burdens* 'И **помните**, что осуждение других – это бремя'.

Риторические вопросы, помимо установления контакта с читателем, используются блогерами для постановки проблемы: *Does that mean that we cannot make ourselves happier? That happiness is arbitrary and we must suffer until it visits us?* 'Означает ли это, что мы не можем сделать себя счастливыми? Что счастье своенравно и мы должны страдать до тех пор, пока оно не снизойдет на нас?'

Жанр колонки характеризуется превалированием таких синтактико-стилистических приемов, как перечисление, повтор, синтаксический параллелизм и парцелляция (61 %). Все эти приемы ориентированы на то, чтобы придать какому-то элементу особую выделенность в авторском дискурсе, акцентировать на нем внимание читателя: *Imagine traveling through an American state and coming upon small, embedded memorials that listed key facts about the lives of the enslaved. Their names. Their fates. Their birth dates. The number of times they were sold. The ways they were separated from their families. The conditions of their toil* 'Представьте, что вы путешествуете по одному из американских штатов и наталкиваетесь на маленькие мемориалы, на которых перечислены ключевые факты о жизни обращенных в рабство. Их имена. Их судьбы. Их даты рождения. Количество раз, которое они были проданы. Как они были разлучены со своими семьями. Условия их труда.' В приведенном примере из колонки Мишель Норрис, где речь идет о необходимости закрепить в памяти американцев тот факт, что прошлое США крепко связано с рабством, можно наблюдать сочетание приемов парцелляции, параллелизма, перечисления и анафорического повтора, которые позволяют автору акцентировать внимание читателя на упомянутых аспектах жизни поработенных, которые следовало бы сделать общеизвестными, но которые, к сожалению, до настоящего момента не были обнаружены.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы относительно характера организации модуса экспрессивности в англоязычных жанрах блога и колонки. Так, модус экспрессивности в исследуемых жанрах представлен преимущественно двумя субмодусами – лексического и синтаксического уровней. При этом в количественном отношении данные субмодусы являются относительно пропорциональными с точки зрения представленности в дискурсе, т.е. количество лексико- и синтактико-стилистических приемов в каждом из жанров соотносится приблизительно 1:1. Вместе с тем общая экспрессивность блога выше, чем у жанра колонки.

Ядро лексического субмодуса жанра блога представлено приемами, основанными на взаимодействии лексического (словарного) и контекстуального, логического и эмотивного значений слов, а также на интенсификации какого-либо признака предмета, явления или лица. Для жанра колонки данные языковые средства формируют периферию лексического модуса, за исключением тропов, возникающих в результате сочетания словарного и контекстуального значений слова, также являющихся ядерными.

Синтаксический субмодус блога актуализируется за счет стилистических приемов диалогизации (вопросно-ответные комплексы, риторические вопросы, повелительные предложения), в то время как ядро синтаксического субмодуса колонки представлено средствами акцентирования (перечисления, повторы, параллелизм, парцелляция).

ЛИТЕРАТУРА

1. Клушина, Н. И. Медиастилистика / Н. И. Клушина. – М. : Флинта, 2018. – 184 с.

2. *Ополев, П. В.* Тенденции изменения медийного пространства: от текста к гипертексту / П. В. Ополев // Идеи и Идеалы. – 2018. – № 3 (37). – С. 96–112.
3. *Новикова, Т. Е.* Трансформация социального института СМИ в «Медиа»: от отражения объективной действительности к созданию образов субъективной реальности / Т. Е. Новикова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. – 2012. – № 2 (26). – С. 130–134.
4. *Кобрина, О. А.* Модусные категории как способы выражения субъективного отношения человека к высказыванию / О. А. Кобрина // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 2 (7). – С. 90–100.
5. *Зеленщиков, А. В.* Пропозиция и модальность / А. В. Зеленщиков. – 2-е изд., доп. – М. : URSS, 2009. – 213 с.
6. *Болдырев, Н. Н.* Модусные категории в языке / Н. Н. Болдырев // Когнитивная лингвистика: ментальные основы и языковая реализация : сб. ст. к юбилею проф. Н. А. Кобриной : в 2 ч. / Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – СПб., 2005. – Ч. 1 : Лексикология и грамматика с когнитивной точки зрения. – С. 31–46.

УДК 81'42

Казимирова Ольга Владимировна
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры германской филологии
Витебский государственный
университет имени П. М. Машерова
г. Витебск, Беларусь

Olga Kazimirova
PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Chair
of Germanic Linguistics
Vitebsk State University named
after P. M. Masherov
Vitebsk, Belarus
okazimirova@mail.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ ДИСКУРС-КАТЕГОРИИ СУБЪЕКТНОСТИ В СЕТЕВОМ МЕДИАТЕКСТЕ

REALIZATION OF THE DISCOURSE CATEGORY OF SUBJECTIVITY IN A DIGITAL MEDIA TEXT

В статье рассматривается специфика функционирования категории субъектности в медиатексте, связанная с усложнением репрезентации медийного дискурса, поиском новых форм коммуникации адресанта и адресата в условиях трансформирующейся социокультурной реальности.

The article deals with the specifics of subjectivity in the media-text, associated with the increasing sophistication of media discourse representation, the search for new communication forms of the addresser and addressee in a transforming social and cultural reality.

К л ю ч е в ы е с л о в а: субъектность; медиатекст; адресант; адресат; предмет сообщения; речевое поведение; речевое воздействие.

K e y w o r d s: subjectivity; media text; addresser; addressee; subject matter; verbal behaviour; persuasion.

Изучение текста с позиций рассмотрения его ключевых и специфических свойств – категорий – имеет давнюю историю в отечественной и зарубежной лингвистике (см. работы И. Р. Гальперина, В. Г. Адмони, М. М. Бахтина, А. И. Новикова, Н. Д. Арутюновой, А. А. Леонтьева, П. Хартмана, Н. Э. Энkvиста и др.). На современном этапе доминирует комплексный подход к исследованию текста, который основывается на принципах, разработанных в рамках коммуникативно-прагматического направления лингвистики текста, когнитивной лингвистики, семиотической текстологии. При этом общим вектором данных направлений служит тот факт, что текст предстает как структурно-семантическое единство высшего порядка, как сложный знак, который включает формальный, семантический и когнитивно-прагматический аспекты.

В русле атропоцентрического подхода к исследованию текста обращает на себя внимание его когнитивно-прагматический аспект, в полной мере изображающий позицию языковой личности в постижении окружающей действительности и трансляции знания другим участникам социокультурной общности. В этой связи, как справедливо отмечает Т. П. Карпилович, вполне закономерен интерес к роли говорящего и других коммуникантов в текстовом пространстве [1, с. 9]. Вышесказанное становится предметом детального изучения в рамках коммуникативной дискурс-категории *субъектности*. Примечательно, что Т. П. Карпилович указывает на сложный характер указанной категории, поскольку она предполагает выделение субкатегорий адресанта, адресата, а также других участников сообщения [1, с. 9] в зависимости от того или иного типа дискурса.

Настоящая работа посвящена специфике функционирования категории субъектности в тексте *медийного* дискурса, в котором помимо адресанта и адресата как двух коммуникативно-прагматических антропоцентрических полюсов «реальной» медийной коммуникации значимая роль отводится предмету сообщения, обладающему определенной воздействующей силой. Таким образом, проблемы убеждающего эффекта и воздействующего потенциала современного медиапространства обуславливают необходимость обращения к трем его составляющим – воздействующему субъекту, воспринимающему объекту и отражаемой действительности.

Отметим, что традиция изучения произведения, предназначенного для воздействия на слушателя, с учетом связей между автором, адресатом, объектом сообщения и особенностями самого сообщения, отмечена в трудах многих исследователей (см. работы Е. И. Пронина, М. И. Стюфляевой, Д. Н. Шмелева, И. А. Стернина, В. И. Конькова, Г. Я. Солганика, Т. А. ван Дейка

и др.). Так, Е. И. Пронин указывает на то, что анализ журналистского текста нужно строить, принимая во внимание реальные проблемы, «разрешение которых является целью журналистского выступления», «конструктивную роль» этико-идеологических установок автора, а также соотнесенность материала «с культурной традицией аудитории» [2, л. 22]. В данном случае особо отмечается структуроформирующая роль не только автора, но и читателя. Еще более определенно высказывает эту мысль М. И. Стюфляева, которая подчеркивает, что для осознания сути творчества журналиста принципиальным является, с одной стороны, уяснить «специфику отношений публициста с окружающей действительностью», с другой – учитывать связи между автором и читателем [3, с. 87]. Специфическую структурную характеристику текста исследователь видит в том, что документальный автор и читатель входят в сферу публицистического произведения.

О трех типах связи как о факторах, которые в значительной мере обуславливают использование языковых элементов в текстах, функционирующих не только в системе средств массовой коммуникации, но и в любой сфере речевой деятельности, пишет Д. Н. Шмелев. Согласно исследователю, функционирование языка определяется тем, что всякое высказывание исходит от кого-либо, направлено к кому-либо и является высказыванием о чем-либо, что «локализовано во времени и пространстве» [4, с. 56]. Д. Н. Шмелев подчеркивает, что каждый акт речевой коммуникации предполагает вовлечение в него трех сторон реальной действительности. В зависимости от того, что представляет из себя каждый из этих трех компонентов и каково соотношение между ними, говорящий использует ту или иную форму экспликации, варьируя языковые средства.

Таким образом, указанные структурные элементы, названные в свое время теоретиками, предопределяют не только содержательные особенности современного медийного текста, но и его собственное языковое воплощение. Полагаем, сетевой медиатекст предоставляет наиболее богатый материал для изучения категории субъектности в связи с тем, что, с одной стороны, он охватывает все типы повествования, критико-аналитический и эмоционально-личностный аспекты, мультимодальные способы репрезентации сообщения (Н. В. Чичерина), с другой – характеризуется поликодовостью (В. Е. Чернявская), креолизированностью (Н. С. Валгина, Ю. А. Сорокин, Э. А. Лазарева, Л. Г. Кайда) и объединяет разнородные компоненты в едином смысловом пространстве.

Три компонента – автор речи, адресат речи, предмет сообщения – можно условно обозначить как 1-е, 2-е и 3-е лицо процесса речевой коммуникации. Указанные обозначения отражают реальное распределение ролей между ее участниками в медиакоммуникации. Все три компонента заданы в каждом акте речевого общения и могут быть одновременно выражены в пределах одного

высказывания. Кроме того, существующий диапазон приемов, создающих в высказывании значения этих лиц (в первую очередь, 1-го и 2-го лица – адресанта и адресата), не ограничивается лексическими и грамматическими средствами: зачастую те же значения создаются реальными, внеязыковыми условиями речи. При этом лингвистические средства служат особым механизмом для реализации манипулятивного воздействия как одного из важнейших функций современных средств массовой коммуникации.

В зависимости от выраженности в речевом сообщении значений 1-го и 2-го лица акта речевой коммуникации в нем по-разному реализуются основные функции языка: 1) денотативная – функция указания на референта сообщения; 2) эмотивная – функция, отражающая «аспект говорящего», его непосредственное отношение к высказыванию; 3) конативная – функция «обращения, воззвания к реципиенту»; 4) контактная – функция установления контакта с собеседником; 5) металингвистическая – функция, благодаря которой осуществляется проверка кода сообщения; 6) эстетическая – функция направленности высказывания на саму его форму (см. труды О. С. Ахмановой, Л. И. Полторацкого, Л. Н. Натан и др.).

Поясним, что денотативная функция реализуется в любом высказывании. Эмотивная же и метаязыковая функции, с одной стороны, и конативная и контактная функции, с другой стороны, по-разному проявляются в речи и связаны с экспликацией в ней значений 1-го и 2-го лица акта речевой коммуникации. В том случае, когда в сообщении эксплицитно или имплицитно выражается значение 1-го лица, в нем постоянно актуализируется эмотивная функция языка и может быть реализована металингвистическая функция. Выражение значения 2-го лица акта речевой коммуникации неизменно осуществляется при использовании языка в конативной и контактной функциях.

Как правило, для каждой конкретной ситуации особенности речевого сообщения определяются: отношением, которое устанавливается между адресантом и адресатом; свойствами объекта действительности, о котором сообщается, и отношением между этим объектом и обоими субъектами, участвующими в речевом взаимодействии. Отметим, что значения 1-го и 2-го лица, потенциально заложенные в высказывании, могут по-разному в нем выражаться. Способы и степень их выраженности зависят от ситуации общения, формы общения (непосредственное или опосредованное) и т.д. В письменной речи их репрезентация зависит, в первую очередь, от функциональной направленности, жанровой определенности текста. Наоборот, формы выражения значений этих двух лиц могут характеризовать текст в его типологической отнесенности.

Из вышесказанного следует, что сегодня медиатекст, будучи как медиапродуктом, в котором документально точно отображается реальная действительность, так и продуктом коммуникации, призванным оказывать

активное манипулятивное воздействие на общественное сознание и социальную практику, вырабатывает особые формы повествования, изучение которых является одной из наиболее актуальных задач исследования медийной коммуникации. В связи с этим крайне важно определить, как убеждающе-воздействующие интенции автора и ориентированность текста на массового читателя обуславливают степень и способы репрезентации аспектов адресанта и адресата в медийном тексте, и, в частности, каким образом указанные интенции проявляются в конкретном его типе.

Следует признать, что медиатекст, трактуемый в широком плане, призванный оказывать влияние на массовое сознание и социальную практику, всегда представляет собой определенное 1-е лицо – не индивидуально-субъектное, а коллективное, собирательное. Об этом 1-м лице можно говорить как о едином субъекте речи, поскольку оно выражает единую социально-идеологическую позицию, в соответствии с которой преломляется и интерпретируется все изложенное на страницах медиатекста.

В свою очередь 2-е лицо в рамках медийной коммуникации служит особо провозглашаемой ценностью, его роль в данном процессе не менее значима, чем установка адресанта [5, с. 24]. С позиций адресата тот или иной тип текста прогнозирует и ограничивает ожидания. Поэтому естественно, что в современном медиатексте, в условиях «давления адресата» (чему, несомненно, поспособствовала пандемия коронавирусной инфекции), наблюдается тенденция к выявлению персональности, стремление к конкретизации личности коммуникантов, нивелирование дистанции между адресантом и адресатом.

Наконец, необходимо указать на различный удельный вес авторского начала в медиатексте. Очевидно, что этот параметр существенен для многообразия жанровых форм медиатекста и их дифференциации. Как правило, минимальное авторское присутствие наблюдается в новостных текстах, максимальное – в текстах художественно-публицистических и аналитических жанров.

Так, эмпирические закономерности, выявленные в ходе анализа материала (объектом исследования послужили англоязычные очерки, отобранные из цифровых журналов и газет Time, The Guardian, The New Yorker, The Spectator, Harper's Magazine и др.), позволяют утверждать, что форма речевого поведения адресанта, его медиаобраз адаптируются к новым реалиям. Становится очевидным, что фактор адресанта неизменно обогащается за счет привлечения различных экстралингвистических факторов. Роли, в которые «перевосплащается» современный автор, учитывая не только собственные интересы, но и интересы редакции, крайне разнообразны: это и *автор-нарратор*, повествующий с позиций субъективного опыта о явлениях, событиях социальной действительности; и *автор-полемист*, участвующий в обсуждении дискуссии

онной проблемы; и *автор-аналитик*, рассуждающий о каком-либо актуальном событии; и *автор-колумнист*, явно/скрыто выражающий свое мнение по значимым вопросам; и *автор-агитатор*, призывающий совершить какие-либо действия; и *автор-исследователь*, который анализирует проблему и обсуждает с адресатом возможные пути ее решения.

Тем не менее указанные типы субъекта речи редко функционируют в чистом виде. В рамках одного медиатекста говорящий зачастую «перевоплощается», а именно выступает и как аналитик, и как участник событий, и как экспликатор собственной, авторской позиции. В качестве одного из способов выявления различий авторской «многогранности» служит анализ лингвистических и экстралингвистических аспектов.

Таким образом, координаты, в которых осуществляется теоретическое исследование медийных текстов, определяются в современной науке следующим образом: любое произведение, какой бы сложности и какого бы назначения оно ни было, включает в себя три обязательных типа связей, три основных структурных элемента. При этом главными субъектами медиакommunikации выступают автор и адресат, поскольку именно их своеобразие обуславливает специфику современного медиатекста. Современная медиасистема подвержена значимым и глубоким трансформациям, связанным с усложнением «модусной рамки» (термин Н. Д. Арутюновой) медийного дискурса. Новые ракурсы в осмыслении текстового антропоцентризма свидетельствуют о том, что разнообразные аспекты медиатекста исследуются как предопределенные особенностями коммуникантов. В этой связи на первый план выходят проблемы, касающиеся поиска новых форм коммуникации автора и читателя.

Разработка намеченных вопросов, на наш взгляд, позволит глубже изучить механизмы умелого манипулятивного воздействия, осуществляемого говорящим, и оценки аудитории, что в первом случае предстает условием успеха медийной коммуникации, а во втором – критерием успешности медийного текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карпилович, Т. П. Коммуникативные категории научного дискурса / Т. П. Карпилович. – Минск : МГЛУ, 2018. – 160 с.
2. Пронин, Е. И. Выразительные средства журналистики : дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.10 / Е. И. Пронин. – М., 1984. – 394 л.
3. Стюфляева, М. И. Поэтика публицистики / М. И. Стюфляева. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1975. – 154 с.
4. Шмелев, Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях: к постановке проблемы / Д. Н. Шмелев ; Акад. наук СССР. – М. : Наука, 1977. – 168 с.
5. Современный медиатекст : учеб. пособие / Омск. гос. ун-т ; отв. ред. Н. А. Кузьмина. – Омск : Татьяна, 2011. – 414 с.

УДК 811.111'42

Шевцова Алеся Константиновна

кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой
романо-германской филологии
Могилевский государственный
университет имени А. А. Кулешова
г. Могилев, Беларусь

Alesya Shevtsova

PhD in Philology, Associate Professor,
Head of the Chair of Romance and
Germanic Linguistics
Mogilev State University
named after A. Kuleshov
Mogilev, Belarus
shevtcova@msu.by

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ЦЕННОСТНОЙ КАРТИНЫ МИРА В ДИСКУРСЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ

VERBALIZATION OF THE VALUE PICTURE OF THE WORLD IN THE DISCOURSE OF ENGLISH-LANGUAGE PUBLIC SPEECHES

Статья посвящена анализу основных ценностных концептов, составляющих общую для англоязычного сообщества ценностную картину мира. В рамках проводимого исследования предпринимается попытка определить ее статус, ее положение в структуре общей картины мира человека, а также выявить способы ее вербального воплощения в медиальном пространстве.

The article is devoted to the analysis of the main value concepts that make up the value picture of the world common to the English-speaking community. Within the framework of the research, there have been made an attempt to determine the status of the value picture of the world, its position in the structure of the general picture of world, as well as to identify some ways of its verbal embodiment in the medial space.

К л ю ч е в ы е с л о в а: ценностная картина мира; публичное выступление; концепт; языковая картина мира; медиальное пространство.

Key words: value picture of the world; public speech; concept; linguistic picture of the world; medial space.

В настоящее время в лингвистической науке отчетливо прослеживается развитие нового направления научных изысканий, ознаменованного медиальным поворотом исследовательского интереса. Наряду с уже достаточно разработанным дискурсивным подходом к проведению лингвистических исследований, на первый план выходит понятие *медиальности*, которое, в свою очередь, требует некоторых уточнений.

С развитием современных технологий, предполагающих многоканальность и разноплановость продуцирования и обработки вербального и невербального дискурса, происходит расширение поликодовости коммуникации. В. Е. Чернявская отмечает, что медиальное следует рассматривать в диалектической взаимообусловленности с ментальными феноменами. По мнению

исследователя, «специфика медиального аспекта – его вербальный / невербальный / семиотически гетерогенный характер / устный / письменный, дистантный / личный – является фактором, влияющим на формирование, структурирование, презентацию мыслительного содержания субъектом и его восприятие адресатом» [1, с. 32].

В целом отправной точкой в исследовании медиального пространства и определении границ понятия медиальности в работах многих лингвистов-коммуникативистов является «теория тетрад», или «законы медиа» канадского ученого-теоретика М. Маклюэна. Обобщив основные идеи упомянутых законов, вслед за И. Б. Архангельской, представляется возможным систематизировать главные черты медиа в широком смысле слова. По утверждению исследователя, любой продукт человеческой мысли существует по следующим правилам: «усиление (enhancement), выведение из обращения старого продукта (obsolescence), возврат в новой форме на новом уровне ранее существовавшего продукта или явления (retrieval) и полное изменение продукта или явления, превращение его в нечто новое, и, возможно, полную противоположность ранее существовавшему (reversal)» [2, с. 24]. Предложенные М. Маклюэном теория и законы способны во многом объяснить явления, имеющие место в медийном пространстве. В том числе применительно к нематериальным вещам, связанным с духовной и когнитивной сферами человеческой жизни.

Картина мира любого современного человека формируется под активным воздействием средств массовой информации, в первую очередь, интернет-технологий с циркулирующими в их пространстве информационными потоками, обеспечивающими межличностную коммуникацию на качественно новом уровне. При этом понятие картины мира представляется достаточно комплексным и многослойным. В настоящее время учеными выделяется как минимум триада, состоящая из реальной, культурной и языковой картины мира [3; 4]. Медиальный контекст, в котором существует человек сегодня, оказывает непосредственное влияние на формирование картины мира на всех ее уровнях. Благодаря средствам массовой информации и в их конкретной интерпретации мы получаем сведения о процессах, происходящих в окружающем нас мире, формируем образы и понятия о действительности, что оформляет нашу концептуальную картину мира. В то же время необходимо учитывать тот факт, что отражение действительности в голове человека (концептуальная картина мира) является динамичной сущностью, находящейся под влиянием вербального оформления поступающей информации. Таким образом, языковая картина мира, с одной стороны, отражает образы в сознании человека, с другой – формирует эти образы. Как пишет Ю. Д. Апресян, каждый естественный язык «отражает определенный способ концептуализации (восприятия и организации) мира, при этом значения, которые выражаются в языке, формируют единую систему взглядов, представляющую собой некую “коллективную философию”, которая “навязывается” всем носителям данного языка в качестве обязательной» (цит. по [3]).

Помимо приведенной выше триады исследователи усматривают в картине мира ряд формаций иного порядка: «религиозную, мифологическую, художественную, научную и наивную картину мира, что связано с многогранностью человеческого сознания, пользующегося разными способами и каналами мировосприятия, обеспечивающими его взаимодействие с миром» [5, с. 17]. При этом, по утверждению Н. А. Любимовой и Е. В. Бузальской, указанные картины мира встраиваются в структурную триаду общей картины мира, имеющей генерализующий статус в отношении частных типов. Общая картина мира человека включает в свою структуру три сферы: когнитивную (реальную, находящую отражение в мозгу человека), национально-специфическую концептуальную (культурную) и языковую [5, с. 18].

В рамках нашего исследования мы задаемся вопросом о статусе ценностной картины мира, ее положении в структуре общей картины мира человека, а также способах ее вербального воплощения в медиальном пространстве. Опираясь на проводимые ранее исследования, можно предположить, что ценностная картина мира по аналогии с языковой картиной мира включается в структуру общей концептуальной модели мира в голове человека, т.е. «совокупности представлений и знаний человека о мире, интегрированной в некое целое и помогающей человеку в его дальнейшей ориентации при восприятии и познании мира» [6, с. 169]. В. И. Карасик определяет ценностную картину мира как совокупность «взаимосвязанных оценочных суждений, отражающих юридические, религиозные, моральные кодексы народа-носителя языка. <...> В ценностной картине мира имеются ценностные доминанты, наиболее существенные для культуры смыслы, определяющие тип культуры, хранимый в языке и транслируемый будущим поколениям» [7]. Принимая во внимание тот факт, что ценностная картина мира включает как субъективные, так и общезначимые, общечеловеческие элементы, ее положение относительно остальных картин мира в сознании человека может определяться как пограничное на пересечении когнитивной и национально-специфической концептуальной сфер структуры глобальной картины мира отдельного индивида.

В соответствии с классификациями, разработанными американскими социологами Э. Стилом и Ч. Риддингом [8], а также российскими лингвистами Ю. С. Вашталовой и Е. В. Троценковой [9], представляется возможным выделить следующие ценности, присущие англоязычному обществу: достижение успеха, нацеленность на результат, перемены и прогресс, равенство, упорство и оптимизм, индивидуализм, свобода слова и вероисповедания, материальный достаток, семья, а также любовь, образование, здоровье, права человека, мир.

Нами были проанализированы 50 публичных выступлений англоязычных политических и общественных деятелей с целью выявления основных ценностных концептов, составляющих общую для англоязычного сообщества ценностную картину мира. В данном случае перед нами не стоит задача разграничить американскую, британскую или любую другую англоязыч-

ную лингвокультуру. Напротив, мы допускаем тот факт, что сквозь призму одного языка – английского – всем англоязычным сообществам присуща в некоторой степени схожая ценностная картина мира. Следует уточнить, что отобранный материал принадлежит к двум временным срезам, которые не являются отдаленными хронологически, однако демонстрируют назревающие перемены в ценностной картине мира.

Как показали результаты проведенного анализа, в отобранных нами случайным образом публичных выступлениях, которые относятся ко второй половине XX века – началу XXI века, присутствуют следующие ценностные концепты (приводятся в порядке убывания по частоте использования): «мир», «демократия», «права человека», «семья», «свобода», «успех», «равенство», «образование». Например, *The greatest issue in this election, indeed the greatest issue before our country, is whether Britain is to remain a **free, independent, nation state*** ‘Самый большой вопрос на этих выборах, действительно самый большой вопрос, стоящий перед нашей страной, заключается в том, должна ли Великобритания оставаться **свободным, независимым** национальным государством’ (Thatcher, 22.05.2001); ***Prosperity and progress** have reached farther than any time in our history* ‘**Процветание и прогресс** достигли большего, чем когда-либо в нашей истории’ (Bush, 13.11.2008); *To give **our children** the chance to live out their dreams in a world that’s never been more competitive, we will equip tens of thousands of **schools, community colleges, and public universities** with 21st century **classrooms, labs, and libraries*** ‘Чтобы дать **нашим детям** шанс осуществить свои мечты в мире, который никогда не был более конкурентоспособным, мы оснастим десятки тысяч **школ, общественных колледжей и государственных университетов** классными комнатами, лабораториями и библиотеками **21 века**’ (Obama, 08.01.2009); *This is a city whose skyline has offered immigrants their first glimpse of **freedom*** ‘Это город, горизонт которого дал иммигрантам их первый проблеск **свободы**’ (Bush, 13.11.2008).

На этом фоне политические и общественные деятели сегодня (2020–2021 гг.) актуализируют несколько иную ценностную картину мира по сравнению с приведенной выше. Ввиду пандемии, захлестнувших мир катаклизмов наряду с вышеупомянутыми концептами важное место стало отводиться концептам «здоровье человека», «природа» и «солидарность». Так, премьер-министр Великобритании Борис Джонсон в своем выступлении на 76-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 22 сентября 2021 г. отметил: *It is time for humanity to grow up. It is time for us to listen to the **warnings of the scientists** – and look at Covid, if you want an example of gloomy scientists being proved right – and to understand who we are and what we are doing. The **world** – this **precious blue sphere** with its eggshell crust and wisp of an atmosphere – is not some indestructible toy, some bouncy plastic romper room against which we can hurl ourselves to our*

heart's content. Daily, weekly, we are doing such **irreversible damage** that long before a million years are up, we will have made this **beautiful planet** effectively uninhabitable – not just for us but for many other species 'Человечеству пора повзреть. Пришло время нам прислушаться к **предупреждениям ученых** – и посмотреть на Ковид, если вы не хотите, чтобы мрачные прогнозы ученых оправдались, – и понять, кто мы и что мы делаем. **Мир** – эта **драгоценная голубая сфера** с корочкой из яичной скорлупы и клочком атмосферы – это не какая-то неразрушимая игрушка, не какая-то надувная пластиковая детская комната, в которую мы можем бросаться, сколько душе угодно. Ежедневно, еженедельно мы наносим такой **необратимый ущерб**, что менее чем через миллион лет мы сделаем эту **прекрасную планету** практически непригодной для жизни – не только для нас, но и для многих других видов'. При этом Б. Джонсон отмечает необходимость солидаризации на пути преодоления возникших проблем: *We must **come together** in a **collective** coming of age. We must show we have the maturity and wisdom to act. And we can* 'Мы должны **объединиться** в **коллективном** достижении совершеннолетия. Мы должны показать, что у нас есть зрелость и мудрость, чтобы действовать. И мы можем'.

Обратимся к выступлению американского президента Джо Байдена на этой же сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Он апеллирует к таким ценностям, как права человека, безопасность, мир, здоровье человека, солидарность: *Will we **work together** to **save lives**, **defeat COVID-19** everywhere, and take the necessary steps to prepare ourselves for the next pandemic? For there will be another one. Or will we fail to harness the tools at our disposal as the more virulent and dangerous variants take hold? Will we meet the **threat of challenging climate** – the challenging climate we're all feeling already ravaging every part of our world with extreme weather? Or will we suffer the **merciless march of ever-worsening droughts and floods, more intense fires and hurricanes, longer heatwaves and rising seas**? <...> Instead of continuing to fight the wars of the past, we are fixing our eyes on devoting our resources to the challenges that hold the keys to **our collective future: ending this pandemic; addressing the climate crisis; managing the shifts in global power dynamics; shaping the rules of the world on vital issues like trade, cyber, and emerging technologies*** 'Будем ли мы **работать вместе**, чтобы **спасти жизни, победить COVID-19** повсюду и предпринять необходимые шаги, чтобы подготовиться к следующей пандемии? Ибо будут и другие. Или мы не сможем использовать имеющиеся в нашем распоряжении инструменты по мере того, как будут распространяться еще более опасные варианты? Сможем ли мы противостоять угрозе изменения климата – **изменение климата**, которое, как мы все чувствуем, уже проверяет на прочность каждую точку нашего мира экстремальными погодными условиями? Или мы будем страдать от **безжалостного марша все усиливающихся засух и наводнений, более сильных пожаров и ураганов, более продолжительных волн жары**

и повышения уровня моря? <...> Вместо того, чтобы продолжать вести войны прошлого, мы сосредоточили наши усилия на том, чтобы направить ресурсы на решение задач, которые являются ключом к нашему **коллективному будущему: прекращение этой пандемии; преодоление климатического кризиса; управление изменениями в динамике глобальной власти; формирование правил мира по таким жизненно важным вопросам, как торговля, кибернетика и новые технологии**'. Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш также замечает в своем выступлении: *The world must wake up <...> due to the greatest cascade of crises in our lifetimes. We are on the edge of an abyss — and moving in the wrong direction <...> Our world has never been more threatened, or more divided* 'Мир должен проснуться <...> из-за величайшего каскада кризисов в нашей жизни. Мы находимся на краю пропасти – и движемся в неправильном направлении <...> Наш мир никогда не подвергался столь серьезным угрозам или никогда не был настолько разделенным'.

Вместе с доминированием относительно новых концептов в выступлениях современных ораторов продолжают актуализироваться традиционные ценности: *There is no better testament to Joe's character than his **family** – including his **wife**, Dr. Jill Biden, who has said she will keep her teaching job as First Lady* 'Нет лучшего свидетельства проявления характера Джо, чем его **семья**, включая его **жену**, доктора Джилл Байден, которая заявила, что продолжит свою преподавательскую работу, даже будучи первой леди' (Hillary Clinton, 20.08.2020); *We can **teach** our children in **safe schools*** 'Мы можем учить наших детей в безопасных школах' (Biden, 20.01.2021); *Their dreams are our dreams; and **their success** will be **our success*** 'Их мечты – это наши мечты, и их **успех будет нашим успехом**' (Trump, 20.01.2017).

Упомянутые выше концепты эксплицируются, прежде всего, на лексическом уровне. Ораторами используются лексемы, непосредственно объективирующие данные конкретные концепты, могут приводиться дефиниции, вербализующие концепты на синтаксическом уровне. Достаточно часто концептуальное поле расширяется за счет использования синонимичных лексических единиц (... *to amplify our **collective strength and speed**, our progress toward dealing with these global challenges* 'чтобы усилить **нашу коллективную силу и скорость**, наш прогресс в решении этих глобальных проблем'; ... *To ensure that our own future, we must **work together with other partners** – our partners – toward a **shared future*** 'Чтобы обеспечить наше собственное будущее, мы должны **работать вместе с другими партнерами** – нашими партнерами – в направлении **общего будущего**' (Biden, 21.09.2021)), «целостных смысловых образований, которые объективируются на основании установления отношений в системе, номинации в системе языка. Средствами такой объективации могут выступать как слово, так и фразеологизм, словосочетание, структурная схема предложения и даже текст, если в нем раскрывается сущность какого-либо концепта» [10, с. 397].

Таким образом, можно заключить, что ценностная картина мира включает как индивидуальные, так и универсальные (общенациональные, общечеловеческие) элементы и занимает переходное положение на пересечении когнитивной и национально-специфической концептуальной сфер структуры глобальной картины мира отдельного индивида. При этом ценностные концепты представляют собой динамичные образования и способны исчезать или появляться, оформляя общую картину мира в сознании человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чернявская, В. Е. Текст в медиальном пространстве : учеб. пособие / В. Е. Чернявская. – М. : ЛЕНАНД, 2017. – 232 с.
2. Архангельская, И. Б. «Законы медиа» Маршалла Маклюэна / И. Б. Архангельская // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10, Журналистика. – 2008. – № 6. – С. 19–26.
3. Андреева, И. В. Ценностная картина мира как лингвистическая и философская категория [Электронный ресурс] / И. В. Андреева // Аналитика культурологии. – 2006. – № 6. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnaya-kartina-mira-kak-lingvisticheskaya-i-filosofskaya-kategoriya>. – Дата доступа: 20.10.2021.
4. Серебренников, Б. А. Как происходит отражение картины мира в языке? / Б. А. Серебренников // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. – М., 1988. – С. 87–107.
5. Любимова, Н. А. «Картина мира»: содержание, терминологический статус и общая иерархия ее составляющих / Н. А. Любимова, Е. В. Бузальская // Мир русского слова. – 2011. – № 4. – С. 13–20.
6. Кубрякова, Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира / Е. С. Кубрякова // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / отв. ред. Б. А. Серебренников. – М., 1988. – С. 144–172.
7. Карасик, В. И. Культурные доминанты в языке / В. И. Карасик // Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик ; Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2002. – С. 166–205.
8. Steele, E. D. The American Value System: Premises for Persuasion, Western Speech [Electronic resource] / E. D. Steele, W. C. Redding. – Mode of access: http://www.changingminds.org/explanations/values/american_values. – Date of access: 21.01.2021.
9. Вашталова, Ю. С. Эксперимент по градуированию ценностей как фактор в прогнозировании прагматического эффекта политической речи / Ю. С. Вашталова, Е. В. Троценкова // Англистика XXI века : материалы V Всерос. науч. конф. памяти проф. В. В. Бурлаковой, 20–22 янв. 2010 г. – СПб., 2010. – С. 261–264.
10. Федулова, М. Н. Совокупность средств вербальной репрезентации концепта / М. Н. Федулова // Вестн. РУДН. Сер. Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2017. – Т. 8, № 2. – С. 394–402.

УДК 81'42

Егоров Николай Викторович

старший преподаватель кафедры
теории и практики перевода № 1
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Nikolay Egorov

Senior Lecturer of the Chair
of Theory and Practice of Interpreting
and Translation №1
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
nicolas.egorov@gmail.com

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ДИСКУРС: ПОПЫТКА ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

POPULAR SCIENCE DISCOURSE: AN ATTEMPT TO DIFFERENTIATE

В статье предпринята попытка дифференцировать научно-популярный дискурс в рамках предлагаемой системы дискурсивных типов. С опорой на авторитетные источники автор отмечает актуальность вопроса о месте рассматриваемого дискурса, целью которого является информирование и распространение нового научного знания в доступной форме среди широкой публики. Особое внимание уделяется описанию научно-популярного дискурса на основе набора признаков, включающего цель общения, участников коммуникации, хронотоп, ценности, стратегии, материал (тематику), жанры, прецедентные тексты и дискурсивные формулы. Определено, что научно-популярный тип испытывает на себе непосредственное влияние научного и медийного дискурсов. Сделан вывод о том, что рассматриваемый дискурс является гибридным междискурсивным образованием.

The article focuses on the effort to differentiate popular science discourse. The analysis is based on a set of criteria, such as goals and actors of communication, chronotopos, values, strategies, materials (themes), genres, precedent texts, and discourse formulas. In conclusion, the author identifies the above discourse as a hybrid inter-discourse formation.

К л ю ч е в ы е с л о в а: научно-популярный дискурс; дифференциация; институциональный дискурс; интертекстуальность; коммуникативная цель; дискурсивные жанры.

Key words: popular science discourse; differentiation; institutional discourse; intertextuality; communicative goal; discourse genres.

Попытки отнести научно-популярный дискурс к самостоятельному типу дискурса, равно как и доказать обратное, предпринимались множеством ученых фактически с момента появления научных работ, посвященных исследованию рассматриваемой дискурсивной разновидности [1; 2; 3]. В настоящее время ученые не оставили попыток поставить точку в вопросе

определения места научно-популярного типа среди других институциональных дискурсов, что делает его по-прежнему актуальным для современного дискурс-анализа.

Если в персональном дискурсе личность представляется во всей ее многогранности и внутреннем богатстве, то в институциональном дискурсе актуализируется определенная социальная роль говорящего. В. И. Карасик выделяет 15 типов институционального дискурса: политический, дипломатический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, мистический, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный, сценический и массово-информационный, отмечая при этом, что перечень актуальных институциональных дискурсов не является закрытым и статичным в силу исторической изменчивости социальных институтов, их структуры и значимости [4].

Учитывая полемику, развернувшуюся в научных кругах касательно места научно-популярного дискурса (В. И. Карасик [4], Т. Н. Гнедько [5], А. С. Безсонова [6] и др.), уместно отметить, что он «сочетает в себе элементы научного, педагогического, медицинского, публицистического, политического и других типов дискурса в зависимости от коммуникативной ситуации, задач, которые ставит перед собой автор (адресант), познавательных интересов адресата, исторической и социальной обусловленности» [6]. Подобно тому, как язык африкаанс образовался на основе нидерландского, немецкого, английского и других местных для Южной Африки языков и наречий, рассматриваемый дискурс сформировался на стыке перечисленных выше дискурсивных типов.

Основанием для выделения научно-популярного дискурса в отдельный институциональный тип могут служить такие системообразующие признаки, как цель общения и характеристика коммуникантов. Для описания данной дискурсивной разновидности нами используется система признаков, предлагаемая В. И. Карасиком [4]: 1) участники; 2) хронотоп; 3) цели; 4) ценности и ключевые концепты; 5) стратегии; 6) материал (тематика); 7) разновидности и жанры; 8) прецедентные тексты; 9) дискурсивные формулы.

Для каждого участника коммуникации в научно-популярном дискурсивном пространстве определена своя роль: автор-журналист выполняет функцию медиатора передового научного знания, массовый читатель – конечного адресата такого знания; специалист или ученый выступает в статусе комментатора или эксперта; рядовому человеку отводится роль наблюдателя, очевидца события.

Как отмечает В. И. Карасик, хронотоп научно-популярного дискурса фиксирует «состояние дисциплинарного знания в определенный временной период» [4, с. 12]. Содержание хронотопа в рассматриваемом дискурсе далее раскрывает в своей работе А. Ю. Багиян, представляя его как обстановку,

свойственную письменному научному диалогу без ограничений по месту и времени, т.к. работа с текстом может происходить практически в любой пространственно-временной обстановке [7, с. 83].

Научно-популярный дискурс обладает единой коммуникативной целью распространения информации и прагматической направленностью именно на массового адресата. Данный тип имеет целью популяризировать научное знание, иными словами, уведомить рядового читателя о достижениях в разных областях человеческой деятельности, а также заинтересовать широкую аудиторию историей открытий, развитием научной мысли. Также следует отметить, что тексты научно-популярного дискурса сконцентрированы на объекте исследования, а тексты сугубо научного характера сфокусированы на ходе исследования рассматриваемого объекта [8, р. 21].

Ввиду научности самого научно-популярного дискурса логично предположить, что ценности научного и научно-популярного типов идентичны и сосредоточены в ключевых концептах («истина», «знание», «исследование») и «сводятся к признанию познаваемости мира, к необходимости умножать знания и доказывать их объективность, к уважению к фактам, к беспристрастности в поисках истины» [4, с. 13].

В настоящей работе тактико-стратегическая организация научно-популярного дискурса приводится с опорой на анализ структуры информационно-аналитических статей на английском и белорусском языках. Она представлена магистральными стратегиями информирования и убеждения; их использование автором обусловлено рамочной стратегией популяризации научного знания. В свою очередь, последняя является элементом, обобщающим всю организационную структуру научно-популярной статьи. Магистральная стратегия информирования реализуется с помощью коммуникативных тактик донесения информации, рациональной оценки и разъяснения. Стратегия убеждения представлена тактиками аргументации, апелляции к эмоциям и акцентуации достоверности.

Научный дискурс непосредственно влияет на выбор темы и одновременно служит источником материала для автора научно-популярных публикаций. По мнению А. Ю. Багияна, если воспринимать тематическое разнообразие научного типа как семантическое множество, то тематика научно-популярного дискурса служит его подмножеством [7, с. 84].

Жанровое разнообразие научно-популярного дискурса основывается на взаимодействии научно-популярной литературы с научными жанрами, что, в свою очередь, привело к появлению таких жанров, как научно-популярная монография, научно-популярная статья, общедоступные лекции и т.п. По мнению В. Е. Чернявской, в данном случае реализуется принцип вторичности произведений научно-популярного дискурса относительно произведений собственно

научного. Однако ни в смысловом, ни в композиционном отношении произведения научно-популярного дискурса не основываются на предшествующих научных текстах [9, с. 42]. Тем не менее жанровая палитра научно-популярных дискурсивных образований во многом обязана своим современным видом периодическим изданиям и испытывает на себе непосредственное влияние системы жанров печатных средств массовой информации; среди последних в качестве наиболее распространенных традиционно отмечают информационные (заметка, интервью, репортаж), аналитические (статья, обзор) и художественно-публицистические (очерк, эссе, фельетон).

Касательно прецедентных текстов научно-популярного дискурса следует отметить, что для них, равно как и для научных публикаций, характерна интертекстуальность. Она «выступает как специфическая стратегия соотнесенности с другими текстами, как тот способ, которым один текст актуализирует в своем пространстве другой, выражая авторский замысел» [10, с. 77].

Любая научно-популярная статья содержит такой семантический компонент, как комментарий эксперта, который вербализуется в виде высказываний, выраженных прямой или косвенной речью ученого или эксперта. В каждом из таких высказываний даются имя такого специалиста, его точка зрения на рассматриваемый вопрос, т.е. непосредственно интертекст. В таких высказываниях зачастую просматривается и эксплицитная оценка адресанта приводимого в интертексте мнения другого ученого [11, с. 58].

Прецедентные тексты научного и научно-популярного дискурсивных типов неизменно служат актуальным источником научной информации как для специалистов, так и рядовых читателей. Вместе с тем А. Ю. Багиян отмечает, что «если научно-популярные статьи различных изданий могут служить прецедентными текстами в научно-популярном дискурсе, то в собственно научном дискурсе подобное практически невозможно» [7, с. 84].

В плане дискурсивных формул научно-популярному дискурсу в меньшей степени свойственны клишированные выражения научного дискурса, равно как и высокая насыщенность специфической терминологией, затрудняющей понимание содержания обывателем. Значительную часть терминологической лексики в научно-популярных публикациях составляют общеупотребительные термины, поскольку авторское изложение должно быть априори доступным широкому кругу читателей. В этой связи отметим, что научно-популярный текст отличается от собственно научного своей адресностью. В научно-популярных статьях прослеживаются особенности, характерные для текстов публицистического характера, что, в свою очередь, говорит о тесной связи рассматриваемой дискурсивной разновидности с медийным дискурсом.

Подводя итоги, следует отметить, что на современном этапе научно-популярный дискурс, с одной стороны, продолжает испытывать значитель-

ное влияние научного типа, с другой – развивается под непосредственным воздействием медийного дискурса. При наличии ряда отличительных признаков, связанных с присутствием специфического участника коммуникации (массового читателя), характерных целей и тактико-стратегической организации, сегодня не представляется возможным причислить научно-популярный дискурс к самостоятельным институциональным типам; уместней определить его как гибридную дискурсивную разновидность, развивающуюся на стыке научного и медийного дискурсов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Девкин, А. П.* Определение и объяснение как композиционно-речевые формы в английских научных и научно-популярных текстах : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. П. Девкин. – Минск, 1984. – 174 л.
2. *Кислицина, С. В.* Лингвостилистические средства научно-популярного изложения : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / С. В. Кислицина. – М., 1984. – 188 л.
3. *Баташева, Л. А.* Приемы популяризации в различных типах научной речи : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Л. А. Баташева. – Саратов, 1985. – 186 л.
4. *Карасик, В. И.* О типах дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. / Волгогр. гос. пед. ун-т ; под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. – Волгоград, 2000. – С. 5–20.
5. *Гнедько, Т. Н.* Функционально-стилевой статус научно-популярного текста / Т. Н. Гнедько // Наукові записки Ніжинського державного університету ім. М. Гоголя. Сер. Філологічні науки. – 2014. – № 2. – С. 47–52.
6. *Безсонова, А. С.* Понятие «научно-популярный дискурс» в лингвистической литературе / А. С. Безсонова // Лінгвістичний вісник : зб. наук. пр. / Донбас. держ. пед. ун-т. – Бахмут, 2016. – Вип. 5. – С. 102–110.
7. *Багиян, А. Ю.* Сущностные свойства и основные характеристики научно-популярного дискурса / А. Ю. Багиян // Вестн. Пятигор. гос. лингвист. ун-та. – 2014. – № 3. – С. 81–86.
8. *Myers, G.* The pragmatics of politeness in scientific articles / G. Myers // Applied Linguistics. – 1989. – Vol. 10, № 1. – P. 1–35.
9. *Чернявская, В. Е.* Интерпретация научного текста : учеб. пособие / В. Е. Чернявская. – 4-е изд. – М. : ЛКИ, 2007. – 128 с.
10. *Чернявская, В. Е.* Лингвистика текста. Лингвистика дискурса : учеб. пособие / В. Е. Чернявская. – М. : Флинта : Наука, 2013. – 208 с.
11. *Карпилович, Т. П.* Коммуникативные категории научного дискурса / Т. П. Карпилович. – Минск : МГЛУ, 2018. – 160 с.

УДК 81'42

Радион Елена Николаевна

старший преподаватель кафедры
истории и грамматики английского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Elena Radion

Senior Lecturer of the Chair
of English History and Grammar
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
elenaradion@yahoo.com

АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕМЕЙНОГО ДИСКУРСА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ

RELEVANCE OF THE STUDY OF FAMILY DISCOURSE IN THE CONTEXT OF MODERN LINGUISTIC TENDENCIES

Данная статья является попыткой обосновать изучение семейного дискурса через связь между общественными тенденциями и их влиянием на возникновение новых лингвистических направлений. Актуальность исследования заключается в интегративном подходе, т.е. в привлечении знаний из различных лингвистических областей (лингвопрагматика, социолингвистика, дискурс-анализ), с особым вниманием к понятиям речевой коммуникации, дискурса и дискурсивной личности.

This article is an attempt to substantiate the study of family discourse through the connection between social trends and their influence on the emergence of linguistic trends. The relevance of the study of family discourse lies in the integrative approach, that is, in applying knowledge from various linguistic areas, such as linguistic pragmatics, sociolinguistics, discourse analysis, with special attention to the concepts of speech communication, discourse and discursive personality.

К л ю ч е в ы е с л о в а: междисциплинарность; интегративность; полипарадигмальность; семейный дискурс; речевая коммуникация; дискурс; коммуникативная компетенция; дискурсивная личность.

Key words: interdisciplinarity; integrativity; polyparadigmality; family discourse; speech communication; discourse; communicative competence; discursive personality.

Развитие информационного общества привело к значительным переменам в культурной и научной сферах общественной жизни, к смене ценностных систем и образов мышления, переосмыслению традиционных понятий и определений, полностью изменилось наше понимание информации, которая стала рассматриваться как основная социальная ценность. На этом фоне возникает необходимость пересмотра роли языка, намечаются интересные перспективы для лингвистических исследований.

Появление новых лингвистических направлений в конце XX – начале XI века связано со тем, что современные исследователи рассматривают язык

как глобальное средство коммуникации и стремятся к разностороннему описанию и объяснению языковых явлений с учетом множественных подходов и мнений. Кроме того, изменения в жизни общества неизбежно ведут к языковым изменениям, поскольку язык как средство передачи, накопления и сохранения информации очень быстро реагирует на любого рода трансформации в социальной структуре, не говоря уже о кардинальной смене общественной парадигмы.

При этом противоречия, которыми сопровождается становление информационного общества, не только способствуют многообразию научных точек зрения, но и приводят к возникновению своеобразных научных водоворотов, характеризующихся зачастую отсутствием единого подхода к объектам лингвистического анализа, множественностью и избыточностью терминологии, основанной на междисциплинарных исследованиях, мозаичности лингвистических научных направлений.

Далее перечислим некоторые из мировых языковых тенденций и рассмотрим, каким образом они способствуют расширению интересов в области лингвистических исследований.

1. Доминирование английского языка как единого языка мирового общения vs. возрождение интереса к языкам меньшинств, этническим особенностям языковых вариантов, диалектов. Глобальное использование английского языка стало оказывать влияние на другие языки (появление избыточного количества англицизмов в национальных языках, возникновение гибридных языков, таких как хинглиш, спэнглиш, рунглиш и др.) Изменение роли английского языка в мировом сообществе привело к примитивизации английского языка, используемого для межкультурной коммуникации. Данные тенденции спровоцировали интерес к изучению типологии языков, состоянию английского языка, который выступает одновременно и как орудие языковой экспансии, и как жертва пиджинизации.

В то же время в рамках ценностной ориентации на инклюзивность и равенство возможностей в английском *lingua franca* стали развиваться тенденции к политической корректности и эвфемизации. Возник целый корпус эвфемистической лексики, обусловленной подчеркнутым вниманием к интересам отдельных групп и меньшинств. Исследователи стали проявлять больше интереса к национально-культурной специфике речевого поведения, идиоэтничности национальных языков, этнолингвистическим и социолингвистическим особенностям в языке, к изучению языковой личности и ее дискурсивным проявлениям.

2. Расширение сфер употребления языка и появление новых стилей и жанров vs. снижение литературных стандартов, упрощение принципов и правил общения. Всеобщая информатизация приводит к расширению сфер употребления языка, к возникновению новых коммуникативных стилей

и жанров, связанных с использованием интернет-сервисов, социальных сетей, мессенджеров и т.д., и каждый новый вид коммуникации вырабатывает свои графические и лексические языковые средства, коммуникативные стратегии и тактики речевого (письменного и устного) взаимодействия. Следовательно, в лингвистике возрос интерес к исследованиям моделей речевой коммуникации, принципов речевого взаимодействия, дискурса как «текста, погруженного в жизнь», его типологии и видам (кинодискурс, медийный дискурс, рекламный дискурс, экологический дискурс, дискурс социальных сетей и интернет-каналов и т.д.).

Вместе с тем массовое использование информационных технологий снижает потребность в четком соблюдении грамотности и норм литературного языка, правил пунктуации, приводит к упрощению синтаксиса, увеличению сленговых и просторечных форм коммуникативного самовыражения. Для исследователей в области лингвистики расширяются возможности для проведения экспериментов и наблюдения за эволюцией языковых стандартов. Растет количество междисциплинарных исследований на стыке психологии и лингвистики, социологии и лингвистики, неврологии и лингвистики и т.д. с целью более полноценно описать и объяснить происходящие языковые изменения.

3. Рост осознанного употребления языка и более глубокого понимания языковых процессов для манипулятивного воздействия vs. тенденция к поверхностному восприятию информации. Третья тенденция основывается на постоянной потребности информационного общества в новых информационных продуктах. Интерес к информации как объекту потребления повышает информационную грамотность, дает возможность более осознанно и разнообразно использовать языковые средства в процессе коммуникации, расширяет словарный запас (неологизмы, профессиональная лексика). Соответственно, в лингвистических исследованиях возрождается интерес к лингвокультурологии, к гипотезе лингвистической относительности Сепира-Уорфа, появляются новые теоретические обоснования связи языка и мышления и эффективного использования этой связи с целью оказать влияние на адресата.

В то же время колоссальные потоки информационной продукции, которые человек вынужден пропускать через себя день за днем, приводят к более поверхностному восприятию информации, что отражается, в первую очередь, в педагогической практике: знание большого числа слов не означает понимание их смысла. Исследователи обращаются к семиотическим и семантическим направлениям, к изучению когнитивной лингвистики, а также таких понятий, как лингвистическое кодирование, лингвистический код.

Итак, внешнее разнообразие подходов и лингвистических концепций позволяет говорить о «полипарадигмальном» статусе современной лингвистики [1], что объясняется влиянием сложных и противоречивых процессов в информационном обществе, на которые так чутко реагирует язык.

Таким образом, актуальность исследования англоязычной семейной речевой коммуникации определяется общей антропоцентрической, дискурсивной, междисциплинарной и интегративной направленностью современной лингвистики. В настоящее время исследования, сфокусированные на изучении моделей и компонентов речевой коммуникации в социальном и культурном контексте, имеют значение для лингвистики, так как являются частью общей глобальной цели: создать адекватный современности, многомерный лингвистический образ языка. В связи с этим изучение специфики семейного дискурса представляется актуальной задачей.

Прежде всего, отметим, что место семейного дискурса в дискурсивной типологии не так однозначно, как кажется. С одной стороны, семейный дискурс может быть отнесен к бытовому (обиходному) дискурсу в оппозиции к институциональному (в терминологии, предложенной В. И. Карасиком). С другой стороны, возникает необходимость пересмотра и уточнения устоявшихся представлений о бытовой коммуникации. Несмотря на общие тенденции к синкретичности и открытости, семейный дискурс сохраняет определенную формализацию, стереотипность и склонность к статусной маркированности. В семейной коммуникации чувствуется наличие неписанных правил, несоблюдение которых грозит полным коммуникативным провалом.

Кроме того, интерес к семейной коммуникации обусловлен еще и тем, что именно в семейном кругу наиболее ярко проявляется изменение общественной парадигмы. Если перефразировать знаменитое утверждение В. фон Гумбольдта о том, что «язык – это дух народа», можно сказать: «язык – это дух семьи». Семья – это языковой коллектив в миниатюре, в котором отражаются общественные ценности, превалирующий в обществе образ мышления, общественные стереотипы и стигмы. Изменения в общественной жизни привели к существенному сдвигу в ценностных ориентирах, спровоцировав начало эпохи постфамилизма, когда акцент сместился с традиционной семьи как центральной единицы функционирования общества на другие социальные модели, основанные на всеобщей инклюзивности, гендерном равенстве, терпимости к нетрадиционным семейным формам. В данных условиях семейный дискурс становится особенно интересен для анализа, поскольку такая революционная культурная пертурбация не могла не сказаться на развитии коммуникативных моделей, социолектной лексики, ономастических концептов, фразеологии и тематической организации речевой коммуникации в семейной сфере.

Теоретической основой для изучения семейного дискурса служат лингвистические исследования по речевой коммуникации и дискурсу. В первую очередь, речь идет о лингвистической прагматике, которая развилась под влиянием философских идей Л. фон Витгенштейна и теории речевых актов, предложенной Дж. Остином. В широком смысле лингвопрагматика рассматривает в качестве объекта отношение между языковыми явлениями и условиями их употребления в коммуникативном пространстве. При этом в центре изуче-

ния оказываются намерения (интенциональность) и ожидания общающихся, место и время речевого взаимодействия, возникает необходимость систематизировать компоненты коммуникативной ситуации и разработать универсальную модель коммуникации. Здесь следует обратить внимание на работы таких известных теоретиков, как Дж. Сёрл, А. Вержбицкая, Д. Хаймс.

Антропоцентризм как ведущий принцип современных лингвистических исследований приводит к тому, что объектом лингвистических исследований оказывается языковая личность, то есть говорящий человек, использующий язык в целях коммуникации, поскольку, по словам И. А. Бодуэна де Куртенэ, «прежде всего язык существует в душах человеческих...» [2, с. 130]. Изучение «человека в языке» предопределило необходимость рассмотрения языкового проявления внешних параметров, присущих говорящим в каждой конкретной коммуникативной ситуации. При этом для исследования семейного дискурса ключевым можно считать понятие коммуникативной роли, в которой выступает говорящий в каждом конкретном случае. И чем дальше мы отходим от традиционных представлений о патриархальной семье, тем более многообразным становится представление о семейных коммуникативных ролях и выборе соответствующих языковых средств. Наиболее глубоким и обстоятельным представляется взгляд российского лингвиста В. И. Карасика, который вводит понятие дискурсивной личности и очерчивает круг проблем, связанных с ее изучением [3].

Спорным вопросом при изучении семейного дискурса является определение единицы лингвистического анализа. Многие исследователи предлагают считать единицей и отправной точкой в коммуникативных исследованиях коммуникативное событие как «ограниченный в пространстве и времени, мотивированный, целостный, социально обусловленный процесс речевого взаимодействия коммуникантов» [4]. Однако сложность заключается в том, что при более детальном рассмотрении компонентов и структуры коммуникативного события возникают разногласия в подходах к изучению коммуникативного события и коммуникативной ситуации.

Исследователи, разграничивающие данные понятия, ссылаются на то, что коммуникативное событие обладает протяженностью во времени или процессуальностью. Коммуникативная ситуация, в свою очередь, – это статическое понятие, которое можно представить, как контекстную модель, состоящую из набора релевантных параметров коммуникативного события.

Данный подход отражен в работах исследователей М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой, которые отмечают, что коммуникативные события могут быть описаны в двух измерениях: статическом (ситуативно-ролевой аспект) и динамическом (деятельностно-поведенческий аспект). Динамическая сторона коммуникативного события может быть описана в виде сценариев, статический компонент описывается как структурная организация коммуникативной ситуации.

Поскольку большинство коммуникативных событий характеризуется повторяемостью, возникает вопрос об их типизации. И. Н. Борисова предлагает использовать термин «жанр коммуникативного события», который, однако, отличается от понятия «речевой жанр» (форма речевой реализации) и обозначает «социально закрепленные формы коммуникативного взаимодействия, определяющиеся единством его условий, функций и инвариантными признаками речевого поведения его участников, заданными социальными нормами и правилами» [5]. Следовательно, жанр коммуникативного события формируется такими параметрами, как пространство и время, социально-ролевые характеристики участников и социальные нормы взаимодействия (по Арутюновой). М. В. Китайгородская к основным жанрообразующим параметрам коммуникативного события относит пространство, время, партнеров коммуникации (их характеристики) и тему.

Таким образом, исследование коммуникативных особенностей семейного дискурса в современном информационном, техногенном и постфамилиальном обществе претендует на актуальность и научную новизну.

Сложность данной задачи заключается в том, что при обращении к лингвистическому опыту изучения речевой коммуникации и дискурса, а также рассмотрении основных тенденций и научных направлений, существующих в современной лингвистике и актуальных для анализа семейного дискурса, обнаруживается противоречивость и множественность научных подходов, обусловленных общественными изменениями и новым пониманием роли языка в информационном обществе. Следовательно, отправными точками современного лингвистического исследования должны стать определение ключевых понятий и систематизация терминологической базы, необходимой для качественного описания и объяснения собранного языкового материала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубрякова, Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е. С. Кубрякова // Язык и наука конца 20 века : сб. ст. / РАН, Ин-т языкознания ; под ред. Ю. С. Степанова [и др.]. – М., 1995. – С. 144–237.
2. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Избранные труды по общему языкознанию / И. А. Бодуэн де Куртене. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 2. – 391 с.
3. Карасик, В. И. Дискурсивное проявление личности [Электронный ресурс] / В. И. Карасик // Вестн. РУДН. Сер. Лингвистика. – 2016. – № 4. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskursivnoe-proyavlenie-lichnosti>. – Дата доступа: 07.10.2021.
4. Китайгородская, М. В. Речь москвичей. Коммуникативно-культурологический аспект / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. – М. : Рус. словари, 1999. – 396 с.
5. Борисова, И. Н. Русский разговорный диалог. Структура и динамика / И. Н. Борисова. – М. : ЛИБРОКОМ, 2009. – 320 с.

УДК 811.111'37'42

Детскина Яна Сергеевна

аспирант кафедры славянских языков
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Yana Detskina

PhD Student of the Chair of Slavic Languages
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
ydetskina2@gmail.com

ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ
ИНФОРМАЦИОННЫХ И АНАЛИТИЧЕСКИХ ЖАНРОВ

THE LOGICAL-SEMANTIC FEATURES OF ENGLISH-LANGUAGE
JOURNALISTIC TEXTS OF INFORMATION AND ANALYTICAL GENRE

В процессе представленного в статье анализа логико-семантических особенностей англоязычных публицистических текстов информационных и аналитических жанров были выделены три основных структурно-семантических компонента – введение, основная часть и заключение. Даны примеры, иллюстрирующие полученные в ходе анализа результаты.

The article examines the logical-semantic features of English-language journalistic texts of information and analytical genres. In the process of analyzing the studied English-language journalistic texts, three main structural and semantic components were identified – the introduction, the main part and the conclusion. The examples illustrating the results obtained in the course of the analysis are given.

К л ю ч е в ы е с л о в а: публицистический стиль; информационный жанр; аналитический жанр; логико-семантические особенности англоязычных текстов информационного жанра; логико-семантические особенности англоязычных текстов информационного жанра.

Key words: journalistic style; information genre; analytical genre; logical-semantic features of English-language texts of an information genre; logical-semantic features of English-language texts of an information genre.

Согласно английской и американской теории журналистики все публикуемые материалы делятся на две основные категории: некомментируемые сообщения, или собственно информация (*news stories*), и комментируемые материалы (*feature stories*). В английской и американской журналистике, несмотря на богатую историю, всегда преобладал прагматический подход. В результате при наличии огромного количества работ, посвященных структуре и особенностям отдельных жанров, теории газетных жанров как таковой практически нет. Такое пренебрежение к жанрово-стилистическим особенностям информационных материалов сказывается уже во взаимозаменяемости и некоторой расплывчатости используемых терминов (*article, news-item, news story, report*), из которых наиболее распространенным и всеохватывающим в этой жанровой категории

стал *news story*. Зато подлинно глубокой теоретической разработке в последнее время подверглась другая сторона печати – ее прагматическая составляющая, использование средств массовой информации для воздействия на массовое сознание [1; 2].

Под жанрами понимаются устойчивые типы публикаций, объединенных сходными содержательно-формальными признаками. Подобного рода признаки называются жанрообразующими факторами. В качестве основных выделяют следующие факторы: предмет отображения, целевая установка (функция) отображения, метод отображения.

Существует три основных способа отображения предмета: фактографический, аналитический, наглядно-образный. На основе этих способов выделяются три группы жанров: 1) информационные, 2) аналитические, 3) художественно-публицистические.

В газете основную часть публикаций составляют тексты информационных жанров, меньше – аналитических жанров и еще меньше – художественно-публицистических жанров.

Одной из важных особенностей публицистического стиля является сочетание в его рамках двух функций языка – функции сообщения (информативной) и функции воздействия (воздействующей или экспрессивной). Эти функции используются тогда, когда необходимо не только передать некоторую информацию (сообщение), но и произвести на адресата определенное воздействие. Причем автор, излагая факты, выражает свое отношение к ним. Этим и обусловлена яркая эмоционально-экспрессивная окраска публицистического стиля, не характерная ни для научной, ни для официально-деловой речи. Публицистический стиль в целом подчиняется одному конструктивному принципу – чередованию «экспрессии и стандартов» [3].

Нами было проанализировано 90 англоязычных публицистических текстов с целью выявить их внутреннюю организацию. В ходе анализа было установлено, что исследуемые публицистические тексты можно отнести к двум основным жанрам: информационному и аналитическому. Наиболее распространенным является информационный жанр (68 %). На аналитические жанры приходится 32 %.

В процессе исследования англоязычных публицистических текстов были выделены три основных структурно-семантических компонента – введение, основная часть и заключение, которые были подвергнуты дальнейшему анализу. В его ходе выяснилось, что все компоненты состоят из логико-семантических блоков.

Проанализировав исследуемые англоязычные публицистические тексты информационных жанров с точки зрения наличия в них логико-семантических блоков, мы отметили, что чаще всего в текстах данной тематики встречаются 8 блоков: «краткое сообщение о событии», «оценка событий действующим лицом», «характеристика деятельности политика (государств, политических

партий)», «итоги события», «анализ ситуации», «описание главного действующего лица», «предыстория развития событий», «состояние дел на текущий момент» (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Содержание логико-семантических блоков исследуемых англоязычных публицистических текстов информационных жанров

№ п/п	Название семантического блока	Абсолютная частота употребления	Относительная частота употребления
1	Краткое сообщение о событии	47	0,26
2	Оценка событий действующим лицом	31	0,17
3	Характеристика деятельности политика (государств, политических партий)	22	0,12
4	Итоги события	22	0,12
5	Анализ ситуации	17	0,1
6	Описание главного действующего лица	16	0,09
7	Предыстория развития событий	12	0,08
8	Состояние дел на текущий момент	10	0,06
Итого		177	

Как показал анализ, 4 из 8 семантических блока являются наиболее частотными. К ним относится, прежде всего, семантический блок «краткое сообщение о событии» (26 %). Это объясняется тем, что автор статьи, как правило, уже в заголовке знакомит читателя с ситуацией, кратко излагая ее содержание. Затем следуют семантические блоки «оценка событий действующим лицом» (17 %), «характеристика деятельности политика (государств, политических партий)» (12 %), «итоги события» (12 %). Наличие этих блоков и их более частое употребление объясняется самой спецификой информационного жанра публицистического текста, задачей которого является не только сообщить информацию, но и показать отношение к ситуации и роль в ней политического лидера или партии.

Вторую группу по частоте использования составляют такие семантические блоки, как «анализ ситуации» и «описание главного действующего лица» (10 % и 9 % соответственно). Наличие этих блоков говорит о том, что хоть главная функция информационных жанров в газете – информирующая, но в данных статьях также могут присутствовать и элементы анализа, разбора ситуации.

Все остальные блоки менее частотны: «предыстория развития событий» (8 %), «состояние дел на текущий момент» (6 %). Эти блоки встречаются гораздо реже, что доказывает оригинальность и индивидуальность текста.

Нами также были проанализированы логико-семантические блоки в англоязычных текстах аналитических жанров. В них были выделены те же блоки, что и в текстах информационных жанров, но в другом процентном соотношении (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Содержание логико-семантических блоков англоязычных публицистических текстов аналитических жанров

№ п/п	Название семантического блока	Абсолютная частота употребления	Относительная частота употребления
1	Краткое сообщение о событии	23	0,29
2	Анализ ситуации	14	0,17
3	Характеристика деятельности политика (государств, политических партий)	11	0,14
4	Итоги события	10	0,13
5	Оценка событий действующим лицом	7	0,09
6	Состояние дел на текущий момент	6	0,07
7	Предыстория развития событий	5	0,06
8	Описание главного действующего лица	4	0,05
Итого		80	

Как видно из табл. 2, блок «краткое сообщение о событии» является самым частотным в обоих жанрах. Это свидетельствует о том, что почти в каждой статье автор в первую очередь стремится кратко описать ситуацию, тем самым вводя читателя в курс дела. В текстах аналитических жанров этот блок составляет 29 %.

Вторую группу образуют блоки «анализ ситуации» (17 %), «характеристика деятельности политика (государств, политических партий)» (14 %) и «итоги события» (13 %). Достаточно частая встречаемость этих семантических блоков обусловлена самой задачей текстов аналитических жанров – проанализировать ситуацию, обобщить, сделать выводы.

К третьей группе можно отнести все остальные блоки: «оценка событий действующим лицом» (9 %), «состояние дел на текущий момент» (7 %), «предыстория развития событий» (6 %), «описание главного действующего лица» (5 %). Эти блоки в текстах аналитических жанров встречаются достаточно редко, т.к. они являются всего лишь дополнением к аналитическим блокам, предоставляя читателю возможность судить о ситуации, опираясь на мнение действующих лиц.

Проанализировав данные о наличии логико-семантических блоков в англоязычных публицистических текстах информационного и аналитического жанров, мы провели сравнительный анализ полученных блоков по жанрам. Данные анализа представлены в табл. 3.

Т а б л и ц а 3

Содержание логико-семантических блоков
в текстах информационных и аналитических жанров

№ п/п	Название семантического блока	Абсолютная частота употребления в текстах информационных жанров	Абсолютная частота употребления в текстах аналитических жанров
1	Краткое сообщение о событии	47	23
2	Оценка событий действующим лицом	31	7
3	Характеристика деятельности политика (государств, политических партий)	22	11
4	Итоги события	22	10
5	Анализ ситуации	17	14
6	Описание главного действующего лица	16	4
7	Предыстория развития событий	12	5
8	Состояние дел на текущий момент	10	6
Итого		177	80

На основании полученных данных можно сделать следующие выводы. Самым частотным блоком в текстах как информационных, так и аналитических жанров является блок «краткое сообщение о событии». Именно он присутствует практически во всех текстах данной тематики, и это обусловлено стремлением автора уже во вводной части статьи заинтересовать читателя, заставить его прочитать статью до конца.

В анализируемых текстах информационных и аналитических жанров семантические блоки совпали по содержанию, однако их частота употребления оказалось разной: например, блок «оценка событий действующим лицом» в текстах информационных жанров встретился 31 раз, а в текстах аналитических жанров – 7, блок «характеристика деятельности политика (государств, политических партий)» – 22 и 11 раз соответственно. Такая разница в частоте использования обусловлена тем, что, в первую очередь, аналитические жанры в газете

представлены меньшим количеством текстов, а также тем, что задачи обоих жанров различны. Тексты информационных жанров создаются с целью дать информацию о каком-либо событии, явлении, поэтому главными блоками в них являются информационные, содержащие описание ситуации и отношение к ней действующих лиц. Тексты же аналитических жанров призваны, прежде всего, предоставить детальный анализ события или явления, предсказать варианты его развития, обобщить, сделать выводы. Именно поэтому самыми значительными блоками в таких текстах будут аналитические, которые содержат всесторонний анализ фактов, выводы, обобщения и рекомендации автора статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Луканина, М. В. Газетный текст через призму теории коммуникации / М. В. Луканина // Вестник МГУ. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2003. – № 2. – С. 123–133.
2. Сазонов, М. Г. Лингвистические особенности научного изложения в газетной публицистике / М. Г. Сазонов // Разновидности и жанры научной прозы: лингвистические особенности. – М., 1989. – С. 120–132.
3. Наумова, С. А. Теоретические модели коммуникационных процессов и политическая коммуникация / С. А. Наумова // Методология исследований политического дискурса / Белорус. гос. ун-т ; под общ. ред. И. Ф. Ухвановой-Шмыговой. – Минск, 2000. – Вып. 2 : Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. – С. 95–103.

УДК 811.111'37: 811.161.1'37

Тригубова Дарья Леонидовна
аспирант кафедры общего языкознания
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Darya Tryhubava
PhD Student of the Chair of General Linguistics
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
dasha.trigubova@gmail.com

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛОГЛАЙНОВ К КИНОФИЛЬМАМ НА АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

STRUCTURAL AND SEMANTIC CHARACTERISTICS OF FILM LOGLINES IN ENGLISH AND RUSSIAN

Данная статья посвящена рассмотрению структурно-семантических характеристик логлайнов к художественным фильмам. Устанавливается семантическая структура логлайнов на английском и русском языках. Определяются сходства и различия сложившихся практик составления логлайнов на двух языках.

This article is dedicated to the analysis of the structural and semantic characteristics of feature film loglines. The semantic structure of loglines in English and Russian is identified. The similarities and differences of the established practices of constructing loglines in the two languages are determined.

К л ю ч е в ы е с л о в а: логлайн; художественный фильм; семантическая структура; компонент; характеристики.

K e y w o r d s: logline; feature film; semantic structure; component; characteristics.

Одной из ключевых разновидностей аннотаций к художественным фильмам является логлайн. Под логлайном (англ. *logline*) понимается краткое описание фильма, имеющее описательно-повествовательный характер, сформулированное в одном-двух предложениях и передающее суть сюжета, его основную драматическую линию. В качестве основных характеристик логлайна исследователи выделяют способность передать внешний (события, визуальная эстетика) и внутренний (моральная, психологическая дилемма) конфликт; отсутствие подробностей и мелких деталей; лаконичность; отсутствие открытых интерпретаций глубинного значения истории; возможность очертить целевую аудиторию и жанр [1]. Логлайны размещаются на онлайн-порталах и в базах данных о кинофильмах.

Рядом авторов созданы различные формулы составления логлайна, согласно которым он может включать такие компоненты, как место и время событий, протагонист, инцидент, проблема, антагонист или антагонистическая сила, конфликт, цель, действие, последствия [2; 3; 4; 5].

Фактическим материалом данного исследования послужили логлайны на английском языке к 100 фильмам производства США, выпущенным в прокат в 2018–2020 гг., русскоязычные соответствия данным англоязычным логлайнам, а также аутентичные логлайны на русском языке к 100 фильмам российского производства того же периода. Результаты анализа показали, что в англоязычном кинопрокате логлайны отмечены в представлении всех 100 фильмов. Логлайны на русском языке присутствуют в описании 79 из 100 рассмотренных американских фильмов и используются для представления 81 из 100 российских фильмов. Таким образом, общее количество проанализированных логлайнов составило 260 единиц.

Для начала рассмотрим корреляцию логлайнов на английском и русском языках к одним и тем же фильмам производства США. Как показал наш анализ, типовая семантическая структура англоязычных логлайнов включает три ключевых компонента: персонажи (описание протагониста, антагониста), действие и хронотоп (место и время событий). В русскоязычных логлайнах представлен тот же набор компонентов, при этом их семантическая структура усложняется за счет введения такого компонента, как дополнительная информация (указание жанра фильма, имен актеров, режиссеров, авторов книг, названий других художественных или кинопроизведений). Таким образом, англоязычные логлайны фокусируются исключительно на внутренней, интратекстовой

информации, относящейся к содержанию фильма, в то время как логлайны на русском языке включают также значительное количество внешней, экстратекстовой информации. Ср.:

– *A musician helps a young singer find fame as age and alcoholism send his own career into a downward spiral* ‘Музыкант помогает молодой певице обрести известность, в то время как возраст и алкоголизм пускают его собственную карьеру по наклонной’ / *Ветеран сцены помогает юной певице. Режиссерский дебют Брэдли Купера с Леди Гага в главной роли* (фильм «A Star is Born»): в англоязычном логлайне представлены интратекстовые компоненты «персонажи» и «действие», дополнительная информация отсутствует; в русскоязычном аналоге дополнительно вводится информация о режиссере и исполнительнице главной роли;

– *A corporate defense attorney takes on an environmental lawsuit against a chemical company that exposes a lengthy history of pollution* ‘Корпоративный адвокат подает экологический иск против химической компании, раскрывающий длительную историю загрязнения окружающей среды’ / *Адвокат против компании, которая засоряет его малую родину. Корпоративный триллер с Марком Руффало* («Dark Waters»): англоязычный логлайн включает характеристику персонажей и описание действия; логлайн на русском языке содержит также указание жанра и имени актера, исполняющего главную роль.

Сказанное не означает, что англоязычные логлайны в принципе не могут включать компонент «дополнительная информация», однако такие включения единичны и не отличаются разнообразием: как правило, в качестве дополнительной информации выступают сведения о франшизе либо фильме/книге, с которыми связан данный фильм. Так, например, логлайн к фильму «Avengers: Endgame» содержит название предыдущего фильма франшизы: *after the devastating events of Avengers: Infinity War (2018)* ‘после разрушительных событий фильма «Мстители: Война бесконечности» (2018)’; логлайн к фильму «Cold Pursuit» включает упоминание оригинального фильма, на основе которого снят описываемый фильм: *based on the 2014 Norwegian film ‘In Order of Disappearance’* ‘основано на норвежском фильме 2014 года «Дурацкое дело нехитрое»’. Русскоязычные логлайны включают гораздо более разнообразную информацию – о создателях фильма (режиссерах, продюсерах, авторах сценария), кинокомпании, жанре кинопроизведения, актерах и т. д.

Поскольку, как было показано выше, англоязычные логлайны главным образом фокусируются на сюжете фильма, для них характерно достаточно детализированное представление интратекстовых семантических компонентов (персонажи, действие, хронотоп). Логлайны на русском языке сообщают меньше деталей о сюжете, и представление интратекстовых компонентов в них носит более сжатый, упрощенный характер. Наиболее активно это проявляется в компоненте «персонажи». Ср., например, степень детализации описания персонажей в следующих логлайнах:

- *JJ Shaft, a cyber security expert with a degree from MIT* ‘Джей-Джей Шафт, эксперт по кибербезопасности с дипломом Массачусетского технологического института’ / *черный спецгент* («Shaft»);
- *a lonely private detective afflicted with Tourette’s Syndrome* ‘одиноким частный детектив с синдромом Туретта’ / *детектив* («Motherless Brooklyn»);
- *Ron Stallworth, an African American police officer from Colorado Springs* ‘Рон Сталворт, полицейский-афроамериканец из Колорадо-Спрингс’ / *афроамериканец* («BlacKkKlansman»).

На наш взгляд, это обусловлено двумя факторами – содержательным и формальным. Содержательный фактор заключается в национальном типе прецедентности отдельных имен, упоминание которых в рамках другой лингвокультуры не представляется эффективным (как в случае с Массачусетским технологическим институтом, являющимся широкоизвестным брендом и лидером в сфере образования США, но в меньшей степени узнаваемым носителями русского языка). Формальный фактор связан со стремлением к значительной сжатости и лаконичности логлайна: включение в него компонента «дополнительная информация» вызывает необходимость компрессировать остальные компоненты для сохранения небольшого объема.

Схожим образом более детализированным в англоязычных логлайнах является описание действия: *tackle their biggest threat to date: a mole in the Men in Black organization* ‘борются со своей самой большой угрозой на данный момент: кротом в организации «Люди в черном»’ / *сдерживают вторжение паразитов* («Men in Black: International»); *assemble once more in order to reverse Thanos’ actions and restore balance to the universe* ‘собираются еще раз, чтобы обратить действия Таноса и восстановить равновесие во Вселенной’ / *пытаются переиграть Таноса* («Avengers: Endgame»).

Ввиду присутствия в русскоязычных логлайнах эксплицитного указания жанра фильма распространенной становится сопровождающая его оценка фильма в целом, например: *вдохновляющее драмеди* («The High Note»), *острая и живая криминальная комедия* («The Gentlemen»), *сенсационный байопик* («Bohemian Rhapsody»), *остроумный детектив* («Knives Out»), *вдохновляющая семейная драма* («A Beautiful Day in the Neighborhood»). В рассмотренных нами англоязычных логлайнах оценка фильма не присутствует.

Включение в русскоязычные логлайны компонента «дополнительная информация» оказывает влияние на их формальные характеристики. Зафиксирована тенденция выделения указанного семантического компонента в отдельное предложение, за счет чего логлайны на русском языке часто включают два максимально кратких предложения (в среднем 7–8 слов на каждое), в одном из которых в редуцированном виде содержатся интратекстовые компоненты (персонажи, действие, хронотоп), а в другом – экстратекстовый компонент (дополнительная информация). Англоязычные логлайны в свою очередь содержат

одно распространенное предложение (в среднем 21 слово на предложение), описывающее сюжет. В целом, по нашим данным, 81 % логлайнов на английском языке состоят из одного предложения, 71 % русскоязычных логлайнов включают два предложения, при этом средний объем логлайна – 25.42 слов на английском языке и 13.37 слов на русском языке.

Максимальный выявленный объем логлайна по количеству предложений на обоих языках – три предложения. Увеличение количества предложений происходит за счет большей детализации представления отдельных семантических компонентов, например:

– детализация интратекстовых компонентов (персонажи, действие): *In Gotham City, mentally troubled comedian Arthur Fleck is disregarded and mistreated by society. He then embarks on a downward spiral of revolution and bloody crime. This path brings him face-to-face with his alter-ego: the Joker* 'В городе Готэм психически нездоровый комик Артур Флек игнорируется и подвергается жестокому обращению со стороны общества. После этого он катится по наклонной протеста и кровавых преступлений. Этот путь сталкивает его лицом к лицу с его альтер-эго: Джокером' («Joker»);

– детализация интратекстового (персонажи) и экстратекстового (дополнительная информация) компонентов: *Задорная комедия про подруг у руля косметического бизнеса. Выдержит ли дружба? Сальма Хайек в роли искusstеля* («Like a Boss»).

Результаты исследования показывают, что русскоязычные логлайны к американским фильмам не являются переводом или адаптацией соответствующих логлайнов на английском языке. Далее сопоставим русскоязычные логлайны к американским и российским фильмам.

Как и русскоязычные логлайны к фильмам производства США, логлайны к российским фильмам преимущественно включают два предложения (91 % проанализированных логлайнов), одно из которых содержит интратекстовую информацию о фильме, а второе – дополнительную информацию экстратекстового характера. Например: *Художник встречается с умирающим отцом. Камерная драма с Алексеем Серебряковым, снятая сценаристом «Ассы»* (фильм «Ван Гоги»); *Неуловимый партизан лихо расправляется с немецкими солдатами. Зрелищный военный триллер с Юрой Борисовым* («Красный призрак»).

Из приведенных примеров видно значительное сходство данных логлайнов с русскоязычными логлайнами к американским фильмам. Помимо структурных сходств они имеют также такие общие черты, как в значительной степени редуцированное описание интратекстовых семантических компонентов, эксплицитное указание жанра и оценка фильма. Таким образом, насколько позволяет судить фактический материал, русскоязычные логлайны создаются по одной модели вне зависимости от страны происхождения фильма (США/Россия), что говорит об устойчивой сложившейся практике составления логлайнов на русском языке.

Любопытной специфической чертой русскоязычных логлайнов к американским фильмам является такой феномен, как контаминация компонентов «персонажи» и «дополнительная информация», в результате чего происходит полная замена имени и характеристики персонажа именем актера: *Сильвестр Сталлоне берет штурмом латвийскую тюрьму* («Escape Plan: The Extractors»), *Джейсон Стэйтэм против громадной акулы* («The Meg»), *Кристен Стюарт в одном исподнем бьется с морскими чудовищами* («Underwater»). В логлайнах к российским фильмам наблюдается тенденция включения в предложение, содержащее дополнительную информацию, максимально обобщенного указания темы фильма: *Юрий Чурсин в хорроре об умении отпускать прошлое* («Гости»); *Чулпан Хаматова и Константин Хабенский в чуткой драме про настоящих людей* («Доктор Лиза»); *Константин Лавроненко в триллере о гении и злодействе* («Странники терпения»).

Таким образом, проведенный анализ показал, что русскоязычные логлайны к американским фильмам создаются по той же модели, что и логлайны к российским фильмам, и не являются переводом или адаптацией логлайнов на английском языке. При этом наиболее яркими отличиями русско- и англоязычных логлайнов выступают значительное количество дополнительной, экстратекстовой информации в первых и более высокая степень детализации компонентов «персонажи» и «действие» во вторых.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лашук, А. Логлайн и синопсис: характеристики, особенности, требования [Электронный ресурс] / А. Лашук // Фестагент – Журнал о кинопроизводстве и фестивалях. – Режим доступа: <https://festagent.com/ru/articles/longline>. – Дата доступа: 23.09.2021.
2. Barnwell, R. Guerrilla Film Marketing: The Ultimate Guide to the Branding, Marketing and Promotion of Independent Films & Filmmakers / R. Barnwell. – New York : Routledge, 2018. – 320 p.
3. Lockhart, C. I Wrote a 120 Page Script But Can't Write a Logline: The Construction of a Logline [Electronic resource] / C. Lockhart. – Mode of access: <http://www.twoadverbs.com/logline.pdf>. – Date of access: 20.09.2021.
4. Shimmin, G. Writing a Killer Logline [Electronic resource] / G. Shimmin. – Mode of access: <http://graemeshimmin.com/writing-a-logline-for-a-novel/>. – Date of access: 20.09.2021.
5. Unitas, A. J. How to Write a Logline Producers Won't Pass On [Electronic resource] / A. J. Unitas. – Mode of access: <https://www.studiobinder.com/blog/write-compelling-logline-examples/#What-is-a-logline?>. – Date of access: 20.09.2021.

СЛОВО В РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ И КУЛЬТУРАХ

WORDS IN DIFFERENT LANGUAGES AND CULTURES

УДК 811.111'42:811.161.3'42

Лешкевич Ирина Владимировна

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры фонетики и грамматики
английского языка

Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Irina Leshkevich

PhD in Philology, Associate Professor
Associate Professor of the Chair of English
Phonetics and Grammar

Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
ms.lyashkevich@mail.ru

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАТЕГОРИЙ КОГЕРЕНТНОСТИ И КОГЕЗИИ В МЕДИАДИСКУРСЕ

(на материале англо- и белорусскоязычных информационных сообщений)

THE INTERACTION OF COHERENCE AND COHESION CATEGORIES IN MEDIA DISCOURSE (on the Material of English and Belarusian Informative Articles)

В статье рассматриваются категории дискурса *когерентность* и *когезия*, закономерности их взаимодействия и способы репрезентации в информационном сообщении из британской и белорусской прессы. Под когерентностью понимается дискурсивная категория, которая реализуется на глобальном уровне с помощью семантической структуры текста. На основе концепции Т. А. ван Дейка о суперструктуре и макроструктуре анализируется содержательная структура информационного сообщения, представленная такими прототипическими компонентами, как *основное событие* и *фон* (*предшествующие, сопутствующие либо последующие события*). В рамках выделенных компонентов, т.е. на локальном уровне, изучаются типы когезии (*референция, субституция, конъюнкция и лексическая когезия*), а также языковые средства их вербализации. В ходе сопоставительного анализа выявляются сходства и различия в репрезентации когерентности и когезии в информационном сообщении на двух разноструктурных языках – английском и белорусском.

The paper presents the study of the discourse categories of coherence and cohesion in informative articles in the English and Belarusian languages. The patterns of their interaction as well as the means of their representation in British and Belarusian informative articles are revealed. For this purpose the content structure with its prototypical components on the one hand and the types of cohesion with their language verbalization on the other hand are analyzed in contrastive aspect.

К л ю ч е в ы е с л о в а : когерентность; когезия; информационное сообщение; содержательная структура; прототипический компонент.

K e y w o r d s : coherence; cohesion; informative article; content structure; prototypical component.

В настоящее время в связи с дальнейшим развитием лингвистики дискурса особую актуальность приобретает изучение его категорий и их отличий от категорий текста. В рамках данной статьи анализируются такие дискурсивные категории, как когерентность и когезия, а также способы их репрезентации в медиажанре британской и белорусской прессы. Материалом исследования являются информационные сообщения на тему «Медицина. Здоровье» из периодических изданий за 2020–2021 гг.: «The Observer», «The Guardian», «Звязда» и «Рэспубліка».

Согласно Т. П. Карпилович, когерентность является одной из основных категорий текста, взятого в процессуальном аспекте, т.е. дискурса. Когерентность организует части дискурса таким образом, что авторский замысел становится понятным читателю. Когезия же обеспечивает внутреннюю лексико-грамматическую связность текста, т.е. связь его элементов, при которой интерпретация одних элементов зависит от других и позволяет адресанту реализовать свою коммуникативную цель с наибольшей точностью и ясностью. Фактически речь идет о внешней (прагматической) связности и внутренней (структурной).

Так, И. Р. Гальперин отмечает, что когезия – это особые виды связи (дистантная, образная, ассоциативная, композиционно-структурная, стилистическая и ритмикообразующая), обеспечивающие континуум, т.е. логическую последовательность и взаимозависимость (темпоральную и/или пространственную) отдельных сообщений, фактов и действий [1, с. 7]. М. А. К. Хэллiday и Р. Хасан подчеркивают, что «отношениями когезии являются отношения между двумя или более элементами в тексте, независимые от структуры» [2, с. 109], и дифференцируют пять аспектов языковых отношений, определяющих формально-грамматическую связность дискурса: референцию; субституцию имени, глагола и предикативной группы; эллипсис имени, глагола и предикативной группы; союзные слова и другие коннекторы; а также лексическую когезию, часто достигаемую повтором лексических единиц в смежных предложениях [3, р. 4]. М. Л. Макаров также рассматривает когезию как формально-грамматическую связанность дискурса, в отличие от когерентности, которая охватывает еще и «семантико-прагматические (тематические и функциональные в том числе) аспекты смысловой и деятельностной (интерактивной) связности дискурса» [4, л. 195]. Соответственно, когерентность означает понятийно-смысловую цельность текста, тогда как когезия есть использование соответствующих языковых единиц, форм и эксплицитных коннекторов.

Когерентность, по мнению В. Ю. Чернявской, является семантико-когнитивной категорией, рассматриваемой в причинно-следственном, временном и референциальном аспектах. Коге́зия же определяется ею как взаимосвязь компонентов поверхностной структуры текста, охватывающей 3 уровня: грамматико-синтаксический, лексический и ритмический. Таким образом, в отличие от классификаций способов реализации категории коге́зии, предложенных М. А. К. Хэллидеем – Р. Хасаном и М. Л. Макаровым, добавляется еще и ритмический. В целом же дихотомия «когерентность – коге́зия», согласно В. Ю. Чернявской, представляет собой оппозицию глубинно-смыслового уровня и поверхностной структуры [5, с. 20].

Концепция В. А. Лукина примечательна тем, что в ней проводится четкое разделение на связность локальную и глобальную и детально указываются способы их репрезентации. Так, коге́зия представляет собой связность локального типа, которая соотносится с языковыми единицами (индексальные знаки, тематическая прогрессия, пресуппозиции, импликации, грамматические формы, фонетические средства); когерентность же – глобальная связность, существующая между частями текста, в ее реализации важная роль отводится заголовку, цитатам, метатекстовым включениям и т.д., связь между которыми не имеет языковой маркировки в самом тексте [6, с. 38–39].

Когнитивную сущность когерентности можно интерпретировать как целостность модели, существующей в сознании адресанта или адресата и отражающей связи соответствующего фрагмента действительности. Под такой моделью, вслед за Т. А. ван Дейком, будем понимать макроструктуру дискурса, включающую его наиболее важную информацию, которая дополняется суперструктурой в выражении глобального смысла дискурса: содержание дискурса специфично, однако имеется некая конвенциональная схема, состоящая из типичных для данного вида текстов семантических компонентов [7]. При изучении способов репрезентации дискурсивной категории коге́зии мы используем классификацию, предложенную М. А. К. Хэллидеем и Р. Хасаном, которые выделяют референцию, субституцию, эллипсис, конъюнкцию (соединение) и лексическую коге́зию, хотя сами авторы указывают, что между ними нет незыблемых границ. Пять указанных средств коге́зии базируются на двух типах отношений – тождестве обозначаемых предметов и явлений или их соединении.

Проиллюстрируем реализацию дискурсивных категорий когерентности и коге́зии на примере информационных сообщений из британской и белорусской прессы. Так, содержательная структура информационного сообщения включает компоненты *основное событие, его детализацию, фоновые события и вербальные реакции*, среди которых обязательными являются *основное событие* и *фон (предшествующие, сопутствующие либо последующие события)*. В отрывке из информационного сообщения «Long Covid in Children and Adolescents is Less Common than Previously Feared» представлены его обязательные

(прототипические) компоненты: *Children and adolescents who are infected with Covid-19 rarely have symptoms that last for longer than 12 weeks, according to a review of international research* ‘Согласно обзору международных исследований, дети и подростки, инфицированные Covid-19, редко имеют симптомы, которые длятся дольше 12 недель’ [ОСНОВНОЕ СОБЫТИЕ].

The review analysed 14 international studies involving 19,426 children and adolescents who reported long-term symptoms after Covid-19 infections ‘В обзоре были проанализированы 14 международных исследований с участием 19 426 детей и подростков, которые сообщили о долгосрочных симптомах после инфекций Covid-19’ [ПРЕДШЕСТВУЮЩЕЕ СОБЫТИЕ].

Схожие прототипические компоненты выделены нами и в белорусско-язычном информационном сообщении, посвященном новому способу лечения ожирения: *Навукоўцы даследавалі аналізы біяпсіі тлушчавай тканіны людзей, якія пакутуюць на атлусценне. У выніку спецыялісты прыйшлі да высновы, што блакіраванне рэцэптару малекулы нейрапептыду Y1 (NPY), які спрыяе захаванню энергіі ва ўмовах дэфіцыту пажыўных рэчываў, дазваляе прадухіліць павелічэнне вагі* [ОСНОВНОЕ СОБЫТИЕ].

Дадзены падыход да лячэння атлусцення з’яўляецца больш бяспечным і дзейсным, чым распаўсюджаны ў наш час спосаб, звязаны з падаўленнем апетыту. Прэпараты, якія ліквідуюць адчуванне голаду, аказваюць уздзеянне на цэнтральную нервовую сістэму, а таксама маюць шэраг пабочных эфектаў, адзначаюць эксперты [СОПУТСТВУЮЩЕЕ СОБЫТИЕ] (Звязда, 24.08. 2021).

Анализ практического материала показал наличие в прототипических компонентах такой формы когезии, как референция. Референцией называется замена в связном отрезке текста наименования, свойства или действия детерминантами, в число которых входят

- местоимения (личное, притяжательное, указательное): *Янь-Чуань Шы – Ён; Гаворка ідзе пра вітамін B12. Яго недахоп можа выклікаць; Аднак гэтых звестак пакуль недастаткова* (Звязда, 17.09.2021); “...it’s about meeting fellow students, talking about shared interests and making friends. **That’s** what young people have been missing,” he said; ‘... это о встречах с однокурсниками, разговоре об общих интересах и налаживании дружеских отношений. Это то, чего не хватает молодым людям», – сказал он’ (The Guardian, 18.09. 2021);

- слова с количественным или качественным значением – *the first, as many, such, identical, different, more*; дадзены: *Дадзены падыход да лячэння* (Звязда, 24.08. 2021);

- артикль *the*: *according to a review of international research* ‘согласно обзору международных исследований’ – *The review analysed* ‘Обзор проанализировал’.

Установлено, что референция является наиболее простым и распространенным видом когезии, характерным как для обязательных, так и для

факультативных компонентов информационного сообщения из британской и белорусской прессы. В этом случае связь между референтами наблюдается анафорическая: указывается референт в предшествующем контексте. Например: *Быў праведзены аналіз даных пацыентаў двух буйных дыягнастычных цэнтраў Санкт-Пецярбурга. Службы хуткай медыцынскай дапамогі прывозілі ў гэтыя цэнтры пацыентаў са станоўчым ПЛР на COVID-19* (Звязда, 17.09. 2021); *The scientists used national datasets from general practice, vaccination, PCR testing, death registries and hospital admissions data. <...> Based on **this**, the researchers developed scores to calculate people's risk of hospital admission or death from Covid-19 after one, or two vaccination doses* 'Ученые использовали национальные базы данных из общей практики, о вакцинации, тестировании методом ПЦР, смертях и госпитализации. <...> Основываясь на этом, исследователи разработали шкалы для расчета риска госпитализации или смерти людей от Covid-19 после одной или двух доз вакцины' (The Guardian, 18.09. 2021).

Субституция отличается от референции главным образом тем, что предполагает замену целых групп слов или предложений, а не только отдельных обозначений. Кроме того, при субституции один элемент, заменяющий другой, может принадлежать другому классу или уровню. Функцию заменителей чаще всего выполняют такие слова, как *the same, likewise, so, not, further*: *Student unions are going **further** than government guidelines, in an attempt to avoid virus outbreaks like those of last year* 'Студенческие союзы идут дальше государственных директив, пытаясь избежать вспышек вирусов, подобных прошлогодним' (The Guardian, 18.09. 2021).

Конъюнкция (соединение) является весьма распространенной и объемной с точки зрения количества языковых единиц и разнообразия выражаемых ими логических отношений формой когезии. В соединительные средства когезии входят не только отдельные слова (например, союзы/союзные слова (*and, but, who, that, якія, а*)), но и конструкции (*on the contrary, in such an event, у выніку; улічваючы тое, што* и т.п.), а также целые предложения (*I mean; Не менш важнае і тое, што ... ; Трэба адзначыць і тое ...; Дадам ...; Гаворка ідзе пра ...* и т.п.). Например: *Што датычыцца цяжкасці пашкоджання лёгкіх ...* (Звязда, 07.09.2021).

Для англо- и белорусскоязычных сообщений характерна и лексическая когезия – достижение связности текста при помощи повторов лексических единиц (*children and adolescents, symptoms, вакцина, малекула нейрапентыду*), использования однокоренных слов (*infected, infections; longer, long, long-term; тлушч, тлушчавай, атлусценне*), за счет слов и словосочетаний, входящих в одну тематическую сферу (*Covid-19, Long Covid, symptoms, syndrome, diagnosis; метабалізм, тэрмарэгуляцыя, цэнтральная нервовая сістэма, рэцэптар*), а также путем развертывания синонимических (*research, studies; навукоўцы, спецыялісты, эксперты; падыход, спосаб*) и других видов отношений.

Таким образом, в результате проведенного исследования выявлены способы репрезентации двух дискурсивных категорий, когерентности и когезии, в англо- и белорусскоязычном информационном сообщении. Когерентность изучена с позиции содержательной структуры, а когезия – с учетом ее видов и языковых средств вербализации в содержательных компонентах информационного сообщения. В ходе сопоставительного анализа реализации данных категорий установлено сходство содержательных структур (*основное событие, его детализация, фоновые события и вербальные реакции*) анализируемых статей, а также единая типология способов репрезентации четырех видов когезии (*референции, субституции, конъюнкции (соединения) и лексической когезии*). Выявленные отличия касаются вариантов прототипического компонента *фон*: преобладание *сопутствующих событий* в белорусскоязычном информационном сообщении и *предшествующих, последующих* – в англоязычном. Для проанализированных статей из белорусской и британской прессы характерно отсутствие такого вида когезии, как *эллипсиса*, что обусловлено стремлением автора максимально эксплицитно сообщать информацию в силу серьезности рассматриваемых вопросов, которые касаются здоровья и жизни людей. Кроме того, авторы статей приводят цитаты авторитетных лиц, ученых, докторов, государственных деятелей, выступающих с официальными заявлениями, что исключает употребление эллиптических конструкций, характерных для неофициального общения и диалогических жанров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – 3-е изд., стер. – М. : Едиториал УРСС, 2005. – 139 с.
2. Хэллидей, М. А. К. Когезия в английском языке / М. А. К. Хэллидей, Р. Хасан // Исследования по теории текста. – М., 1979. – С. 108–115.
3. Halliday, M. A. K. Cohesion in English / M. A. K. Halliday, R. Hasan. – London : Longman, 1976. – 374 p.
4. Макаров, М. Л. Языковое общение в малой группе: опыт интерпретативного анализа дискурса : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / М. Л. Макаров. – Тверь, 1998. – 443 л.
5. Чернявская, В. Е. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность : учеб. пособие / В. Е. Чернявская. – М. : ЛИБРОКОМ, 2009. – 245 с.
6. Лукин, В. А. Художественный текст: основы лингвистической теории и элементы анализа : учебник / В. А. Лукин. – М. : Ось-89, 1999. – 192 с.
7. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация : сб. работ / Т. А. ван Дейк ; сост. В. В. Петров ; пер. с англ. под ред. В. И. Герасимова. – М. : Прогресс, 1989. – 312 с.

УДК 811.581.11'25:811.161.1'25

Трофимова Ольга Викторовна

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русского языка
и общего языкознания
Институт социально-гуманитарных
наук Тюменского государственного
университета
Тюмень, Россия

Olga Trofimova

Habilitated Doctor of Philology, Professor,
Professor of the Chair of The Russian
Language and General Linguistics
The Institute of Social Sciences
and Humanities of the Tyumen State
University
otrofim@rambler.ru

Тун Цзин

кандидат филологических наук
Freelancer
Ху Лудao

Tong Jing

PhD in Philology
Freelancer
Hu Ludao
t.jing@yandex.ru

БАЗОВАЯ НОМИНАЦИЯ *ЕМЕЛЬЯН ПУГАЧЁВ*
И ЕЕ ТЕКСТОВЫЕ ЗАМЕСТИТЕЛИ: СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ НОМИНАЦИЙ ПЕРСОНАЖА В КИТАЙСКИХ
ПЕРЕВОДАХ ПОВЕСТИ А. С. ПУШКИНА «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА»

BASIC NOMINATION *EMELYAN PUGACHEV*
AND ITS TEXTUAL SUBSTITUTES: COMPARATIVE STUDY
OF CHARACTER NOMINATIONS IN CHINESE TRANSLATIONS
OF A. S. PUSHKIN'S NOVELLA "THE CAPTAIN'S DAUGHTER"

На материале семи китайских изданий повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка», входящей в список текстов-достояний мировой литературы, рассмотрены переводы компонентов одной из тематических цепочек – линейной текстообразующей категории. Выявлены общие закономерности и индивидуальные переводческие решения при переводе текстовых заместителей прецедентной базовой номинации *Емельян Пугачев*.

Based on the material of seven Chinese editions of A. S. Pushkin's novella "The Captain's Daughter", which is included in the list of texts-the treasures of world literature (cultural capital), the authors examined the translations of the components of the thematic chain, which has the basic nomination Emelyan Pugachev. The general patterns and individual translation solutions in the translation of the text substitutes of the precedent anthroponym are revealed.

К л ю ч е в ы е с л о в а: перевод художественного текста; текстообразующие категории; тематическая цепочка; китайский язык; русский язык; «Капитанская дочка».

Key words: translation of literary text; text-forming categories; thematic chain; Chinese; Russian; «Captain's daughter».

Повесть «Капитанская дочка» А. С. Пушкина была и остается в Китае особо значимым текстом: в 1903 г. именно с издания вольного перевода, правда, не с русского оригинала, а с японского перевода этой повести, получившей в Китае название «Русская история любви Ми Ши и Мали» (俄国情史斯密士玛丽传), русская литература вошла в жизнь китайских читателей. К настоящему времени известно более 20 китайских переводов (их историю и отдельные характеристики, включая перевод на русский язык соответствующей китайской критической литературы, см. в [1, л. 52–67, 283–287]). Семь из них [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8] стали материалом для сопоставительного изучения переводческих решений, принятых при передаче лингвокультурной информации [1]. Оказалось, что о достаточно высокой степени эквивалентности перевода (имен собственных, фразеологических единиц или нарицательных существительных-культуронимов) чаще всего можно говорить в ситуации перевода с комментарием [9; 10; 11]. Энциклопедическими, а не языковыми комментариями в анализируемых источниках, как правило, отмечен ввод в текст имени исторической личности, значимого в истории события, а также прецедентного текста в функции эпиграфа.

Воспользовавшись данными Национального корпуса русского языка (НКРЯ), мы выяснили, что в него вошло много ярких примеров прецедентности фамилии *Пугачев*, ассоциированной с персонажем пушкинской повести. Так, из первых же десяти документов основного корпуса, содержащих эту фамилию, девять отсылали к «Капитанской дочке» (данные от 17.06.2018), в газетном корпусе – два (впрочем, НКРЯ свидетельствует о гораздо большей прецедентности фамилии *Швабрин*: из 14 документов основного и 11 газетного корпусов, включающих этот антропоним, только по два не связаны с «Капитанской дочкой» [1, л. 131–132, 391–392]).

Цель настоящей статьи мы видим в исследовании того, как в китайских переводах представлен прецедентный для русского читателя исторический персонаж (с базовой номинацией имя + фамилия; см. у Пушкина в секретном письме капитану Миронову), который в то же время является действующим лицом повести (и, следовательно, как любой другой предмет речи, имеет в связном тексте номинативную цепочку, презентуемую через последовательность текстовых замещений [12, с. 21]). Особенности состава номинативных цепочек часто обуславливают интригу художественного текста (как и в случае «Капитанской дочки») и потому относятся к трудным переводческим ситуациям.

Проанализировав переводы антропонимов в повести, мы отметили отсутствие в изданиях комментариев к фамилии *Пугачев* и вариантов ее перевода: перевод 普加乔夫 *Пугачев* относится к устоявшимся переводам имен реаль-

ных исторических деятелей. Однако в номинативной цепочке персонажа есть компонент **Емеля** («Емеля, Емеля! – думал я с досадою, – зачем не наткнулся ты на штык...» [13, с. 365]). В китайских изданиях находим шесть разных фонетических его переводов (при этом варианты 葉美梁 (е-мэй-лян) [2, с. 155], 叶米良 (е-ми-лян) [4, с. 124; 8, с. 108], 叶梅利扬 (е-мэй-ли-ян) [6, с. 121], 叶米里扬 (е-ми-ли-ян) [7, с. 232], по мнению носителя китайского языка, фонетически ближе к официальному имени *Емельян*; варианты 叶美里亚 (е-мэй-ли-я) [3, с. 330], 叶梅利亚 (е-мэй-ли-я) [5, с. 113] – к форме *Емеля*), а также три комментария, не поясняющих, впрочем, стилистическую и сюжетную нагрузку нового варианта имени Пугачева во внутренней речи возмужавшего Гриневы: 普加乔夫的名字 [3, с. 330] = имя Пугачева (так же [4, с. 124; 8, с. 108]).

Для прозвища **Пугач** с переводом 普加奇 (пу-цзя-ци) дан единственный комментарий *прозвище* [3, с. 274]; в прочих изданиях – вариант 普加乔夫 Пугачев. Таким образом, переводчики в большинстве своем не обратили внимание читателя на нюанс номинации, свидетельствующей о принятии Пугачева народом в качестве «своего», о равноправии «государя» и его соратников, – нюанс, значимый для понимания и пушкинской повести, и русской истории.

Базовая номинация *Емельян Пугачев* включена в две разные цепочки наименований (с начальными компонентами *вожатый* и *государь*), следовательно, необходим и их анализ. Остановимся, в частности, на переводах фрагмента, в котором отождествление персонажей дано в объективной реальной модальности (*было*) и подчеркнуто лексико-грамматическим способом – сказуемым *удостоверился* в главной части сложноподчиненного предложения: *В самом деле сходство Пугачева с моим вожатым было разительно. Я удостоверился, что Пугачев и он были одно и то же лицо ...* [13, с. 309]. Приведем перевод из издания 1956 г. с подстрочником по словарю [14]: 果然 (действительно, в самом деле, и впрямь), 普加乔夫 (Пугачев) 和 (согласие) 我 (мой) 以前 (прежде) 那个 (тот самый) 向导 (вожатый) 真是 (истинный, настоящий, верный) 像 (портрет) 得很 (очень) 。 我 (я) 断 (утверждать, решать) 定 (наверняка) 普加乔夫 (Пугачев) 和 (согласие) 那 (тот) 人 (человек) 是 (быть) 同一 (одинаковый) 个人 (один человек)... [2, с. 92]. Такой же перевод слова *вожатый* 向导 ‘проводник, вожак’ находим в [5, с. 66; 7, с. 205], второй вариант 领路人 ‘вожатый’ – тоже у трех переводчиков [3, с. 284; 4, с. 75; 6, с. 73], третий 带路人 ‘проводник’ – в [8, с. 64]; все варианты являются в китайском языке словарными синонимами, не имеющими особых стилистических различий.

В повести четыре фрагмента со словом **дорожный**, имеющим в переводе два варианта, оба со словообразовательным иероглифом 人, передающим максимально обобщенное значение ‘человек’ (人 использован и в двух вариантах перевода слова *вожатый*, – вероятно, для переводчиков оказался значимым факт субстантивации русских слов, сохраняющих на уровне словообразо-

вания или же только лексической семантики связь с движением по дороге). При этом каждый переводчик использовал только один вариант: самый частотный 过路人 ‘прохожий, проезжий’ (во всех переводах, кроме [6]) – здесь скорее актуализируется значение чуждости человека, проходившего было мимо, неопределенности его местоположения [14] (этот смысловой нюанс, с учетом двух «масок» Пугачева в повести, исключить нельзя); или же 行路人 (только в [6]) – в этом переводе общее значение первой части 行路 ‘ходить или ездить по дороге’ (в словаре [14]: ‘1) путешествовать, ездить; 2) путь [следования], дорога; 3) жизнь, существование; 4) путник, прохожий; посторонний (случайный человек)’). В повести Пугачев «стоит на твёрдой полосе» той дороги, с которой сбилась было кибитка Гринева, и каждый – не «случайный» в жизни другого человек; представляется, что именно сюжетные ассоциации со значением ‘жизнь’ «примиряют» с этим вариантом перевода.

Для пушкинского слова **бродяга**, употребленного в пяти предложениях, переводчики нашли пять вариантов перевода. В основе первых трех лежит сочетание 流浪 ‘бродяжничать’: 流浪者 [2]; 流浪汉 [3; 4; 5; 8], а в переводах [6; 7] – в ситуации невозможности отождествления Гринёвым *бродяги* и *государя* в отношении «одного и того же лица»; 流浪人 [7], но только в трех предложениях. Различия их, следовательно, определяются последним иероглифом: 者 [2], по словарю [14], суффикс существительных – названий лиц по профессии или категории; 汉 ‘человек без определенного места жительства’ иногда имеет отрицательный оттенок; 人 см. выше. Четвертый вариант 领路人 ‘вожатый’ – только в [6]: переводчик Ли выбрал его для перевода и *вожатого*, и *бродяги* (при этом у него больше всего – три – вариантов перевода русского слова *бродяга*). Стоит обратить внимание на различие семантики, характеризующей пять исходных предложений (и нагляднее всего коррелирующей с различиями в переводах Ли). Первые два предложения, вводящие в текст речь персонажа, – из внешней речи Гринева-рассказчика: ... *возразил мой бродяга*...; ...*сказал мой бродяга*... [13, с. 246, 248]; контактная связь в обоих случаях с притяжательным прилагательным *мой* может быть сигналом субъективно-оценочного значения: ‘это я, говорящий его так условно называю’. В третьем предложении **Бродяга** *был чрезвычайно доволен моим подарком* [13, с. 249] дистанция между словами *бродяга* и *мой*, входящими уже в разные синтагмы, – три слова; рассказчик характеризует видимое состояние «он-персонажа», который «в проекции» на барский тулупчик действительно выглядел *бродягой*. Особо отмечаем, что здесь переводчик Ли единственный раз и один из всех воспользовался китайским словом 汉子 (пятый вариант перевода), имеющим значение не только ‘мужчина’ (иногда с негативным оттенком), но и ‘детина, добрый молодец, человек крепкого сложения’ [14], «играющее» в ситуации подаренного заячьего тулупчика.

Четвертое и пятое предложения, из внутренней речи Гринева, характерны для текста-рассуждения. В них – явная парадоксальность ситуации и еще большая социальная дистанция героев.

В четвертом: ... *детский тулун, подаренный бродяге, избавлял меня от петли* ... [13, с. 309]; в пятом же (*Я смутился: признать бродягу государем был я не в состоянии* ... [13, с. 314]), где должен осуществиться следующий этап объективного отождествления компонентов двух номинативных цепочек (*бродяга* и *государь*), подчеркнутая синтаксическая субъективно-оценочная модальность (*я смутился, я не в состоянии*) актуализирует значение *бродяги* именно как «носителя» социального статуса [15]). Здесь Ли использовал самый частотный, именно «социальный» и в то же время рационально-оценочный, вариант 流浪汉 (как в [3; 4; 5; 8] и частично в [7]). Отметим, что разграничение китайских номинаций для *бродяги* в первых трех предложениях и последних двух мы видим также в [7]; в прочих во всех случаях использован нейтральный 流浪者 [2] или «социальный» 流浪汉 [3; 4; 5; 8].

Сопоставление переводов показало слово *государь* в шести вариантах, при этом в каждом из изданий – от двух до четырех. На материале 12 предложений пушкинского текста можно дифференцировать два типа ситуаций (и два значения) использования слова *государь*: во-первых, верховный правитель [16, с. 285]: «государь+» в речи «изменников» [13, с. 299, 301, 314] и самого Пугачева [13, с. 302, 314], «государь–» в субъективно (*мне*) подчеркнутым отрицанием в ответе капитана Миронова *Ты мне не государь...* [13, 302] и во внутрисинтаксической модальности внутренней (см. выше: ... *был я не в состоянии...*) и внешней (... *могу ли признать тебя государем*) речи Гринева [13, с. 134] («социальное» значение); во-вторых, '(стар.) господин, помещик' [16, с. 285] в ответах попадьи [13, с. 302, 307], благодарности Савельича [13, с. 344] и в приглашении казака [13, с. 310] («этикетное» значение).

Четкое разграничение «социального» и «этикетного» значений выдержал только Сунь [2], противопоставив 皇帝 'император' (в то же время *презр.* о человеке, который имеет большое влияние) и 陛下 'Ваше Величество; государь'. Переводчики Хуан [4], Ли [6] и Ван [8] использовали первый вариант Суня 皇帝 'император' только в диалоге Пугачева и Гринева, признающего в невозможности признать Пугачева императором Петром III (но Ли «подключил» сюда и ответ капитана Миронова); во всех прочих случаях Хуан, Ли и Ван дали третий вариант 皇上 'царь, государь, император' (самый частотный в изданиях, использованный всеми, кроме Суня). В переводе Цзана [5] обнаруживается, хоть и непоследовательно, принцип: в репликах обеих сторон в диалогах с участием Пугачева – второй из указанных вариантов 皇上 'царь, государь, император', во прочих ситуациях – первый, 皇帝. Эти три варианта, на которые приходится 96 % употреблений в изданиях, в китайском языке при-

знаются синонимами, но с различием дискурсивной составляющей: связи с субъектом речи. Считается, что государь в собственной речи, как «я-персонаж», использует именно 皇帝, т. е. первый вариант; в речи других уместны только второй и третий варианты.

Любопытные результаты дает сопоставление переводов Фэна [3] и Лю [7]: в восьми предложениях – там, где у Фэна употреблен первый из указанных выше вариант 皇帝, у Лю в шести случаях – самый частотный третий 皇上, который использован также (обоими переводчиками!) в «этикетном значении» в ответах попадьи. Кроме того, в издании [3] есть единично сочетание 皇上陛下, которого нет в словаре; как результат сложения третьего и второго вариантов, оно может «наследовать» русское составное именование *великий государь*. В издании [7] фиксируем не повторяющиеся нигде варианты 君主 ‘монарх, государь, <...>; король; князь; монархический, самодержавный; Властитель’ – при переводе предложения *Или ты не веришь, что я великий государь?* [13, с. 314] и 国君 ‘государь, монарх; царь; князь’ – в словах сомневающегося Гринева. Однако первый из них ассоциируется в Китае с верховным правителем в древних странах; второй – с верховным правителем на этапе начала формирования государства (из чего читатель может сделать неверные выводы о России в XVIII в.).

Рассмотренная в статье русская тематическая цепочка, объединяющая две номинативные цепочки, состоящая из семи компонентов, имеет в китайских изданиях от семи (нет перевода *Пугач* и как минимум два для *государь*) до восьми [7; 8], девяти [6] и десяти [3] текстовых заместителей базовой номинации, что – особенно в последнем случае – показывает не только лексическое богатство перевода, но и возможные когнитивные проблемы для читателя.

Таким образом, проведенное исследование одной из текстообразующих категорий в китайских переводах повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» приводит к выводам о существовании множественной интерпретации текста-оригинала и о корректной во многих случаях контекстуальной обусловленности принятых переводческих решений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тун, Цзин. Лингвокультурный потенциал комментариев в переводном художественном тексте и его реализация в китайских переводах повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» [Электронный ресурс] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Цзин Тун. – Тюмень, 2020. – 404 л. – Режим доступа: Dissertatsiya-Tun-TSzin.pdf (utmn.ru). – Дата доступа: 19.10.2021.

2. 上尉的女儿. (俄) 普希金著. 孙用译. 毕慎夫校. 北京: 人民文学出版社, 1956 (Пушкин, А. С. Капитанская дочка / А. С. Пушкин ; пер. Сунь Юн ; ред. Би Шэньфу. – Пекин : Нар. лит., 1956). – 186 с.

3. 上尉的女儿. 普希金著. 冯春 张蕙译. 上海: 上海译文出版社, 1995 (Пушкин, А. С. Капитанская дочка / А. С. Пушкин; пер.: Фэн Чун, Чжан Хуэй. – Шанхай: Шанх. изд-во пер., 1995). – 369 с.
4. 上尉的女儿. (俄)普希金著. 黄甲年译. 长江文艺出版社, 1995 (Пушкин, А. С. Капитанская дочка / А. С. Пушкин; пер. Хуан Цзянянь. – Ханчжоу: Чанцзян вэньи, 1995). – 152 с.
5. 上尉的女儿. (俄) 普希金著. 臧传真 少明译. 天津: 百花文艺出版社, 1997 (Пушкин, А. С. Капитанская дочка / А. С. Пушкин; пер.: Цзан Чуаньчжень, Шао Мин. – Тяньцзинь: Байхуа вэньи, 1997). – 139 с.
6. 上尉的女儿. (俄)普希金著. 力冈译. 杭州: 浙江文艺出版社, 2000 (Пушкин, А. С. Капитанская дочка / А. С. Пушкин; пер. Ли Ган. – Ханчжоу: Чжецзян вэньи, 2000). – 143 с.
7. (普希金小说选. / (俄罗斯)普希金著. 刘文飞译. 桂林: 漓江出版社, 2013 (Пушкин, А. С. Художественная проза / А. С. Пушкин; пер. Лю Вэньфэй. – Гуйлинь: Лицзян, 2013). – 249 с.
8. 上尉的女儿. (俄)普希金著. 智量译. 上海: 华东师范大学出版社, 2013 (Пушкин, А. С. Капитанская дочка / А. С. Пушкин; пер. Ван Чжилян. – Шанхай: Пед. ун-т Восточного Китая, 2013). – 145 с.
9. Трофимова, О. В. Комментирование антропонимов в китайских переводах «Капитанской дочки» А. С. Пушкина / О. В. Трофимова, Я. П. Полухина, Цзин Тун // Мир русского слова. – 2017. – № 3. – С. 46–54.
10. Тун, Цзин. Фразеологические единицы в романе А. С. Пушкина «Капитанская дочка»: китайские варианты перевода и комментария / Цзин Тун // Научный диалог. – 2017. – № 10. – С. 81–97.
11. Трофимова, О. В. Нарисательная лексика как объект перевода и комментария в китайских изданиях «Капитанской дочки» А. С. Пушкина / О. В. Трофимова, Я. П. Полухина, Цзин Тун // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2018. – № 433. – С. 47–58.
12. Матвеева, Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Синхронно-сопоставительный очерк / Т. В. Матвеева. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. – 172 с.
13. Пушкин, А. С. Капитанская дочка: [повести] / А. С. Пушкин. – М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2011. – 380 с.
14. 大БКРС [Electronic resource]. – Mode of access: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=%E7%BE%8A%E6%8B%90>. – Date of access: 19.10.2021.
15. Бурыкин, А. А. Вина бродяжества и феномен бродяжничества: к истории «конкуренции слов» / А. А. Бурыкин, О. В. Трофимова // Славянская историческая лексикология и лексикография. – 2020. – № 3. – С. 7–27.
16. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии наук: в 2 кн. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. – Кн. 2: О-Я. – 590 с. – (Репринт. изд.).

УДК 81.161.3'42

Бекреева Юлия Викторовна

кандидат филологических наук,
докторант кафедры речеведения
и теории коммуникации,
доцент кафедры лексикологии
английского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Yulia Bekreyeva

PhD in Philology, Post-PhD Researcher
of the Chair of Speech Studies
and Communication Theory
Associate Professor of the Chair of English
Lexicology
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
bekreyeva@mail.ru

КОМПРЕССИЯ ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ЗНАНИЯ В СЛОВЕ И ТЕКСТЕ

COMPRESSION OF A PROPOSITIONAL STRUCTURE OF KNOWLEDGE IN A WORD AND IN A TEXT

В статье рассматриваются способы объективации пропозициональной структуры знания с помощью лексических средств языка. На примере анализа глагола *гаспадарыць* и существительного *гаспадар* в сопоставлении с английской словообразовательной парой *master – to master* устанавливаются особенности компрессии компонентов смысла на уровне семантической структуры значения слов разных частей речи. На материале очерка, описывающего деятельность князя Гедимины как гаспадара, показано, что смысловая компрессия серии пропозиций с профилированием признаков субъекта в действии позволяет смоделировать вторичный текст – характеристику деятеля.

The article discusses ways of objectifying the propositional structure of knowledge with lexical means of the language. The compression of sense components in the semantic structure of meaning of words of different parts of speech is established on the example of the analysis of the verb *haspadaryts* and the noun *haspadar* in comparison with the English word-formation pair *master – to master*. Based on the essay describing the activities of Grand Duke Gedimin as *haspadar*, it is shown that the semantic compression of a series of propositions with the profiling of the subject's features in action makes it possible to generate a secondary text – a characterizing profile of the doer.

К л ю ч е в ы е с л о в а: смысловая компрессия; пропозиция; глагол-предикат; гаспадар; гаспадарыць; характеристика деятеля.

К e y w o r d s: sense compression; proposition; verb-predicate; *haspadar*; *haspadaryts*; characteristics of a doer.

В широком спектре научных интересов Т. П. Карпилович проблема смысловой компрессии занимает особое место. Ее работы – учебные пособия, монографии, докторская диссертация и десятки статей – раскрывают когнитивно-дискурсивные основы понимания текста и порождения вторичного текста,

коммуникативные стратегии выбора языковых средств, принципы распределения смысловых компонентов в тексте [1; 2]. Следуя направлению, заданному идеями Татьяны Павловны, в данной статье рассматриваются способы языкового выражения пропозициональной структуры знания.

Под пропозицией в настоящем исследовании понимается концептуальная структура, включающая несколько взаимосвязанных элементов (концептов), вычленяемых в мыслимой ситуации или событии. Пропозиция представляет собой синкретичное образование, когда часть не мыслится вне целого, а понимание одного из концептуальных элементов в ее структуре невозможно без актуализации знания о других концептуальных элементах. В классификации концептуальных структур Дж. Лакоффа раскрывается онтология и структура пропозиции как модели хранения событийной информации [3, с. 370–371]. Онтологию пропозиции формируют концептуальные сферы участников события или ситуации – это предметы или лица, вовлеченные в ситуацию или событие. Структура определяется существующими между ними отношениями, которые объективируются через процессуальный признак (действие, отношение или состояние).

В развернутом варианте базовая пропозициональная структура представляет собой последовательность элементов $S - P - O$, где S – субъект, P – предикат, O – объект. Объект является факультативным компонентом базовой модели пропозиции, выделяемый как оппозиция субъектному компоненту. Субъект действует, объект не действует (в границах данной пропозиции). Субъект – начало, источник; объект – продукт и результат, конечный пункт. Субъект инициирует изменение; объект претерпевает его. Концептуальные элементы участников ситуации (S и O) противопоставлены предикату P . Субъект и объект относятся к субстанциональной концептуальной сфере, предикат представляет концепт динамического мира и является элементом связи субстанций в пространственно-временном континууме. Как отмечает Т. П. Карпилович, «пропозиция, связывающая предикат и его аргумент(ы) [т.е. субъект и/или объект], включает в себе языковое и неязыковое знание, так как с одной стороны является основой для порождения языковых сообщений, в частности, предложений, а с другой – структурой сознания, единицей хранения знания о мире» [1, с. 15].

Пропозиция находит различное выражение в языковых единицах (в первичном и производном значении слова, в значении фразеологизма, в словосочетании и предложении). Концептуальное знание, закрепленное в пропозициональной структуре, на уровне структуры значения языковой единицы представлено в виде различных типов семантических признаков. Пропозициональная модель играет ключевую роль в понимании текста, который можно рассматривать как ряд «макропропозиций, полученных в результате применения операций редукции, объединения, обобщения, построения к пропозициям, выделяемых на основе значений слов и синтаксических структур предложения» [2, с. 52].

Важным аспектом вербализации пропозициональной структуры знания является степень компрессии ее концептуальных элементов в семантической структуре языковых и речевых единиц. Возьмем для примера пропозициональную структуру, выраженную в значениях глагола *гаспадарыць*, существительного *гаспадар*, в синтагмах с указанными словами и в связном тексте, описывающем князя Гедимины как гаспадара Великого Княжества Литовского [4].

В точки зрения частеречного значения глагол профилирует процессуальный признак, центральный элемент пропозиции. Являясь признаковым именем, глагол формирует свое значение в номинативном акте с учетом носителя (субъекта и/или объекта) данного признака и в коммуникативном акте, где оно конкретизируется и формирует круг своих именных актантов [5, с. 137]. Субстанциональные элементы пропозиции подвергаются смысловой компрессии в значении глагола. При этом степень компрессии может быть различна. Глагол может задавать семантические роли участникам обозначаемой ситуации, определяя, таким образом, актантную рамку. Например, глагол *гаспадарыць* 'займацца гаспадаркай' задает роль агенса – активного исполнителя действия – для имени в субъектной позиции при глаголе-предикате в предложении. В отличие от глагола *рабіць* 'займацца чым-небудзь', который устанавливает абстрактную роль объекта воздействия (што-небудзь), в значении *гаспадарыць* объект конкретизирован до уровня предметной категории: *гаспадарка* – все, что служит производству (абсталяванне, інвентар, пабудовы. прылады вытворчасці ці вытворчай адзінкі) [6]. В объектном компоненте глагольного значения в свернутом виде содержится другая модель пропозиции с фокусом на объект воздействия: что-то служит чему-то, что-то используется кем-то. В предложении пропозициональные элементы субъекта и объекта получают конкретное языковое выражение в сочетании с глаголом-предикатом. Н. Н. Болдырев отмечает, что денотативная ситуация может быть репрезентирована как нерасчлененно, так и расчлененно. В нерасчлененном виде ситуацию репрезентирует глагол, являясь носителем обобщенных грамматических и семантических смыслов в проекции на пропозицию предложения, в расчлененном виде – структура предложения, актуализирующая категориальные значения глагола и пропозицию [7, с. 76–77].

Анализ предложений с глаголом-предикатом *гаспадарыць* раскрывает взаимосвязь семантики именных и глагольных номинаций, репрезентирующих пропозицию, лежащую в основе глагольного значения. Не только субъектный и объектный элементы получают конкретизацию через именные актанты, но и процессуальный признак, который в дефиниции системного значения определяется через идентификатор 'займацца', уточняется контекстуально через именованые объектов и обстоятельств действия, которые, в свою очередь, активизируют знание (свернутые пропозиции) об определенном занятии или практике производства. Так, *гаспадарыць* может контекстуально обозначать действия по обработке земли, уборку дома, приготовление пищи, распоряжение

собственностью, притеснение или главенство над другими. Например, *Гаспадарыла каля стала Агата, радасная Алімпа, смеючыся і паглядаючы Фэльку ў вочы, расставіла талеркі і яшчэ нешта намагла Агаце* (К. Чорны «Вераснёвыя ночы»). Место действия (*каля стала*), сопутствующее действие другого лица (*расставіла талеркі*) конкретизируют значение предиката *гаспадарыць* – накрывать на стол. Введение другого лица в описание ситуации (Алімпа) способствует актуализации имплицированной в глаголе информации о роли исполнителя действия (субъекта): Агата – гаспадыня, главная с точки зрения права распоряжаться предметами быта, а Алимпа – гость, помощница. Указанная социальная иерархия встроена в значение корневой морфемы глагола *гаспадарыць*, образованного от наименования лица *гаспадар*.

Существительное *гаспадар* имеет праславянское происхождение и по данным этимологических словарей восходит к индоевропейскому корню *pot-**, который обнаруживается в латинском языке *potis* ‘могущественный’, греческом *πόσις* ‘супруг’, древнеиндийском *rātis* ‘муж, хозяин’ [8, с. 70]. Первый элемент морфемной структуры некоторые этимологи соотносят с латинским *hospes*, в родительном падеже *hospitis* ‘хозяин; предоставляющий гостеприимство’. Аргументом в пользу данной точки зрения служит фонемное совпадение со словом *госць*, а также очевидная концептуальная связь пары хозяин – гость. Таким образом, во внутренней форме слова *гаспадар* содержится информация об отношении концептуальных элементов: хозяин – кто-то владеет чем-то, кем-то; тот, кто дает (дар*) кому-то что-то.

Структура многозначности существительного *гаспадар* в современном белорусском языке частично соответствует этимологически первичным значениям: ЛСВ 1 ‘уласнік, уладальнік каго-, чаго-небудзь’, ЛСВ 3 ‘галава сям’і, дома’, ЛСВ 4 ‘той, хто мае ўладу над кім-ліба ці чым-ліба’ [6]. Однако, как нам представляется, вариант значения (ЛСВ 2) ‘чалавек, які вядзе гаспадарку, займаецца гаспадарчымі справамі’ является производным от глагола на основе транспозиции. В пользу данной точки зрения говорит наличие профилированного субъектного компонента «человек» при сохранении остальных компонентов глагольного значения ‘займацца (= вясці) гаспадарку’. Модель семантического перехода «действие – исполнитель действия» типична для словообразовательного процесса. В семантическом плане в значении существительного происходит выдвижение субъектного элемента пропозиции на фоне предикации функционального признака, который подвергается смысловой компресии.

Существительное *гаспадар* в указанном значении обычно сочетается с определениями, актуализирующими оценочный компонент, например, *дбайны гаспадар, добры, руплівы гаспадар*. Частотность сочетаний способствует закреплению стереотипного образа гаспадара, который основан на добавочных концептуальных элементах искомой пропозиции «защита», «забота» как часть отношения «главный, имеющий власть – подчиненный». Данный образ является частью белорусской картины мира.

Для сравнения, английское слово *master*, переводный аналог белорусского *гаспадар*, не имеет вышеописанных компонентов значения в импликационале. В системном значении *master* в качестве характеристик лица профилированы умения, способности и контроль над другими: ЛСВ 1 ‘the man in authority, such as the head of a household, the employer of servants, or the owner of slaves or animals = человек власть имущий, как глава дома, наниматель слуг, владелец рабов или животных’, ЛСВ 2 ‘a person with exceptional skill at a certain thing = человек с исключительным умением в каком-то деле’, ЛСВ 3 ‘a person who has complete control of a situation = человек, имеющий полный контроль над ситуацией’, ЛСВ 4 ‘a fully qualified workman = хорошо квалифицированный работник’ и более специализированный ЛСВ 4 ‘a graduate holding a master’s degree = выпускник вуза с ученой степенью’ [9]. Дифференциальные семантические компоненты значения имени существительного, отражающие характеристики лица, актуализируются в словообразовательном процессе при транспозиции имени в глагол *to master*: ЛСВ 1 ‘to become thoroughly proficient in something = стать очень умелым в чем-либо: ЛСВ 2 ‘to overcome; defeat = преодолеть, победить, взять под контроль’: ЛСВ 3 ‘to rule or control = управлять или контролировать’ [9]. В значении глагола профилирован процессуальный элемент пропозициональной структуры знания, который в значении имени выступал как характеристика человека, заданы две ключевые семантические роли, агенс и пациенс. Пропозициональные элементы «контроль», «умение, способность», отмеченные принадлежностью к субъекту-агенсу в значении существительного, в значении глагола переосмыслены как качества, приобретаемые субъектом-агентом.

Отличие в составе компонентов смысла пропозиций «кто-то имеет власть над кем-то», «кто-то владеет чем-то», объективированных в семантике белорусского *гаспадар* и английского *master*, обуславливает трудности перевода в случае актуализации белорусского стереотипа гаспадара. Так, в очерке А. Кравцевича «Гедымін (1316–1341). Каралеўства Літвы і Русі» для передачи авторского тезиса «Гедымін – гаспадар» предлагается следующее пояснение на английском языке: *Haspadar (master, ruler, owner) – this is how the head of the state used to be titled on this territory; it also spawned the word “spadar” (mister) – a polite form of address in the contemporary Belarusian language, just like in other languages the titles of kings led to polite forms of address – “pan” in Polish and Czech, “signor” – in Italian and Spanish, “monsieur” – in French etc. [4, с. 93].*

Авторская характеристика Гедимины «Гаспадар» актуализируется в предикатной линии текста с главным действующим лицом – князем Гедимином. Для моделирования его образа через описание деятельности мы извлекли из текста 307 актантно-предикатных конструкций. Абсолютное большинство глаголов в функции предиката являются динамическими и профилируют агентивную роль ключевому имени *Гедымін*, актуализирующую признаки активности, инициативы, силы (энергии). Большинство глаголов (120), участвующих в описании личности Гедимины, обозначают созидательную хозяйственную

деятельность: создание нового (*заснаваў, зклаў, запачаткаваў, наладзіў, зрабіў, збудаваў*), приобретение (*павялічыў, здабыў, пашырыў, набыў, займеў, аб'яднаў, узняў, сабраў*), управленческие операции и мыслительные действия (*арганізаваў, спланаваў, выкарыстоўваў (дыпламатыю, шлюбы), гарантаваў, прадумваў (стратэгію), назіраў*), заботу о стране, подданных (*дбаў, клапаціўся, перажываў*). Глаголы, обозначающие деструктивную деятельность (*ваяваць, забіць, захапіць, прысвоіць* и др.), встречаются в отдельных фрагментах, при этом автор даже при описании военных событий употребляет глаголы продуктивной деятельности (*збройна дапамагаў, набыў вайсковы вопыт, арганізаваў паходы*), избегая, таким образом, описания Гедимины как агрессора.

На основе анализа семантики глаголов-предикатов, употребляемых для описания Гедимины, можно смоделировать вторичный текст – характеристику деятеля, выделив признаки, включаемые в концептуальную сферу «субъект» и подвергнув смысловой компрессии все остальные элементы пропозиционных структур. Признаки субъекта «инициативный», «волевой» «решительный» регулярно актуализируются через предикаты, описывающие приобретение и изменение объектов, выбор позиции и принятие решения. Глаголы мыслительных действий и управленческих операций актуализируют признаки «рациональный», «внимательный», «осмотрительный», «расчетливый». Глаголы отношения не являются частотными в тексте, но можно отметить актуализацию признака «заботливый» в описании действий Гедимины. Итак, на материале очерка А. Кравцевича моделируется следующая характеристика Гедимины-деятеля: Гедимин – созидатель, организатор и стратег; рациональный, осмотрительный, расчетливый, целеустремленный, волевой, решительный, инициативный, предприимчивый, заботливый. Данная характеристика в свернутом виде репрезентирована через номинацию *гаспадар* в белорусской языковой картине мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карпилович, Т. П. Когнитивно-коммуникативная модель смысловой компрессии научного текста : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 ; 10.02.21 / Т. П. Карпилович ; Мин. гос. лингвист. ун-т. – Минск, 2005. – 39 с.
2. Карпилович, Т. П. Моделирование процесса смысловой компрессии текста: когнитивно-дискурсивный подход : монография / Т. П. Карпилович ; Мин. гос. лингвист. ун-т. – Минск : МГЛУ, 2003. – 226 с.
3. Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении / Дж. Лакофф ; пер. с англ. И. Б. Шатуновского. – М. : Яз. славян. культуры, 2004. – 792 с.
4. Краўцэвіч, А. К. Гедымін (1316–1341). Каралеўства Літвы і Русі : нарыс / А. К. Краўцэвіч. – Мінск : С. Ю. Татарнікава, 2012. – 146, [5] с.
5. Уфимцева, А. А. Лексическое значение: принцип семиологического описания лексики / А. А. Уфимцева. – М. : Наука, 1986. – 240 с.

6. Скарнік: тлумачальны слоўнік беларускай мовы [Электронный ресурс] / ред.-сост. К. Крапіва [и др.]. – Режим доступа: <https://www.skarnik.by/tsbm>. – Дата доступа: 01.09.2021.

7. Болдырев, Н. Н. Категориальное значение глагола: системный и функциональный аспекты / Н. Н. Болдырев ; науч. ред. Н. А. Кобрина. – 2-е изд. – М. : ЛИБРОКОМ, 2009. – 176 с.

8. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / НАН Беларусі, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа / уклад.: Р. У. Краўчук [і інш.] ; пад рэд. В. У. Мартынава. – Мінск : Навука і тэхніка, 1985. – Т. 3 : Г–І. – 408 с.

9. Oxford dictionary [Electronic resource] // LEXICO. – Mode of access: <http://www.oxforddictionaries.com/ru>. – Date of access: 26.08.2021.

УДК 811.112.5'373:81.161.3'373

Изотова Ольга Витальевна

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры фонетики и грамматики
английского языка

Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Olga Izotova

PhD in Philology, Associate Professor
Associate Professor of the Chair of English
Phonetics and Grammar

Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
kasperovolga@yandex.ru

СПЕЦИФИКА ВЕРБАЛИЗАЦИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ОДЕЖДЕ И ОБУВИ В НИДЕРЛАНДСКИХ И БЕЛОРУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ

BELARUSIAN AND DUTCH PROVERBS: VERBALIZING VIEWS ON CLOTHES AND SHOES

В статье анализируются некоторые культуроспецифичные аспекты вербализации представлений об одежде и обуви в белорусских и нидерландских пословицах.

The article analyses the traditional views on clothes and shoes and the way they are verbalized in Belarusian and Dutch proverbs.

К л ю ч е в ы е с л о в а: паремиология; пословицы; вербализация; традиционные представления; одежда и обувь; внесезонная одежда; верхняя одежда.

K e y w o r d s: paremiology; proverbs; verbalization; traditional views; clothes and shoes; off-season clothing; outerwear.

Материал исследования составили белорусские и нидерландские пословицы, содержащие в себе лексемы, обозначающие *одежду и обувь* или же относящиеся к традиционным представлениям об одежде, отобранные

методом специальной выборки из соответствующих паремиологических и лексикографических трудов. Основными источниками исследования стали следующие издания [1; 2; 3; 4; 5].

В результате изучения и сравнения пословиц нидерландского и белорусского языков, содержащих в себе компоненты семантического поля «Одежда» и «Обувь», мы пришли к выводу о возможности их разделения (с точки зрения эквивалентности) на следующие группы.

1. *Полные эквиваленты* – это белорусские эквиваленты, в большинстве своем являющиеся моноэквивалентами нидерландских пословиц, совпадающие с ними по значению, лексическому составу, образности, стилистической направленности и грамматической структуре. Число подобных соответствий невелико. Например:

Het hemd is nader dan de rok. – *≈ Своя рубашка ближе к телу* (букв. *Ближе рубашка, чем юбка*).

Бліжэй кашуля, чым андарак.

Данная пословица является полностью идентичной как в белорусском, так и нидерландском языках.

2. *Частичные эквиваленты* – содержат лексические, грамматические или лексико-грамматические расхождения при наличии одинакового значения одной и той же стилистической направленности. Например: пословицы:

Als in het dorp ieder één draad geeft, heeft de arme een hemd. – *≈ С миру по нитке, голому рубашка* (букв. *≈ С каждого по нитке, бедному рубашка*).

З міру па нітцы – голуу сарочка. (Вариант: *З міру па нітцы – і клубок назбіраецца*).

Men moet geen oude schoenen wegwerpen voordat men nieuwe heeft. – *Не следует выбрасывать старую обувь прежде приобретения новой.* (Толкование: *Je moet niet iets al afdanken zonder dat er een vervanger voor is.* – *Не выбрасывай что-либо, не имея замены*).

Не ганьбуй старым ботам, покi новага не пашыў.

De kinderen van de schoenmaker lopen barrevoets. – *≈ Дети сапожника ходят без сапог* (букв. *Дети сапожника ходят босиком*).

Кажан шавец без ботаў (босы) ходзіць, а ў каваля сякеры няма. (Варианты: *Шавец у падзёртых (дзіравых) ботах ходзіць. У бахільчыка ніколі няма бахіл*).

3. *Отсутствие в одном из рассматриваемых языков пословицы-эквивалента.* Например:

Een man zonder vrouw, een hemd zonder mouw. – *Мужчина без жены, как рубашка без рукава.*

Men moet geen te grote broek aantrekken. – *Не следует надевать слишком большие брюки.* (Толкование: *Je moet niet beginnen aan iets wat je eigenlijk niet aan kan.* – *Не следует браться за то, что превышает ваши возможности*).

Men moet geen te grote schoenen aantrekken. – Не следует надевать слишком большие ботинки. (Толкование: *Je moet niet beginnen aan iets wat je eigenlijk niet aan kan.* – Не следует браться за то, что превышает ваши возможности).

Van andermans leer is het goed riemen snijden. – Хорошо вырезать ремни из чужой кожи.

Среди белорусских пословиц нашей выборки пословицы со схожим значением не были нами обнаружены.

Не были нами выявлены и эквиваленты следующих белорусских пословиц:

Свой насоў цяплей чужога кажуха.

Хоць дрыжу, але фасон дзяржу.

В целом необходимо отметить, что концепт «одежда» вербализуется в пословицах белорусского языка с помощью существительных *адзежа*, *адзежыца*, *адзенне*, *адзежка*:

Каб не хлеб, не адзежыца, жыў бы чалавек лежачы.

Пашануй адзенне ў хаце, а яно цябе пашануе ў людзях. = *Шануй адзежку дома, яна цябе ў гасцях.*

Хлеб есца, а адзежа носіцца.

В нидерландском языке «одежда» традиционно вербализуется с помощью существительного *kleren*:

Vrouwen dragen lange kleren maar korte zin. = *Lange kleren korte zinnen.* – У женщин длинные одежды, но короткий ум.

Одежда представлена также своими гипонимами.

Внесезонная одежда (одежда для ношения в любое время года) в белорусских и нидерландских пословицах: **Рубашка** (*Сарочка*, *кашуля*), **Юбка** (*Андарак*), **Штаны**, **Пояс** (*Пояс*), **Рубашка** (*het hemd*), **Юбка** (*de rok*), **Брюки (штаны)** (*de broek*), **Ремень** (*de riem*).

Частотность видов внесезонной одежды в пословицах нашей выборки представлена в табл. 1.

Т а б л и ц а 1

Частотность видов внесезонной одежды
в пословицах выборки

Наименования видов внесезонной одежды	Количество пословиц
Белорусские пословицы	
<i>Рубашка (Сарочка, кашуля)</i>	11
<i>Юбка (Андарак)</i>	1
<i>Штаны (Штаны)</i>	2
<i>Пояс (Пояс)</i>	1

Окончание табл. 1

Нидерландские пословицы	
<i>Рубашка (het hemd)</i>	7
<i>Юбка (de rok)</i>	2
<i>Брюки (штаны) (de broek)</i>	2
<i>Ремень (de riem)</i>	1

Верхняя одежда практически не представлена в нидерландских пословицах, что, вероятно, обусловлено недостаточной суровостью голландского климата и тем фактом, что голландцы одеваются зимой очень легко:

Zo de wind waait, waait zijn jasje. = *Zoals de wind waait, waait zijn jasje.* – *Ветер дует, куртка развевается.* (Толкование: *Iemand zonder principes, die zonder eigen mening anderen naar de mond praat.* – *О человеке, не имеющем собственного мнения, который во всем соглашается с мнением других.*)

В отличие от нидерландских, белорусские пословицы выборки насчитывают 8 наименований верхней одежды:

Жытка: на двух адна світка.

Свая сярмяжка нікому не цяжка.

Сярмяга – не знявага, а жупан – не пан.

Каптан шык, а ў бруху пшык.

Свой насоў цяплей чужога кажуха.

Без кажуха бярэ скруха.

У ваце трасецца, а ў кажусе смяецца.

Пытаецца вата, ці далёка хата, а шуба – не.

Частотность видов верхней одежды в пословицах нашей выборки представлена в табл. 2.

Т а б л и ц а 2

Частотность видов верхней одежды в пословицах выборки

Наименования видов верхней одежды	Количество пословиц
Белорусские пословицы	
<i>Свит(к)а (Світ(к)а)</i>	2
<i>Сярмяга (Сярмяга)</i>	4
<i>Жупан (Жупан)</i>	2
<i>Кафтан (Каптан)</i>	1
<i>Плац (без рукавов) (Насоў)</i>	1
<i>Тулуп (Кажух)</i>	7
<i>Ватник (Ватоўка, Вата)</i>	3
<i>Шуба (Шуба)</i>	1
Нидерландские пословицы	
<i>Куртка ((het) jasje)</i>	1

Обувь в пословицах белорусского языка, как правило, не вербализуется существительным *абутак* и представлена своими гипонимами: *лапти* (*Лапці*), *постолы* (*Пасталы*)¹, *башмаки* (*Башмакі*), *сапоги* (*Боты, Сапагі*).

Якое лыка, такія і лапці.

Як з пана пан, то аддасць валы, а як з мужыка пан, то здзярэ пасталы.

З лапця башмака не зробіш.

Не ганьбуй старым ботам, покi новага не пашыў.

Сапог не князь, абуй да ў гразь.

В нидерландском языке обувь часто вербализуется с помощью общего наименования *schoenen* (обувь, туфли, ботинки).

Men moet geen oude schoenen wegwerpen voordat men nieuwe heeft. – Не следует выбрасывать старую обувь прежде приобретения новой. (Толкование: *Je moet niet iets al afdanken zonder dat er een vervanger voor is.* – Не выбрасывай что-либо, не имея замены).

Встречается также гипоним *saopgi* (*laars* ‘сапог’).

Vier schoenen is nog geen laars. – Четыре ботинка – еще не сапог. (Толкование: *Je vormt niet zomaar een goed team.* – Хорошую команду чрезвычайно сложно создать).

Частотность видов обуви в пословицах нашей выборки представлена в табл. 3.

Т а б л и ц а 3

Частотность видов обуви в пословицах выборки

Наименование вида обуви	Количество пословиц
Белорусские пословицы	
<i>лапти</i> (<i>Лапці</i>)	7
<i>постолы</i> (<i>Пасталы</i>)	1
<i>башмаки</i> (<i>Башмакі</i>)	1
<i>сапоги</i> (<i>Боты, Сапагі</i>)	5
Отсутствие обуви	2
Нидерландские пословицы	
<i>schoenen</i> (обувь, туфли, ботинки)	6
<i>laars</i> (сапог)	1
Отсутствие обуви	1

Тем не менее, несмотря на указанные выше различия, необходимо отметить схожесть базовых представлений об одежде и обуви в пословицах белорусского и нидерландского языков.

¹ Лапти-постолы (поршни) – вид обуви, сшитый из куска яловой или свиной сыромятной кожи, края которой стягивались сверху лыком, бечевкой или ремешком.

Так, нам удалось выявить схожие представления, в соответствии с которыми одежда является фактором, определяющим впечатление о человеке:

Kleren maken de man. – ~ Одежда красит человека (букв.: Одежда делает человека). (Толкование: *Met goede kleding krijgt men een goede indruk van je.* – ~ Хорошо одетые люди производят хорошее впечатление).

Ніхто не бачыць, што ўва мне, да ўсе бачаць, што на мне.

Прыбярэ пень, і пень будзе прыгожы.

Прыбярэ пень, і пень харошы.

Вместе с тем некоторые белорусские и нидерландские пословицы отражают следующую идею: не все изъяны внешности и характера можно исправить с помощью одежды:

Al draagt een aap een gouden ring, het is en blijft een lelijk ding. – ~ Золотое кольцо не красит обезьяну. (Толкование: *Wie zich mooi aankleedt wordt daarmee zelf nog niet mooi. Of: Fraaie kleding en sieraden maken een lelijk mens niet mooi. De spreuk is een navolging van het Latijnse Simia est simia et si aurea gestet insignia.* – Одежда не красит человека. Или: Человек не может повысить свой статус с помощью одежды. Или: Красивая одежда и украшения не исправят изъяны внешности и характера. Восходит к латинской пословице *Simia est simia et si aurea gestet insignia*).

Па адзежцы сустракаюць, па розуму праваджаюць.

Адзеўся (адзенецца), як пава, але дурная слава. = Апанецца, як пава, але дурная слава.

Адзеўся як пан, а дурны як баран.

Прыбярэ свінню хоць у золата – усё роўна ў хлеў пойдзе.

Ряд пословиц осуждает желание прихвастнуть своей одеждой:

Klagers hebben geen nood en pochers hebben geen brood. – Те, кто прибедняются, – не имеют ни в чем нужды, те, кто хвастают, – не имеют порой и куска хлеба. (Толкование: *Zowel klagers als pochers kunnen de zaken nogal eens overdrijven.* – И те, кто прибедняются, и те, кто хвастают (в том числе своей одеждой), могут преувеличивать).

Хвастун ідзе, падпаясаны шаўком, а багаты часам і лычком.

Как белорусские, так и нидерландские пословицы утверждают, что не следует покупать слишком дорогую одежду, стоимость которой превышает ваши финансовые возможности (в результате у вас не остается денег на предметы первой необходимости, в том числе продукты питания):

Bont om de arm dun in de darm. – ~ На брюхе шелк, а в брюхе щелк.

Каптан шык, а ў бруху пшык.

В любом случае, в соответствии с пословицами, важно беречь одежду:

Als je er op uit trekt om te vechten, laat dan je beste hoed thuis. – Если собираешься подраться, оставь лучшую шляпу дома.

Добрая рэч акуратных людзей любіць.

Белорусские и нидерландские пословицы выборки отражают также следующее мнение: на собственной одежде часто приходится экономить, если у вас есть дети:

Kinderen zijn een zegen des Heren, maar ze houden de porren van de kleren. –
≈ Дети – дар Божий, но они заставляют экономить на собственной одежде;
У каго дочкі, той ходзіць без сарочкі.

Дзіцёнкi ў лапцёнках, а сам без штаноў.

Явные различия обнаруживаются относительно оппозиции «своя – чужая» одежда:

Так, белорусские пословицы утверждают, что своя одежда в любом случае лучше чужой, в то время как голландская советует: если у вас нет рубашки, попробуйте одолжить ее у кого-либо:

Beter een andermans hemd dan geen. – Лучшие чужая рубашка, чем никакой.
(Толкование: *Als je iets nodig hebt wat je niet bezit moet je proberen het van iemand anders te lenen.* – Если Вы в чем-то нуждаетесь, попробуйте одолжить эту вещь у кого-либо).

Хоць напросту, але ў сваім.

Хоць дзіравае, ды свае.

Хоць у латаным, абы не ў хватаным.

Таким образом, сопоставление пословиц белорусской и нидерландской культур определяет следующие близкие по смыслу представления об одежде.

Одежда является фактором, определяющим впечатление о человеке (*Kleren maken de man.* – ≈ Одежда красит человека (букв.: Одежда делает человека). (Толкование: *Met goede kleding krijgt men een goede indruk van je.* – ≈ Хорошо одетые люди производят хорошее впечатление); *Niemoen не бачыць, што ўва мне, да ўсе бачаць, што на мне*).

Тем не менее не все изъяны внешности и характера можно исправить с помощью одежды (*Al draagt een aap een gouden ring, het is en blijft een lelijk ding.* – ≈ Золотое кольцо не красит обезьяну; *Прыбярэ свінню хоць у золата – усё роўна ў хлёў пойдзе*).

Не следует покупать слишком дорогую одежду, стоимость которой превышает ваши финансовые возможности (*Bont om de arm dun in de darm.* – ≈ На брюхе шелк, а в брюхе щелк; *Каптан шык, а ў бруху пшык*).

На собственной одежде часто приходится экономить, если у вас есть дети (*Kinderen zijn een zegen des Heren, maar ze houden de porren van de kleren.* – ≈ Дети – дар Божий, но они заставляют экономить на собственной одежде; *У каго дочкі, той ходзіць без сарочкі*).

В обращении с нарядной и праздничной одеждой требуется аккуратность (*Als je er op uit trekt om te vechten, laat dan je beste hoed thuis.* – Если собираешься подраться, оставь лучшую шляпу дома; *Добрая рэч акуратных людзей любіць*).

Изучение паремий белорусской и нидерландской коммуникативных культур позволило также выявить некоторые особенности вербализации представлений об одежде и обуви.

Практически не представлена в нидерландских пословицах верхняя одежда, что, вероятно, обусловлено недостаточной суровостью голландского климата и тем фактом, что голландцы одеваются зимой очень легко. В отличие от нидерландских, белорусские пословицы выборки насчитывают 8 наиме-

нований верхней одежды: *Свит(к)а* (*Світ(к)а*), *Сермяга* (*Сярмяга*), *Жупан* (*Жупан*), *Кафтан* (*Каптан*), *Плащ* (*без рукавов*) (*Насоў*), *Тулуп* (*Кажух*), *Ватник* (*Ватоўка*, *Вата*), *Шуба* (*Шуба*).

Явные различия обнаруживаются и относительно оппозиции «своя – чужая» одежда. Так, белорусские пословицы утверждают, что своя одежда в любом случае лучше чужой (*Хоць наппросту, але ў сваім*), в то время как голландская советует: если у вас нет рубашки, попробуйте одолжить ее (*Beter een andermans hemd dan geen*. – *Лучше чужая рубашка, чем никакой*). (Толкование: *Als je iets nodig hebt wat je niet bezit moet je proberen het van iemand anders te lenen*. – *Если Вы в чем-то нуждаетесь, попробуйте одолжить эту вещь у кого-либо*.)

ЛИТЕРАТУРА

1. Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы / склад. Ф. Янкоўскі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992. – 491 с.
2. *Лепешаў, І. Я.* Тлумачальны зборнік прыказак / *І. Я. Лепешаў, М. А. Якалцэвіч*. – Гродна : ГрДУ, 2011. – 695 с.
3. Прыказкі і прымаўкі : у 2 кн. / АН Беларусі, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору ; рэдкал.: В. К. Бандарчык [і інш.]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1976. – Кн. 1. – 560 с.
4. Nederlandse spreekwoorden, gezegden en citaten [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.spreekwoord.nl>. – Date of access: 12.05.2021.
5. Spreekwoorden en uitdrukkingen uit de Nederlandse taal [Electronic resource]. – Mode of access: <http://spreekwoorden.nl>. – Date of access: 07.05.2021.

УДК 81'22

Михалькова Надежда Васильевна

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры теории и практики
китайского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Nadezhda Mikhalkova

PhD in Philology, Associate Professor
Associate Professor of the Chair of Theory
and Practice of the Chinese Language
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
nadezhdakr@yandex.ru

ДЕТЕРМИНАТИВЫ КИТАЙСКИХ, ЕГИПЕТСКИХ И ЛУВИЙСКИХ ИЕРОГЛИФИЧЕСКИХ ЗНАКОВ

DETERMINATIVES OF THE CHINESE, EGYPTIAN AND LUWIAN CHARACTERS SYSTEM

В статье анализируются структурно-семантические свойства детерминативов иероглифических знаков китайской, египетской и лувийской языковых систем. Устанавливаются

количественные характеристики наполнения иероглифической письменности смысловыми компонентами – детерминативами; определяются семантические характеристики конститuentов подсистемы таксограмм трех иероглифических областей; выявляются общие и специфические черты относительно выделенных групп знаков в разных языках.

The structural and semantic properties of the determinants of the hieroglyphic signs of the Chinese, Egyptian and Luwian language systems are analyzed in the article. Quantitative characteristics of determinatives of three different languages are established; Semantic characteristics of the constituents of the taxogrammes of three character areas are determined; reveals common and specific features in relation to the distinguished groups of characters in the Chinese, Egyptian and Luwian language systems.

К л ю ч е в ы е с л о в а: иероглиф; семантика; китайский язык; египетский язык; лувийский язык; структура; сопоставление.

Key words: character; semantics; the Chinese language; the Egyptian language; the Luwian language; structure; comparability.

Письмо каждого литературного языка формирует особую автономную систему [1, с. 218]. При этом огромному богатству акустических средств устной нормы противостоит ограниченное число оптических средств, которыми обладает письменная норма. Эти наблюдения никоим образом не позволяют заключить, что письменный язык представляет менее совершенную структуру. Эта структура иная [2, с. 529–530], со значительной степенью самостоятельности и, как следствие, собственной особой проблематикой.

Несмотря на то, что соединение разнородных по своей природе понятий и звуков, даже если отвлечься от материального звучания последних, по самой своей сущности требует посредничества чего-то третьего, в котором они могли бы слиться воедино, этот «посредник» всегда обладает чувственной природой. Так в слове *разум* (*vernunft*) заключено понятие *nermen* (*брать*), *рассудок* (*restand*) – *стоять* (*stehen*) [3, с. 127]. Предметы, производящие сходные впечатления, получают слова с преобладающими сходными звуками, например, *wehen*, *wind*, *wolke*, где *w* – что-то зыбкое, беспокойное или неловкое [4]. Следовательно, понятие формы открывает исследователю путь к постижению «тайн» языка и его носителей [3, с. 73], в письменности отражается объективная семасиология языка [1, с. 221], звук служит представителем предмета, а понятие является выражением нашего взгляда на предмет [3]. Следует подчеркнуть, что графический образ и значение находятся в самых тесных взаимоотношениях друг с другом [5, с. 450]. Это становится особенно очевидным при анализе языковых систем с идеографическим типом письма.

История становления письменности показывает, что формирование, например, греческого алфавита происходило из египетских иероглифических знаков путем деления идеограмм на детерминативы (смысловые указатели) и фонетические знаки. Несмотря на то, что процесс разграничения детерминативов и фонетических элементов, а впоследствии и полное преобладание

фонетических знаков в большинстве языков мира не затронул отдельные языковые системы, сам принцип исходного построения письменности оказывается в значительной степени общим и, как следствие, детерминирован вероятно сходными для человека представлениями о модели мира.

Поскольку тенденция к вытеснению произносимого слова письменным оказывается сильнее в идеографических системах, одна из причин которой – вневременные качества иероглифического письма благодаря независимости иероглифов от действительного произношения, они становятся многовековыми «свидетелями» путей и способов отражения знания об окружающей человека действительности [6, с. 7]. Вместе с тем возникает немало вопросов относительно специфики оснований этой репрезентации.

Принимая во внимание длительную историю развития иероглифической письменности и многочисленные попытки ее реформирования и модификации [7; 8], в качестве критерия для сопоставления в данной работе были выбраны базовые знаки – смысловые указатели (детерминативы) трех иероглифических систем – китайской [9], лувийской (хеттской) [10] и египетской [11] одного временного периода – 14–7 вв. до н.э.

Анализ детерминативов¹ иероглифических подсистем китайского, лувийского (анатолийского) и египетского языков выявил схожие когнитивные основания выбора смысловых определителей знаков. Логическая необходимость классификации понятий путем определения индивидуальных характеристик через родовое, их объединяющее, приводит к фиксации тремя иероглифическими системами в качестве семаграмм, прежде всего, номинаций родовых категорий: человек, животное, материал, явление природы, процесс, объект неживой природы.

Каждая иероглифическая подсистема в то же время характеризуется разным набором таксограмм, репрезентирующих общие семантические области обозначений. В частности, наиболее разветвленной является подсистема² детерминативов лувийской иероглифики (79 единиц / $\approx$ 500 известных и 432 расшифрованных знаков) [10], менее представлена базовыми смысловыми определителями китайская иероглифическая система (154 единицы / $\approx$ 5000 известных и 2430 расшифрованных знаков) [9], минимальное число конститuentов среди сопоставляемых подсистем содержит египетская иероглифика (24 единицы / $\approx$ 6000 известных и 1071 расшифрованный знак) [11].

¹ Термины *детерминатив*, *семаграмма* и *таксограмма* используются в работе в качестве синонимов.

² Результаты подсчетов доли детерминативов в иероглифических системах производился как относительно известных, так и расшифрованных знаков. Доля смысловых определителей китайской, лувийской и египетской иероглифики составила соответственно 3,08 %, 15,8 %, 0,40 % (от общего числа единиц), 6,34 %, 18,29 %, 2,24 % (от расшифрованного числа единиц).

Следует отметить, что большие расхождения в количественных данных относительно доли детерминативов, с одной стороны, свидетельствуют об отсутствии семантемы ввиду ее нерелевантности, с другой стороны, могут быть обусловлены разной семантикой одних и тех же знаков. Так, лувийский детерминатив «женщина» включает также понятие «мать», в китайской иероглифике выделяются отдельные графемы.

Границы категоризации окружающей человека действительности, как свидетельствует анализ наполнения семантических областей выделенными детерминативами, расширены относительно семаграмм – номинаций процессов, частей тела, растений, материалов и животных в китайском языке. Наибольшее наполнение в лувийской иероглифической системе имеют области обозначений частей тела, лиц, абстрактных сущностей и животных, в египетской иероглифике – природных явлений и животных.

Менее представлены детерминативами такие области номинации, как наименования лиц, временных отрезков, пространственных ориентиров, одежды – в китайской иероглифической системе; частей тела, строений, абстрактных сущностей, временных промежутков и материалов – в египетской иероглифике; вместилищ – в лувийской иероглифике.

Анализ наполнения каждой подсистемы детерминативов, с одной стороны, показывает общую тенденцию носителей разных языков к обозначению, прежде всего, наиболее значимых областей представлений об окружающем мире. Так, например, во всех трех исследуемых иероглифических системах представлены детерминативы – номинации человека, ребенка, женщины, земли, солнца, горы, воды, воздуха, строения (дома), государя (правителя), дороги и птицы.

В то же время одни и те же семантические области репрезентированы разными детерминативами. В китайском языке семантическая группа «Наименования процессов» представлена значительной долей единиц, описывающих разные виды движений (*медленно идти, идти, продвигаться, стоять, ходить, бежать, быстро идти, летать, входить*), в египетской иероглифике указанная группа содержит обозначения действий абстрактного типа (*ликовать, жертвовать*), лувийская иероглифика включает номинации коммуникативного характера (*говорить, слышать*), а также наименований действий по передаче чего-либо (*давать*) и движений (*садиться*).

Различия выявлены также в области номинаций лиц. В китайской иероглифике детерминативами определяются такие семантемы, как *мать, отец, сын*, в лувийской – *предок, потомок, сотрудники и сотрудник* (и множество, и единичность – обе номинации), *Бог, герой*, в египетской – *старик, враг*.

Семантическая область «Части тела» представлена как общими для трех иероглифических систем детерминативами, так и специфическими единицами. Например, в лувийской иероглифике в качестве таксограммы функционируют

такие обозначения частей тела, как *лоб* и *голова*, а для обозначения ступни выделены две графемы. Египетская иероглифика включает только два детерминатива (*ухо* и *глаз*). Наиболее широка данная область в китайской иероглифической системе (11 единиц).

Египетская иероглифическая система включает такие специфические детерминативы, как *ликовать*, *жертвовать*, *обработка земли*, *орошать*, *песок*, *старик*, *враг*, *ночь*, *скот*.

К особенностям наполнения семантических областей лувийской системы детерминативов могут быть отнесены такие таксограммы, как *гром* (ср. кит. *дождь*), *долото* (ср. кит. *топор*), *все* (ср. кит. *вместе*), *отрицание* (ср. кит. *отсутствие чего-либо*), *первый* (ср. кит. *главный*), *гнев* (ср. кит. *злой*). Не выделены в египетской и китайской иероглифике лувийские семантемы *запад*, *восток*, *над*, *перед*, *после*, *заяц*, *трон*, *ваза*, *год*, *хороший*, *великий*, *плохой*. В то же время анализ графики лувийской системы детерминативов выявил определенное сходство с китайской иероглификой в области мотивировочных признаков при номинации понятий. Так, например, процессы *давать*, *класть*, *предлагать* графически передаются посредством изображения инструмента, производящего данное действие: все три детерминатива графически представляют собой рисунок руки (таблица).

Детерминативы *давать*, *класть*, *предлагать* лувийской иероглифики

Рус.	давать	класть	предлагать
Лув.			

Специфика исследуемых иероглифических систем наблюдается в области комбинаторики. Так, например, лувийский иероглифический знак «дворец» состоит из компонентов «большой+дом» [10, с. 49]. Китайский иероглиф 宮 образовался путем объединения трех графем: «крыша+две комнаты» или «крыша+окно+дверь».

В то же время общими являются принципы символического изображения. Установленные еще Ж. Ф. Шампольоном типы символизма в египетской иероглифике также характерны и для лувийской, китайской систем: путем синекдохи – изображение части вместо целого [12], например, егип. «две руки со щитом» = «боец», лув. «голова» = «корова»; путем метафоры (ср. егип. жадность, алчность изображается с помощью понятия «крокодил», кит. жадность, алчность связывается с понятием «ракушка; деньги») [12; 13; 14; 15].

Таким образом, анализ китайской, египетской и лувийской иероглифических систем показал значительную долю общеязыковых свойств идеографи-

ческой письменности, детерминируемых общностью оснований когнитивного и экстралингвистического характера. Выявленные специфические черты анализируемых графических форм, их комбинаторики и включения в определенные семантические области свидетельствуют об особенностях национально-культурологической репрезентации представлений носителями разных языков, что отражает как звуковая, так и письменная форма знаков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Избранные труды по общему языкознанию : в 2 т. / И. А. Бодуэн де Куртене. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – 2 т.
2. Вахек, Й. К проблеме письменного языка / Й. Вахек // Пражский лингвистический кружок : сб. ст. / под ред. Н. А. Кондрашова. – М., 1967. – С. 524–533.
3. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. – М. : Прогресс, 2000. – 400с.
4. Потебня, А. А. Слово и миф / А. А. Потебня. – М. : Правда, 1989. – 624 с.
5. Пауль, Г. Принципы истории языка / Г. Пауль. – М. : Иностр. лит., 1960. – 500 с.
6. Резаненко, В. Ф. Семантическая структура иероглифической письменности / В. Ф. Резаненко. – Киев : КГУ, 1985. – 132 с.
7. Алексеев, В. М. Китайская письменность и ее латинизация / В. М. Алексеев. – Л. : АН СССР, 1932. – 178 с.
8. Сердюченко, Г. П. Китайская письменность и ее реформа / Г. П. Сердюченко. – М. : Вост. лит., 1959. – 55 с.
9. Сюй, Шэнь. Объяснение простых и толкование сложных знаков / Шэнь Сюй. – Юйлу : Изд-во Юйлу, 2006. – 540 с. = 许, 慎。说文解字 / 慎许。 – 岳麓 : 岳麓书社, 2006. – 540页。
10. Дунаевская, И. М. Язык хеттских иероглифов / И. М. Дунаевская. – М. : Наука, 1969. – 115 с.
11. Gardiner, A. H. Egyptian Grammar. Being an Introduction to the Study of Hieroglyphs / A. H. Gardiner. – 3rd ed., rev. – Oxford : Griffith Inst., 1957. – 139 p.
12. Лившиц, И. Г. Дешифровка египетских иероглифов Шампольоном / И. Г. Лившиц // О египетском иероглифическом алфавите / Ж.-Ф. Шампольон ; пер., ред. и коммент. И. Г. Лившица. – М., 1950. – С. 98–241.
13. Karlgren, B. Analytic Dictionary of Chinese and Sino-Japanese / B. Karlgren. – Taipei : SMC Publ. Inc, 2002. – 436 p.
14. Griffith, F. L. The Decipherment of the Hieroglyphs / F. L. Griffith // The Journal of Egyptian Archaeology. – 1951. – Vol. 37. – P. 38–46.
15. Adkins, L. The Keys of Egypt: The Obsession to Decipher Egyptian Hieroglyphs / L. Adkins, R. Adkins. – New York : HarperCollins, 2000. – 352 p.

УДК 811.111'373

Сирота Елена Владимировна

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры славистики
Бельцкий государственный университет
имени Алеку Руссо
г. Бельцы, Молдова

Elena Sirota

PhD in Philology, Associate Professor
Associate Professor of the Chair
of Slavic Studies
The Balti State University named after
Alecru Russo
Balti, Moldova
sirotaelena@mail.ru

Парахонько Людмила Вячеславовна

магистр филологии, аспирант,
ассистент кафедры славистики
Бельцкий государственный университет
имени Алеку Руссо
г. Бельцы, Молдова

Lyudmila Parahonco

Master of Philology, PhD Student,
Assistant of the Chair of Slavic Studies
The Balti State University named after
Alecru Russo
Balti, Moldova
parakhonko91@mail.ru

КОНЦЕПТ «DREAM» («МЕЧТА») В АНГЛИЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

THE CONCEPT «DREAM» IN THE ENGLISH LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD

Данная статья посвящена изучению семантических возможностей концепта «dream» («мечта») в английском языковом сознании; его комплексного лингвистического ценностного смысла. Работа затрагивает антропоцентрическую парадигму, которая эмпатизирует гносеологическую функцию языка; его связь с этносом. Согласно антропоцентризму, человек познает и осознает себя в языке как теоретическую и предметную деятельность, которая и наделяет языковую систему духовной сущностью, а также мотивами собственных поступков. Следовательно, признается и психическая ценность концепта «dream». А значит, и подтверждается психофизиологическая природа данного объекта когнитивной лингвистики.

The given article is devoted to the study of the semantic possibilities of the concept «dream» in the English language consciousness; its integrated linguistic value sense. The work touches upon the anthropocene paradigm, which emphasizes the gnoseological function of language; its connection with the ethnos. According to anthropocentrism, a person cognizes and realizes himself in language as a theoretical and objective activity, which endows the linguistic system with a spiritual essence, as well as the motives for his own actions. Consequently, the psychic value of the concept «dream» is also recognized. This means that the psychophysiological nature of the given object of cognitive linguistics is confirmed.

К л ю ч е в ы е с л о в а: dream (мечта); психофизиологический концепт; гносеологическая функция языка; антропоцентризм; английское языковое сознание.

K e y w o r d s: dream; psychophysiological concept; gnoseological function of language; anthropocentrism; English language consciousness.

Актуальность работы обусловлена тем, что концепт «мечта» («dream») представляет особый интерес в современном языкознании и мире в целом. Мечта была и есть наиболее важной частью жизни каждого из нас, потому что составляет когнитивную специфику образования причинно-следственных отношений в тексте человека мечтающего [1, с. 1290].

Мечта являет собой имманентное развитие процессуальной стороны, так как связывает желаемое с действительным и тем самым перерастает в цель. При этом важно отметить, что «dream» ‘мечта’ – это концепт особого типа – психофизиологического – в рамках русской и английской лингвокультур. Это объясняется тем, что чаще всего изучаются такие концепты, в основу которых положены абстрактные или предметные реалии. Но практически не исследуются концепты психофизиологического типа [2, с. 258].

Необходимо подчеркнуть, что в английской лингвокультуре «dream» является сложным по составу концептом, не имеющим единой номинации. Его компоненты обычно реализуются двумя лексемами: *sleep* и *dream*. Слово *dream* обычно номинирует такую составляющую концепта, как ‘образ, видение’, а слово *sleep* – компонент ‘состояние’. Но рассматривать мы будем, в основном, только одну из его составляющих – *dream*.

Итак, в Оксфордском толковом словаре дается следующее лексическое значение лексемы *dream*:

1. [countable] a series of images, events and feelings that happen in your mind while you are asleep: I thought someone came into the bedroom, but it was just a dream. ‘Goodnight. Sweet dreams.’

2. [countable] a wish to have or be something, especially one that seems difficult to achieve: Mike’s big dream was to be a professional racing driver. A chance to fulfill a childhood dream and so on.

3. [singular] a state of mind or a situation in which things do not seem real or part of normal life: After a few weeks back at work our vacation seems like a dream.

4. [singular] (informal) a beautiful or wonderful person or thing: That meal was an absolute dream [3, p. 465].

Перевод словарной статьи:

1. Ряд мыслительных образов и ощущений, которые вы видите, когда спите: Я думал, что кто-то вошел в спальню, но это был всего лишь сон. «Спокойной ночи. Сладких снов».

2. Желание (мечта) приобрести что-то или стать кем-то, особенно если это сложно реализовать: Главной мечтой Майка было стать профессиональным гонщиком. Шанс (возможность) осуществить детскую мечту.

3. Состояние ума или ситуация, в которой вещи не кажутся реальными или частью нормальной жизни: Спустя несколько недель по возвращении на работу наши каникулы похожи на сон.

4. Красивый, замечательный человек или вещь: Та еда была абсолютной мечтой (пер. Л. Парахонько).

В пьесе В. Шекспира «Сон в летнюю ночь» актуализируются концептуальные признаки *dream* как 'ряд мыслительных образов и ощущений, которые мы видим, когда спим (сновидения)', и 'мечта', а также концептуальные подпризнаки: 'знание, полученное иррациональным путем'; 'обман (иллюзия)'. Рассмотрим их более подробно в тексте.

В первом действии, первой сцене, Гермия (дочь Эгея) говорит об атрибутах любви:

As due to love as thoughts, and dreams, and sighs,
Wishes, and tears, poor fancy's followers [4, p. 17].

Приличный ей, – мечты, томленья, слезы,
Желанья, сны – любви несчастной свита! [5, с. 6].

Это значит, что лексема *dream* в данном случае выступает в качестве мечты.

Во втором действии, второй сцене, Гермия видит сон о том, как ужасная змея грызла ей сердце. Поэтому она звала своего возлюбленного Лизандра на помощь:

Help me, Lysander, help me! Do thy best
To pluck this crawling serpent from my breast!
Ay me, for pity! – what a dream was here!
Lysander, look how I do quake with fear:
Methought a serpent eat my heart away,
And you sat smiling at his cruel prey [4, p. 35].

Лизандр мой, помоги! Скорей приди,
Ползучую змею сорви с груди!..
О страшный сон!.. Дрожу от страха я.
Мне снилось, что ужасная змея
Мне грызла сердце. Было тяжело, душно,
А ты смотрел с улыбкой равнодушно [5, с. 25–26].

Здесь актуализируется такой подпризнак концепта «dream» (*sleep*), как 'знание, полученное иррациональным путем'. В тексте пьесы сон героини является вещим, потому что последующие события в жизни Гермии полностью соответствуют полученной во сне информации. А именно: змея, которая грызла сердце Гермии, – это Елена, украсившая сердце Лизандра:

H e r m i a. You thief of love! What, have you come by night
And stol'n my love's heart from him?
(Act III, scene II—another part of the wood) [4, p. 54].

Г е р м и я. Воровка! Значит, ночью ты прокралась
И сердце у него украла? [5, с. 42].

Кроме этого, образ змеи, которая извивается, наводит нас на мысль об обмане, т.е. все, что дальше будет происходить с действующими лицами пьесы, окажется ложью.

В третьем действии, второй сцене, «dream» – это 'обман', т.к. все, что чувствовали действующие лица, вызвано чарами цветка анютины глазки. Механизм его действия таков: если намазать веки спящего этим цветком, то первого, кого он увидит, – полюбит:

O b e r o n. Then crush this herb into Lysander's eye;
Whose liquor hath this virtuous property,
To take from thence all error with his might,
And make his eyeballs roll with wonted sight.
When they next wake, all this derision
Shall seem a dream and fruitless vision...
(Act III, scene II—another part of the wood) [4, p. 57].

О б е р о н. Тогда Лизандру веки смажь травой,
Чей сок своею силою благой
Рассеять может пагубный обман;
В глазах его прояснится туман.
Проснувшимся бывшие заблужденья
Покажутся игрою сновиденья [5, с. 46].

В данном случае словосочетание *fruitless vision* 'бесплодные видения' коррелирует с концептуальным подпризнаком 'обман' (нереальной ситуации).

В пятом действии, в финале пьесы, реализуется концептуальный признак 'a series of images, events and feelings that happen in your mind while you are asleep', т.е. 'ряд мыслительных образов и ощущений, которые вы видите, когда спите (сновидение)':

P u c k. If we shadows have offended,
Think but this, and all is mended, –
That you have but slumber'd here,
While these visions did appear.
And this weak and idle theme,
No more yielding but a dream,
Gentles, do not reprehend:
If you pardon, we will mend [4, p. 87–88].

П э к. Если тени оплошали,
То считайте, что вы спали,
И что этот ряд картин
Был всего лишь сон один.
Наше слабое творенье
Расцените как виденье,
И погрешности тогда
Мы исправим без труда [6, с. 73].

На протяжении всей пьесы В. Шекспира «Сон в летнюю ночь» реализуется базовый признак концепта «dream» (*sleep*) – ‘to rest with your eyes closed and your mind and body not active’, т.е. ‘отдохнуть с закрытыми глазами, и при этом ваше сознание и тело неактивны’. Например:

T i t a n i a. Come, now a roundel and a fairy song;
Then, for the third part of a minute, hence; –
Some, war with rere- mice for their leathen wings,
To make my small elves coats; and some, keep back
The clamorous owl, that nightly hoots and wonders
At our quaint spirits. Sing me now asleep;
Then to your offices, and let me rest [4, p. 30].

Т и т а н и я. Составьте круг теперь и спойте песню!
Потом на треть минуты — все отсюда:
Кто — добывать мышей летучих крылья
Для эльфов на плащи, кто — сов гонять,
Что ухают всю ночь, дивясь на нас.
Теперь вы убаюкайте меня,
Потом ступайте: я хочу уснуть [5, с. 21].

Теперь построим полевую модель концепта «dream» (рисунок), что и позволит нам охарактеризовать ментальность представителей английского пространства.

Я д р о: сон как процесс;
сновидение;
мечта;
цель, желание или надежда;
нечто прекрасное.
Б л и ж н я я п е р и ф е р и я:
знание, полученное иррациональным путем;
нечто воображаемое, то, чего нет в реальности.

Д а л ь н я я п е р и ф е р и я:
Обман.

Полевая структура концепта «dream»

Таким образом, в английской лингвокультуре, в основном, демонстрируется воплощение базового концептуального признака – ‘сновиденья; физиологического состояния покоя и отдыха, при котором почти полностью прекращается работа сознания, снижаются реакции на внешние раздражения; мечты; цели, желания или надежды’; следующих подпризнаков концепта «dream»: ‘знание, полученное иррациональным путем’; ‘обман’; ‘нечто воображаемое, то, чего нет в реальности’. Это значит, что в сознании представителя английского национально-культурного пространства концептуальный признак ‘образ’, реализуемый лексемой *dream*, является более культуронагруженным и приоритетным, чем компонент ‘состояние’, реализуемый лексемой *sleep*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гиниятуллина, Н. Ш. Синтаксические структуры концепта DREAM/ХЫЯЛ в английском и татарском языках (на примере романтического дискурса) / Н. Ш. Гиниятуллина, Л. Э. Урманова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 14, № 4. – С. 1290–1294.
2. Малинович, М. В. Концепт dream: причинный модус / М. В. Малинович, Л. М. Макаренко // Вестник ИрГТУ. – 2013. – № 1 (72). – С. 258–262.
3. Oxford Advanced Learner's Dictionary, Seventh edition / chief ed. S. Wehmeier. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2007. – 1780 p.
4. Shakespeare, W. Midsummer Night's Dream / W. Shakespeare. – London : Folger Shakespeare Libr., 2016. – 87 p.
5. Шекспир, У. Сон в летнюю ночь / У. Шекспир ; пер. Т. Щепкиной-Куперник. – М. : Искусство, 1958. – Т. 3. – 81 с.
6. Шекспир, У. Сон в летнюю ночь / У. Шекспир ; пер. М. Лозинского. – М. : OCR, 1954. – 76 с.

УДК 811.111'373

Стоянова Инга Фёдоровна

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры германской филологии
Международный Независимый
Университет Молдовы (УЛИМ)
г. Кишинев, Молдова

Inga Stoianova

PhD in Philology, Associate Professor
Associate Professor of the Chair
of Germanic Philology
Free International University of Moldova
(ULIM)
Kishinev, Moldova
istoianova@ulim.md

ВАРИАТИВНОСТЬ СОКРАЩЕННЫХ ФОРМ В ЛЕКСИКЕ ГОСТИНИЧНОГО СЕРВИСА

VARIABILITY OF ABBREVIATED FORMS IN HOTEL VOCABULARY

В статье исследуется феномен сокращенных лексических форм в гостиничной лексике. Важность темы обусловлена растущим интересом к функционированию терминологии гостиничной индустрии, одной из самых быстрорастущих областей туризма. В работе были проанализированы структурно и семантически разные типы сокращений, используемых в гостиничной лексике. Каждый тип аббревиатуры является единичным и ведет к появлению нового слова, увеличивая общий объем специализированного языка в туристическом секторе.

The phenomenon of abbreviated forms in hotel vocabulary is studied in this article. The topic's importance stems from the growing interest in hotel terminology, one of tourism's fastest-growing fields. Varieties of abbreviated forms used in hotel vocabulary are analyzed structurally and semantically. Each type of abbreviation is distinct and results in the production of a new word, increasing the overall body of specialized language in the tourism sector.

К л ю ч е в ы е с л о в а: туризм; гостиничное хозяйство; аббревиация; сокращение; языковая экономия.

K e y w o r d s: tourism; hospitality; abbreviation; shortening; language economy.

International tourism is a complex and multidimensional area of the world economy, having a large impact on both the world and national economies of certain states and regions. In some countries, international tourism is almost the only source of foreign exchange earnings that supports a sufficiently high level of economic development and well-being of citizens. The hospitality industry is a noteworthy branch of tourism and represents an economic activity of providing accommodation, room service, catering, and other possible services within the hotel. A defining aspect of the hospitality industry focuses on ideas of luxury, pleasure, enjoyment, and experiences, as opposed to catering for necessities and essentials [1].

The sphere of the concepts expressed by the terms related to tourist and hotel vocabulary is associated primarily with a person. Currently, there is an increased interest in a person and in all the phenomena associated with him (all cultural and non-cultural aspects involved, etc.), reflected in the hotel language.

In tourism, the guest has to believe that the host is welcoming out of feelings of kindness, a desire to please, and a true concern for the guest as a person. When considering hospitality in this light, notions like generosity, friendliness, the host-guest relationship, entertainment, and free experiences come to mind. In this context, international and cross-cultural features of hospitality are of great importance [2, p. 75].

With the advanced technology, there is a demand to communicate and to transfer specialized and non-specialized information as quickly as possible, within a limited space and time. The widespread use of abbreviations as a linguistic phenomenon characteristic of modern languages is due to a number of extralinguistic reasons: scientific and technological progress, the development of intercultural communication, a change in the rhythm of life, a tendency to shorten and simplify the language. At the same time, external stimuli create the prerequisites for the development of intralingual factors, such as the frequency of generating unit use, language habits, context, semantic innovation and transformation, secondary nomination processes, the development of additional connotations [3, p. 28]. In this context, the use of abbreviations as a means of language and time economy becomes an integral part of language evolution.

English has a strong tendency to various kinds of reductions in words. The greater part of English vocabulary is taken by short, monosyllabic, and disyllabic words, while long lexical units sometimes are perceived as foreign ones (or at least, being composed of foreign/borrowed elements).

The abbreviation has the task to increase the efficiency of communication, being one of the reasons for society and language development as a means of change of information. Abbreviations represent a type of the second nomination, having a classifying and identifying function, as their emergence very often gives evidence of the actuality of the denoted phenomenon at a certain period. Contracted units serve to fill lexical or word-building lacunas in everyday and specialized vocabulary, proving the necessity to denote a new thing in society. Each significant word, the abbreviated one also, represents the unity of meaning and sound alliance, the content, and the form, which always tend to reciprocal correspondence, the content having the leading value of the unit. The words that correspond to this trend the additional exertion on the memory are eliminated and the word is further easily operated in everyday and specialized communication [4].

The substantial use of various abbreviations is one of the most characteristic features in developing national terminologies and national languages in general.

Terminology is regarded as a vocabulary for accurately describing the alien body and associated components, conditions, processes in a science-based manner. Decoding the hotelier term is an important procedure as they are very common in this branch of tourism.

Hotel abbreviations are used for a variety of reasons: to avoid repetition, save space and time, or conform to conventional usage. The essence of the economical use of language is to ensure a high volume of hotel information transfer per unit time. This phenomenon can be considered as a way of concentrating (condensing) the hotel information. In hotel communication, they allow and require hotel personnel, tourist agents, tourists, economists, and other hotel specialists and professionals to document records quickly.

As any linguistic phenomenon, abbreviations are supposed to be classified according to different criteria. The corpus of investigation included 206 abbreviations selected from the online travel magazines 'Condé Nast Traveler' [5] and 'Travel + Leisure' [6], the structural features of abbreviations being the starting point and moving forward to phonetic aspects.

Structurally, as the results of the investigation show, the majority of abbreviations are composed of 2–6 signs /letter and non-letter graphemes. Two- signs abbreviations represent 46 units, namely 22,1 % of the corpus, e.g.: *TD* – *Turn Down*, *LT* – *luxury tax*, *PP* – *per person*, *AC* – *air-conditioned*; *AI* – *all-inclusive*, etc. Three signs abbreviations form the largest group including 134 units, namely 64,5 % of the analyzed corpus, e.g.: *BOT* – *Beverage Order Ticket*, *CMP* – *Complete Meeting Package*, *CSM* – *Convention Service Manager*, *IVO* – *Individual Pays Only*, *DBR* – *Daily Business Report*, etc. Four signs abbreviations comprise 21 units, making 10,1 % of the analyzed corpus, e.g.: *MICE* – *Metings, Incentives, Conventions and Exhibitions*; *COTB* – *Comparative on the Books*, *EFFIT* – *Foreign Free Individual Traveler*, etc. Five and six signs abbreviations are not so frequently spread making just 7 units (3,3 %), e.g.: *HRACC* – *Hotel and Restaurant Approval Classification Committee*, *GOPPAR* – *Gross Operating Profit per Available Room*.

There are several important forms of abbreviation in the analyzed corpus. Although their classification seems thought provoking, according to the postulates accepted in modern linguistics they were divided into three main groups: initialisms, acronyms, and graphical abbreviations comprising over types of abbreviated forms.

Both acronyms and initialisms are abbreviations, but there is a key difference between the two. Due to rampant misuse of the term *acronym*, some dictionaries are now starting to add an extra definition to it, allowing acronyms to expand their scope to include initialisms. Therefore, as the English language evolves, this additional definition of acronym may stick and become widely accepted.

Acronyms are forms where the abbreviation is composed of letters of the constituent words (usually the first letter of each word, though not always). The part of the definition of an acronym is that the resulting abbreviation needs to be pronounceable as a word. In the framework of the selected corpus acronyms represent 69 units (33,1 % of the corpus), e.g.: *BAR* [ba:] – *Best Available Rate*, *CRO* [kro] – *Central Reservation Office*, *FIT* [fit] – *Frequent Independent Traveler*, *FOH* [foh] – *Front of House*, *MAP* [mæp] – *Modified American Plan*, etc.

Initialisms are very similar to acronyms in that they are made up of letters of some name or phrase, usually the first letter of each word as is common with acronyms. The difference between an acronym and initialism is that the abbreviation formed with initialisms is not pronounced as a word, rather one says the individual letters, such as *DBB* [di: bi: bi:] – *dinner, bed, breakfast included*; *FB* [əf bi:] – *Full board*, *IBE* [ai bi: i:] – *Internet Booking Engine*, *EPO* [i: pi: ou:] – *Each pays own share*, *PRPN* [pi: a: pi: ən] – *Per Room, Per Night* etc. Studied quantitatively, the group of initialisms is the largest in the corpus of variable abbreviated terminological forms, including 121 units (58,2 %).

While analyzing the selected material it was determined the existence of a curious linguistic phenomenon, known as the lexicalization of graphical abbreviations. This type of abbreviations undergoes a special approach, the result being a new pronunciation either according to the alphabet / following the rules of reading for initialisms/ or a sound combinations / as acronyms /: *FOC* [fok] or [əf əu kei] – *Free of Cost*; *FOM* [fom] or [əf əu əm] – *Front Office Manager*; *MOD* [mod] or [əm ən di] – *Manager on Duty*; *PER* [pər:] or [pi: i: a:] – *per event report*, *BEO* [beo] or [bi: i: əu] – *banquet event oder*. However, this type of abbreviation shows the unfinished process of lexicalization and creates challenges in translation as it increases the polysemantic aspect of their perception of the synonymized concept. For example, according to the quantitative data of the online version of the Free Dictionary the above-mentioned acronym *MOD* (Manager on duty) has 88 full forms depending on the branch/ field of usage [7], e.g.: *MOD* – *Molly Obsessive Disorder* (Internet slang), *Multiple Organ Dysfunction* (medicine), *Master's of Destruction* (gaming clan), *Music Module* (music), *Maximum Overall Diameter* (small lamps specification), *Maintenance of Demand* (customer service) etc.

Graphical abbreviations are the result of the shortening of words and word-groups only in written speech while orally the corresponding full forms are used. They are used for the economy of space and time and effort in writing, representing 8, 7 % of the studied corpus. Because of the ever-closer connection between the oral and the written forms of the language, it is sometimes difficult to differentiate clippings formed in oral speech from the graphical ones.

A special group of the studied abbreviation is formed by means of clipping, namely by the apocope and back clipping. Back clipping is characteristic of the oral speech, forming stylistically marked units in hotel discourse [7]. The advantage of the use of the apocope is explained by the fact that the information is contracted at the beginning of the word, while the stress falls on the first syllable, e.g.: *lux-* *luxury*, *ARR* – *arrive*, *DEP* – *depart*, *REF* – *refrigerator*, *INF* – *infant*, etc.

It is necessary to mark that the use of points, hyphens, slashes, and other graphemes is characteristic of graphic abbreviations formed based on apocope. For example, a slash is usually used for pointing to the missed conjunctions and prepositions, while sign & is applied instead of “and”: *B/B* (*bed & breakfast*), *b/s* (*bill of sale*), *c & d* (*collected and delivered*), *o/a* (*on account of*), *o/r* (*owner's risk*), etc.

Another group of hotelier clippings is formed by syncope, e.g.: *HT* – *heat*, *CTV* – *cable television*, *DBL* – *double*, *SGL* – *single*, *CHD* – *child*, *DK* – *deck*, etc.

The majority of hotel abbreviations formed by means of clipping have the form of initial abbreviations – initialisms and acronyms, e.g.: *HTL* – *hotel*, *HB* – *half-board*, *RO* – *room only*, *BV* – *beach view*, *MB* – *main building*, *HV* – *holiday village*, *TKNO* – *ticket number*, etc.

Hotel speak is determined by various sociolinguistic factors. The full forms of abbreviations can denote various hotelier notions, referring to the thematic division of the vocabulary. Thematic vocabulary sets suppose the arrangement of a group of words that belong to a specific schema/ concept. Thematic groups of lexical units can prevent the interference effects caused by the semantic sets. Thus, the full form of the discussed corpus of abbreviations incorporates the following hotelier concepts: hotel administration and management (106 units – 51,4 %, e.g.: *BTC* – *Bill to Company*, *BEO* – *Banquet Event Order*, *ARR* – *Average Room Revenue*, *ExFB* – *extended full board*); accommodation (25 units – 12,3 %, e.g.: *SGL* – *single*, *TRPL* – *triple*, *EXB* – *extra bed*, *BV* – *beach view*, *STD* – *standard*, *APR/Apart* – *apartment*, *AC* – *air-conditioned*); catering (13 units – 6,3 %, e.g.: *ABC* – *Ashtray Bud vase Cruet set*, *BOT* – *Beverage Order Ticket*, *CCG* – *Crockery Cutlery Glassware*, *IKT* – *Inter Kitchen Transfer*, etc); notes on guest's status (27 units – 13,1 %, e.g.: *OOT* – *out-of-town*, *NB* – *no baggage*, *LB* – *Light baggage*, *SO* – *Sleep out*, *DND* – *do not disturb*, *ED* – *Expected departure*, *FIT* – *Free independent travelers*, *ETA* – *Estimated Time of Arrival*, etc); names of associations and officials /6 units - 3 %, e.g.: *BHA* – *British Hospitality Association*, *DMO* – *Destination Marketing Association etc*); miscellaneous terms used in hotel business (15 units – 7,2 %, e.g.: *OW* – *one way*, *PIA* – *paid in advance*, *STLY* – *Same Time Last Year*, *GIT* – *Group Inclusive Tour* etc).

A separate group of hotelier acronyms is represented by a set of homophonous acronyms. The latter being a special group as they are of a two-folded character: on the one hand, they are a short form of the expressed specialized hotel notion;

on the other hand, they possess some features of a common word. The majority of hotelier homonymous acronyms are casual having an incidental similarity between the sound and the spelling system. It can be explained by the convenience of their memorization and use in specialized communication: *BAR* (*Best Available Rate*) $\neq$ *bar* (a long rigid piece of wood, or similar material, typically used as an obstruction); *FIT* (*Frequent Independent Traveler*) $\neq$ *fit* (of a suitable quality, standard, or type to meet the required purpose); *MICE* (Meetings, Incentives, Conventions and Exhibits) $\neq$ *mice* (plural form of *a mouse* – a small rodent that typically has a pointed snout, relatively large ears and eyes, and a long tail); *TEAM* – Together Everyone Achieves More $\neq$ *team* (a group of players forming one side in a competitive game or sport).

Therefore, hotel abbreviations are an actively developing linguistic phenomenon that works on the principle of shortening and is determined by both extralinguistic and intralinguistic factors. Acronyms and initialisms are highly used in hotelier language as a synonymous short variant of the expressed concepts' full form. In some cases, the use of acronyms and abbreviations is given without their decoding that causes difficulties in translation; the translator has to consult the dictionary, rendering their equivalent into the target language. In English hotelier, vocabulary initialisms have a quantitative predominance, while acronyms, clippings, and other types of graphical and lexical abbreviations represent a consequently decreasing minority.

REFERENCES

1. Hospitality Industry: The No. 1 Hospitality Information Guide! [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.revfine.com/hospitality-industry/>. – Date of access: 25.09.2021.
2. Gribincea, A. Excursion and Tour Guiding: Theory and Practice / A. Gribincea, I. Stoianova, C. Gribincea. – Chişinău : Print-Caro, 2016. – 163 p.
3. Борисов, В. В. Аббревиация и акронимия. Военные и научные технические сокращения в иностранных языках / В. В. Борисов. – М. : Воениздат, 1972. – 320 с.
4. Vogel, R. Basics of Lexicology / R. Vogel. – Brno : Masarykova Univ., 2012. – 97 s.
5. Conde Naste Traveler [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.cntraveler.com/>. – Date of access: 10.09.2021
6. Travel+ Leisure [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.travelandleisure.com/>. – Date of access: 01.10.2021.
7. The Free Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.thefreedictionary.com/>. – Date of access: 05.10.2021.

УДК 811.531'373.45:811.111

Яскевич Виталий Валерьевич

кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой фонетики
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Vitaliy Yaskevich

PhD in Philology, Associate Professor
Head of the Chair of English Phonetics
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
vitaliy_yaskevich@mail.ru

Дашкевич Юлия Васильевна

аспирант кафедры фонетики
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Yulia Dashkevich

PhD Student of the Chair of English
Phonetics
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
yulia.das@gmail.com

СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ФОНЕТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ АНГЛИЙСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ

SEMANTIC AND PHONETIC TRANSFORMATIONS OF ENGLISH BORROWINGS IN KOREAN

В статье рассматриваются адаптационные процессы фонетической и семантической структуры английских заимствований в корейском языке. В силу существенных различий фонологических систем контактирующих языков изменения затрагивают не только фонемный, но и слоговой состав слов. Семантические преобразования могут быть не менее масштабными, варьируя от сужения или расширения значения до возникновения новых смыслов. Многие модификации обусловлены особенностями корейской культуры.

The article deals with the adaptation processes of the phonetic and semantic structures of English borrowings in Korean. Due to significant differences in the phonological systems of the contacting languages, changes affect not only the phonemic, but also the syllabic composition of words. Semantic transformations can be no less extensive, ranging from narrowing or expanding the original meaning to the emergence of totally new definitions. Many modifications occur due to the peculiarities of Korean culture.

К л ю ч е в ы е с л о в а: языковые контакты; английский язык; корейский язык; лексические заимствования; семантические преобразования; фонетическая адаптация.

Key words: language contacts; English; Korean; lexical borrowings; semantic transformations; phonetic adaptation.

Слово традиционно считается основной единицей любого языка. Еще Фердинанд де Соссюр высказывал мысль о том, что слово есть «единица, неотступно представляющаяся нашему уму как нечто центральное во всем

механизме языка» [5]. Это минимальная единица, способная обозначать различные явления действительности, служить средством общения и употребляться в речи как некое самостоятельное целое.

Выполняя номинативную функцию, слова именуют понятия и, таким образом, задают границы важнейшим элементам нашего мышления. В. В. Виноградов определял слово как «вместилище предметных значений, из которых складывается система социально-языковой семантики» [3, с. 15]. Словарный запас любого языка так или иначе воплощает процессы и результаты когнитивной деятельности человека, отражает культурные особенности определенной общности людей.

Лингвисты давно столкнулись со сложной, многомерной, разноплановой природой этой языковой единицы. Существует общее согласие относительно двусторонней сущности слова. С одной стороны, любое слово имеет материальное звуковое или графическое оформление, с другой стороны, оно передает одинаково понимаемый носителями языка, общественно закрепленный за ним смысл.

Картина становится гораздо сложнее, когда речь идет о языковых контактах, которые значительно интенсифицировались в последние десятилетия в силу процессов глобализации. Экспансия английского языка как основного средства международного общения проявляется в активном заимствовании лексики практически во все языки мира. Особый интерес приобретают лексические заимствования из английского языка в языки, имеющие принципиальные отличия в устройстве языковой системы и максимально дистантные в культурно-историческом плане. Одним из таких представителей является корейский язык, в котором появление англицизмов становится нарастающей тенденцией.

Несмотря на то, что Корея традиционно описывается как в высшей степени одноязычная и монокультурная страна, английский язык обладает особым статусом в корейском обществе: он рассматривается как обязательный элемент для достижения успеха в карьере и функционирует как своего рода социальный индикатор [7, с. 9]. На данном этапе развития корейского языка английские заимствования составляют весьма обширный пласт лексики и занимают второе место по численности после сино-корейских слов, т. е. заимствований из китайского языка [4, с. 7]. Следует отметить, что эти слова претерпели значительные изменения в написании, произнесении и грамматической функции, поэтому носителями корейского языка как заимствования не рассматриваются. Заимствования из английского языка также подвержены адаптационным процессам, в результате которых в этих лексических единицах возникают масштабные изменения как в плане выражения, так и в плане содержания.

Фонетические преобразования. Очевидно, что фонетические системы английского и корейского языков обнаруживают существенные различия не только в количественном, но и качественном составе, а также в подходах к

дифференциации фонем. В корейском языке используется также собственный фонематический алфавит, где одна буква всегда передает одну фонему. В силу такой взаимосвязи письменности и звуковой системы языка фонологическая адаптация заимствований автоматически предполагает графическую, и наоборот. Наиболее значительные преобразования затрагивают фонемный и слоговый уровни заимствований. Подавляющее большинство слов удлинняются за счет дополнительных слогов, которые возникают в результате действия фонотактических ограничений на многие сочетания согласных. Например:

playlist	/ˈpleɪlɪst/	<i>peul-le-i-ri-seu-teu</i>
skate	/skeɪt/	<i>seu-ke-i-teu</i>
stress	/stres/	<i>seu-teu-re-seu</i>
ice cream	/aɪs kri:m/	<i>a-i-seu-keu-rim</i>

Также в корейском языке отсутствуют эквиваленты некоторых английских фонем, поэтому они заменяются на варианты, наиболее близкие по месту образования или по звучанию. К наиболее ярким примерам можно отнести английские согласные /z/, /ʒ/, /ʃ/, /v/, /f/, /θ/, /ð/ и гласные /z:/, /ə/. Приведем примеры:

daisy	/ˈdeɪzi/	<i>de-i-ji</i>
television	/ˈtelɪvɪʒn/	<i>tel-le-bi-jeon</i>
action	/ˈækʃn/	<i>aek-syeon</i>
vitamin	/ˈvɪtəmin/	<i>bi-ta-min</i>
self	/self/	<i>sel-peu</i>
psychopath	/ˈsaɪkəpæθ/	<i>sa-i-ko-pae-seu</i>
together	/təˈgeðə/	<i>tu-ge-deo</i>
circle	/ˈsɜ:kl/	<i>seo-keul</i>
meter	/ˈmi:tə/	<i>mi-teo</i>

Семантические преобразования. В большинстве случаев англицизмы заимствуются в корейский язык без каких-либо изменений в лексическом значении, однако можно обнаружить примеры сужения, расширения или переноса лексического значения [9, р. 32]. Сужение значения обозначает переход от родового значения к видовому, который сопровождается обогащением значения новыми смысловыми элементами [2, с. 45]. Расширение, напротив, – переход от видового значения к родовому, сопряженный с утратой смысловых элементов [2, с. 37]. Например:

meeting	<i>mi-ting</i>	‘свидание вслепую’ (сужение)
chicken	<i>chi-kin</i>	‘жареная курица’ (сужение)
wine	<i>wa-in</i>	‘алкогольный напиток’ (расширение)

Приведем также примеры переноса лексического значения:

cider	<i>sa-i-da</i>	‘газировка’
manicure	<i>mae-ni-kyu-eo</i>	‘лак для ногтей’
stand	<i>seu-taen-deu</i>	‘настольная лампа’
sharp	<i>syu-peu</i>	‘механический карандаш’

В корейском языке также можно обнаружить интересное явление заимствования английских слов, которые, однако, не используются как самостоятельные лексические единицы, а объединяются для передачи нового смысла:

<i>a-i-syo-ping</i>	eye + shopping	‘разглядывание витрин’;
<i>baek-mi-reo</i>	back + mirror	‘зеркало заднего вида’;
<i>haen-deu-pon</i>	hand + phone	‘мобильный телефон’;
<i>hel-seu-keul-leob</i>	health + club	‘тренажерный зал’.

Очень часто составными частями таких объединений являются более простые слова по сравнению с теми, что используются в английском языке, например: *eye shopping* вместо *window shopping* или *back mirror* вместо *rear-view mirror*. Это можно объяснить тем, что такие слова легче для произнесения и доступнее для понимания носителей корейского языка.

Стоит отметить, что не все английские слова в процессе заимствования в корейский язык занимают ту или иную лакуну в лексической системе; некоторые англицизмы имеют те же значения, что и уже существовавшие ранее исконно корейские или сино-корейские слова. В таких случаях семантические изменения происходят не столько в самом заимствованном слове, сколько в семантическом поле, частью которого оно становится. В зависимости от того, какое влияние оказывают англицизмы на семантические поля, в которые входят, их можно разделить на следующие три группы.

Во-первых, англицизмы могут полностью вытеснить синонимичные им исконно корейские или сино-корейские слова: вместо словосочетания *jeon-ja u-peon* ‘электронная почта’ используется английское *i-me-il* ‘email’; слово *sa-jin-cheop* ‘альбом для фотографий’ заменено на *ael-beom* ‘album’ и т. п.

Ко второй группе можно отнести англицизмы, которые используются одновременно с ранее существовавшими словами как синонимы:

<i>chi-ma</i>	<i>seu-keo-teu</i>	‘юбка’
<i>hwa-jang-pum</i>	<i>e-i-keu-eop</i>	‘косметика’

Заимствования в третьей группе также используются синхронно с их исконно корейскими эквивалентами, однако они претерпевают некоторые семантические и стилистические изменения:

1) слова получают разную стилистическую окраску. Сино-корейские слова в большинстве случаев более формальны, традиционны и обозначают более узкие понятия, тогда как их английские аналоги звучат современнее и ассоциируются с более высоким качеством [6, с. 173]: *yeo-gwan* (сино-кор.) обозначает традиционные, менее дорогие гостиницы, *ho-tel* (англ.) обозначает дорогие отели в западном стиле [8, р. 89]. Это объясняется тем, что китайские заимствования существовали в корейском языке еще до создания корейского алфавита, тогда как англицизмы – это относительно новый пласт лексики, который начал активно расширяться с середины XX века;

2) область применения слов ограничивается до определенных сфер. Например, слова *him* (кор.), *hwal-gi* (сино-кор.) и *e-neo-ji* (англ.) ‘энергия’

в равной мере используются для обозначения жизненной энергии, физической силы, однако только английское *e-neo-ji* используется для обозначения энергии как природного ресурса, например, в области экологии;

3) объем значения распределяется между двумя словами, например: *ga-myeon* (сино-кор.) 'театральная маска', *ma-seu-keu* 'медицинская / косметическая маска'; *mok-do-ri* (кор.) – теплый вязаный шарф, *seu-ka-peu* (англ.) – тонкий шелковый шарф или платок.

Модификации значения или приписывание англицизмам нового значения в целом является отличительной чертой корейского языка, однако некоторые исследователи рассматривают семантические изменения такого рода как неправильную интерпретацию оригинального значения. Использование заимствований в таком случае могут связывать с низким уровнем образованности или недостаточным уровнем владения английским языком [6, с. 174]. Обобщающим термином для названия этой группы лексики является *Konglish* (*Korean + English*). Этот термин также используется в целом для обозначения коммуникации носителей корейского языка полностью на английском и имеет негативное значение (обозначает часто неграмотную речь).

Интересен тот факт, что многие носители корейского языка употребляют в своей речи англицизмы, не кодифицированные в словарях, что ни в коем случае нельзя назвать «неправильным» использованием английского языка, так как это делается целенаправленно и осознанно. В таких случаях трудно определить, была ли употребленная языковая единица заимствована или является результатом переключения кодов.

Для внесения ясности разграничим эти два понятия. *Заимствования* можно интерпретировать как лексические единицы, интегрированные в систему принимающего языка, по крайней мере, по одному из аспектов: фонологическому, морфологическому, семантическому или графическому. Они регулярно используются носителями языка-реципиента и понятны монолингвам внутри данного языкового сообщества. В корейском языке заимствованиями можно однозначно назвать давно используемые и широко распространенные лексические единицы: *beo-seu* 'bus', *seu-teu-re-seu* 'stress', *me-si-ji* 'message', *deu-ra-ma* 'drama' и т. д.

В отличие от заимствований, для понимания лексических единиц, употребляемых в рамках *переключения кодов*, необходимо владеть языком-источником. Пограничным понятием в данном случае является *иноязычное вкрапление*: это окказиональные заимствования, не отвечающие требованиям регулярности и распространенности в принимающем языке [1, с. 7–8]. Именно такой тип англицизмов можно часто наблюдать в речи носителей корейского языка, поскольку многие из них владеют английским на высоком уровне. Появление англоязычных вкраплений объясняется несколькими факторами.

1. В корейском языке нет лексической единицы, наиболее подходящей для обозначения предмета или явления, которые часто связаны с современной наукой, техникой и западной культурой. Например: *ring-keu* 'link', *ma-seu-keu* 'mask', *seu-ta-teu-eop* 'start-up'.

2. Использование заимствования более экономно с точки зрения коммуникативных усилий говорящего: оно выражает необходимый смысл более точно и лаконично. Например: *ne-ti-jeun* 'netizen', *raen-deom* 'random', *mo-ning-kol* 'morning call', *si-seu-tem* 'system'.

3. Английские слова передают дополнительные оттенки смысла или звучат более экспрессивно по сравнению с существующими корейскими аналогами. Например: *ge-seu-teu* 'guest', *no-teo-chi* 'no touch', *ttaeng-kyu* 'thank you', *seu-ma-teu* 'smart', *seu-pe-syeol* 'special'.

Так как такие слова не зарегистрированы в словарях, степень их интегрированности в корейский язык определяется типом коммуникации. Если они употребляются в устной речи, то интегрируются в язык, в первую очередь, по фонологическому аспекту; если в письменной речи – то по графическому. Однако, как уже упоминалось ранее, в силу фонематической природы корейской письменности графическая и фонологическая адаптация взаимодополняют друг друга. Например: *beu-reo-deo* 'brother', *bi-ha-in-deu* 'behind', *seu-kil* 'skill', *a-i-tem* 'item', *ko-deu-re-deu* 'code red'.

Подводя итог, можно сказать, что англицизмы в корейском языке обладают собственной спецификой, поскольку многие из них характеризуются семантическими изменениями и стилистической маркированностью. Кроме того, они появляются в речи не только в качестве полноценных заимствований, но и как окказиональные иноязычные вкрапления, что объясняется их высоким объяснительным и экспрессивным потенциалом, а также экономией коммуникативных усилий говорящего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балакина, Ю. В. Теоретические основы переключения кодов и функционирования заимствований с позиции контактной лингвистики / Ю. В. Балакина, А. В. Соснин // Вестник ВГУ. – 2015. – № 2. – С. 5–11.
2. Варбот, Ж. Ж. Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии / Ж. Ж. Варбот, А. Ф. Журавлёв. – М. : Ин-т рус. яз., 1998. – 54 с.
3. Виноградов, В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове : учеб. пособие / В. В. Виноградов. – М. : Высш. шк., 1972. – 614 с.
4. Мазур, Ю. Н. Корейский язык / Ю. Н. Мазур. – М. : Вост. лит., 1960. – 116 с.
5. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр. – М. : Прогресс, 1977. – 273 с.
6. Файзрахманова, Ю. С. Кореизированные английские слова в сопоставлении с конглиш / Ю. С. Файзрахманова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 11 (65). – С. 172–175.
7. Шевчук, Н. М. Просодия фразы в корейской региональной разновидности английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Н. М. Шевчук ; Дальневост. федер. ун-т. – Владивосток, 2011. – 23 с.

8. *Sohn, H. M.* The Korean Language / H. M. Sohn. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2001. – 468 p.

9. *Tyson, R.* English loanwords in Korean: patterns of borrowing and semantic change / R. Tyson // *El Two Talk*. – 1993. – № 1. – P. 29–36.

УДК 811.1'373

Бельская Алина Владимировна

аспирант кафедры речеведения
и теории коммуникации
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Alina Belskaya

PhD Student of the Chair of Speech
Studies and Communication Theory
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
belskay_alina@mail.ru

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗА МИГРАНТОВ НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛО- И РУССКОЯЗЫЧНЫХ СМИ

LEXICAL MEANS OF CREATING AN IMAGE OF MIGRANTS ON THE MATERIAL OF ENGLISH AND RUSSIAN MASS MEDIA

В статье на материале англоязычных и русскоязычных текстов из газет «The New York Times» и «Ведомости» рассматриваются лексические средства создания образа мигрантов. Данные лексические средства разделены на три группы: субстантивные сочетания, синонимичные лексической единице *мигрант*; адъективно-субстантивные сочетания с ядерным элементом *мигрант*; глаголы и наречия с позитивной и негативной семантикой. По результатам анализа был сформирован образ «мигранта» в представленных англоязычных и русскоязычных СМИ.

The article examines the lexical means of creating the image of migrants based on the material of English and Russian texts from “The New York Times” and “Vedomosti”. Based on the results of the analysis, the image of a “migrant” was formed in the presented English-language and Russian-language media.

К л ю ч е в ы е с л о в а: миграция; мигрант; лексические средства; образ мигрантов; СМИ.

К e y w o r d s: migration; migrant; lexical means; image of migrants; mass media.

Миграция – один из острых вопросов современности для многих государств. С одной стороны, это важный ресурс развития, поскольку трудовые мигранты вносят существенный вклад в развитие экономики современных обществ, с другой – миграция сопряжена с различными рисками прежде всего для самих мигрантов, а при определенных условиях может заключать в себе и значительный конфликтный потенциал. Миграция становится одним из способов обеспечения выживаемости человечества, одним из необходимых условий

совместной деятельности индивидов. По мнению российского исследователя В. Н. Титова, взаимодействие между населением принимающей стороны и мигрантами во многом зависит от формируемых ими в отношении друг друга социальных представлений («образов»), характер которых задается в первую очередь настроениями принимающей стороны [1]. В современном обществе СМИ являются индикатором и средством формирования общественного мнения. Российские исследователи (Н. Н. Аблажей, О. Ф. Варганова, Т. Г. Скребцова, В. Н. Титов), занимающиеся изучением миграции, сходятся во мнении, которое мы разделяем, что СМИ (как традиционные (печатные), так и электронные) являются мощным рычагом воздействия на восприятие мигрантов читательской аудиторией.

Данное исследование посвящено изучению лексических средств создания образа мигрантов в российских и американских СМИ. Материалом нашего исследования послужили 186 текстов из американской газеты «The New York Times» и российской газеты «Ведомости» за 2020 год. Критерием отбора было наличие слова *мигрант* в тексте. Выделенные лексические средства представляется целесообразным разделить на три группы:

- 1) субстантивные сочетания, синонимичные лексической единице *мигрант*;
- 2) адъективно-субстантивные сочетания с ядерным элементом *мигрант*;
- 3) глаголы и наречия с позитивной и негативной семантикой.

Одним из основных лексических средств создания образа мигранта являются субстантивные сочетания, синонимичные лексической единице *мигрант*. Синонимические выражения, которые составляют синонимические ряды, играют определенную роль при формировании образа мигрантов и помогают наиболее экспрессивно описать ситуацию, в которой оказываются принимающие страны.

На первом этапе исследования мы проанализировали тексты на английском языке. Анализ 93 текстов из газеты «The New York Times» позволил обнаружить, что слово *migrant* ‘мигрант’ было использовано 706 раз (50,3 %), *immigrant* ‘иммигрант’ – 283 раза (20,2 %), *refugee* ‘беженец’ – 248 раз (17,7 %), *asylum seeker* ‘беженец’ – 95 раз (6,8 %), *alien* ‘иностранец’ – 21 раз (1,5 %), *homeless* ‘бездомный’ – 19 раз (1,4 %), *foreigner* ‘иностранец’ – 13 раз (0,9 %), *noncitizen* ‘не гражданин’ – 6 раз (0,4 %), *newcomer* ‘новоприбывший’ – 5 раз (0,3 %), *settler* ‘поселенец’ – 4 раза (0,2 %), *travelers* ‘путешественники’ – 3 раза (0,2 %), *deportee* ‘депортированный’ – 1 раз (0,1 %). Данные выражения можно разделить на две группы: выражения с нейтральной оценкой и выражения с негативной оценкой. Анализ вышеуказанных лексических единиц показал, что выражения с нейтральной оценкой оказались преобладающими.

Например, “For the purpose of the reapportionment of representatives following the 2020 census,” the memo said, “it is the policy of the United States to exclude from the apportionment base **aliens** who are not in a lawful immigration status”. ‘В целях перераспределения представителей после переписи

2020 года, – говорится в записке, – политика Соединенных Штатов заключается в исключении из базы распределения иностранцев, не имеющих законного иммиграционного статуса’ (TNYP, 30.11.2020).

*That means that an illegal **alien** should not get a free pass just because he or she crosses the border illegally with a child.* ‘Это означает, что иностранец-не-легал не должен получать бесплатный пропуск только потому, что он или она незаконно пересекает границу с ребенком’ (TNYP, 30.09.2020).

На втором этапе мы проанализировали тексты на русском языке. Анализ корпуса текстов позволил обнаружить, что слово *мигрант* было использовано 462 раза (74,5 %), *рабочая сила* – 37 раз (5,9 %), *иностранцы работники/работчие* – 22 раза (3,5 %), *гастарбайтер* – 21 раз (3,3 %), *беженец* – 20 раз (3,2 %), *иностранец* – 18 раз (2,9 %), *приезжий* – 16 раз (2,6 %), *иностранцы граждане* – 14 раз (2,5 %), *трудоустроенный* – 4 раза (0,6 %), *выходец* – 3 раза (0,5 %), *переселенец* – 2 раза (0,3 %), *труженик* – 1 раз (0,2 %). Данные лексические единицы можно разделить на две группы: слова и словосочетания с нейтральной оценкой и слова и словосочетания с негативной оценкой. Анализ вышеуказанных лексических единиц показал, что выражения с нейтральной оценкой оказались преобладающими.

Например, *Позднее депутат Национального собрания Франции Эрик Чиотти заявил, что преступник – 21-летний **выходец** из Туниса* (Ведомости, 30.10.2020).

*Когда не будет возможности нанять за рубль **гастарбайтера**, вот тогда и начнут нанимать за два рубля россиянина* (Ведомости, 30.11.2020).

Еще одним средством формирования представления о мигрантах являются адъективно-субстантивные сочетания с ядерным элементом *мигрант*. В корпус исследования на английском языке вошли 148 прилагательных, которые были использованы перед словом *мигрант*. Самым широко используемым прилагательным оказалось *undocumented* ‘недокументированные/без документов’, оно было использовано 83 раза (56 %). Прилагательное *unauthorized* ‘несанкционированный’ оказалось на втором месте, оно было употреблено 43 раза (29 %). Прилагательное *climate* ‘климатические’ встретилось 5 раз, *rescued* ‘спасенные’ – 3 раза, *illegal* ‘нелегальные’ и *young* ‘юные’ – по 2 раза. Прилагательные *low-wage* ‘низкооплачиваемый’, *infected* ‘инфицированные’, *adventurous* ‘авантюрный’, *self-sufficient* ‘самостоятельный’, *legal* ‘легальные’, *incoming* ‘прибывающие’, *vulnerable* ‘ранимые’, *panicked* ‘паникующие’, *internal* ‘внутренние’ были употреблены по 1 разу. Исходя из результатов исследования можно сделать вывод, что для Америки самой большой проблемой оказались мигранты без документов, которые прибыли в страну незаконно.

Данные прилагательные также можно разделить на позитивные, нейтральные и негативные. К негативной группе можно отнести большинство представленных прилагательных: *undocumented*, *unauthorized*, *illegal*, *low-wage*, *infected*. Таким образом, можно отметить, что с помощью данных прилагательных СМИ формирует негативное отношение у читателей.

Например, *Undocumented migrants were “putting American lives at risk,” he added, although the United States leads the world in the number of deaths from the coronavirus* ‘Мигранты без документов «подвергают опасности жизнь американцев», – добавил он, хотя Соединенные Штаты лидируют в мире по количеству смертей от коронавируса’ (TNYT, 06.08.2020).

The Turkish Coast Guard reported intercepting more than 9,000 illegal migrants at sea in the first three months of this year ‘Береговая охрана Турции сообщила о перехвате более 9000 нелегальных мигрантов в море за первые три месяца этого года’ (TNYT, 20.07.2020).

В корпус исследования на русском языке вошли 110 прилагательных, которые стояли перед словом *мигрант*. Анализ лексических единиц позволяет утверждать, что мигранты играют важную роль в трудовой сфере жизни, так как словосочетание *трудовой мигрант* (75 раз – 68,2 %) встречалось чаще всего. Прилагательное *иностранный* было использовано 11 раз (10 %), *долгосрочный* – 5 раз (4,6 %). Прилагательное *внутренний* встретилось 4 раза (3,7 %), *оседлый* – 3 раза (2,7 %), *временный* – 2 раза (1,8 %). Прилагательные *региональный* и *международный* встретились только по 1 разу (0,9 %). Прилагательные с негативной коннотацией в корпусе текстов встречались не так часто, как нейтральная лексика: *незаконный* – 3 раза (2,7 %), *нелегальный* – 2 раза (1,8 %), *неблагонадежный* – 1 раз (0,9 %), *низкоквалифицированный* – 1 раз (0,9 %), *неквалифицированный* – 1 раз (0,9 %).

Например, *12,9 млн мигрантов находилось в России до пандемии коронавируса, подсчитали «Ведомости» на основе данных из открытых источников. Из них 8,7 млн – трудовые мигранты (остальные – члены их семей и приехавшие с другими целями)* (Ведомости, 30.11.2020).

«Преступная группа представляла организованную структуру с разграничением ролей, которой с 2015 г. удалось “легализовать” более 10 тыс. **незаконных** мигрантов», – сообщили в ведомстве (Ведомости, 03.11.2020).

Глаголы и наречия с позитивной и негативной семантикой также являются важным средством создания образа мигрантов.

В корпусе текстов на английском языке было выделено 503 глагола и 117 наречий, которые были употреблены со словом *migrant*. Основными глаголами оказались нейтральные глаголы движения (49 %) – *move* ‘двигаться’, *return* ‘возвращаться’, *head* ‘направляться’, *cross* ‘пересекать’, *arrive* ‘приезжать’, *transport* ‘перемещать’, *leave* ‘покидать’, и глаголы, связанные с деятельностью мигрантов и имеющие негативную коннотацию (27 %) – *exploit* ‘эксплуатировать’, *deport* ‘депортировать’, *expel* ‘исключать’. Самым широко используемым наречием оказалось негативное наречие *illegally* ‘нелегально’ (81 %), которое было употреблено с глаголами движения, такими как *cross the borders* ‘пересекать границы’, *arrive* ‘приезжать’, *leave* ‘покидать’.

Например, *When migrants were eventually **deported** to their home countries, some took the coronavirus with them* ‘Когда мигрантов в конечном итоге депортировали в свои страны, некоторые забрали с собой коронавируса’ (TNYT, 08.12.2020).

*Many say they have been inspired to try to migrate now because of a new Trump administration policy that **returns** them to Mexico quickly, often within hours of being **captured**, but has the unintended effect of giving them more chances to **cross** the border illegally* 'Многие говорят, что они были вдохновлены на попытку миграции сейчас из-за новой политики администрации Трампа, которая быстро возвращает их в Мексику, часто в течение нескольких часов после захвата, но имеет непреднамеренный эффект, давая им больше шансов незаконно пересечь границу' (TNUT, 06.08.2020).

В корпусе исследования на русском языке было выделено 308 глаголов и 35 наречий, которые были употреблены со словом *мигрант*. Основными глаголами оказались нейтральные глаголы движения (36 %) – *уехать*, *покинуть*, *прилететь*, *приехать*, и глаголы, связанные с деятельностью мигрантов и имеющие негативную коннотацию (33 %) – *эксплуатировать*, *обманывать*, *экономить на*, *участвовать в конфликтах*. Самым широко используемым наречием оказалось негативное наречие *нелегально* (72 %), которое было использовано в сочетании с глаголом *работать*.

Например, *Бизнес привык **экономить** на труде мигрантов, **недоплачивая** 50 % заработка по сравнению с жителями России* (Ведомости, 30.11.2020).

«Примерно 15 млн мигрантов, которые официально находятся на территории России, **работают нелегально**», – говорит эксперт (Ведомости, 08.12.2020).

Таким образом, на основе проанализированного материала мы можем сделать вывод, что образ мигранта в англоязычных и русскоязычных СМИ отличается. Образ мигранта в газете «The New York Times» – это нелегальный иммигрант, который приехал в страну без документов. Среди рассматриваемых лексических единиц преобладают нейтральные существительные и глаголы движения, негативные адъективно-субстантивные сочетания и наречия, с помощью которых выстраивается образ мигранта. Представление мигранта, которое создается на основе проанализированного материала на русском языке, – это «работник», приехавший Россию на заработки. Среди рассматриваемых лексических единиц преобладают нейтральные существительные, адъективно-субстантивные словосочетания, глаголы и наречия, с помощью которых выстраивается образ мигранта. Лексические единицы, характеризующие мигрантов негативно, связаны либо с их нелегальными действиями, либо с тем, что мигранты являются неквалифицированными работниками.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Титов, В. Н.* О формировании образа этнического иммигранта [Электронный ресурс] / В. Н. Титов. – Режим доступа: <https://ecsocman.hse.ru/data/443/832/1219/005.TITOV.pdf>. – Дата доступа: 25.09.2021.

КОНТРАСТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

CONTRASTIVE RESEARCH AND APPLIED LINGUISTICS

УДК 81'37'42

Иванова-Мицевич Ирина Валерьевна

кандидат филологических наук, доцент,
Академия противопожарной
безопасности
Польша, Варшава

Irina Ivanova-Mitsevich

PhD in Philology, Associate Professor
Main School of Fire Service
Poland, Warsaw
imicewicz@sgsp.edu.pl

Чучкевич Ирина Валентиновна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры фонетики
и грамматики английского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Irina Chuchkevich

PhD in Philology,
Associate Professor of the Chair
of English Phonetics and Grammar
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
irina.chuchkevich@gmail.com

СЕМАНТИЧЕСКАЯ КОНФИГУРАЦИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ КАК СПОСОБ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СОДЕРЖАТЕЛЬНОГО АСПЕКТА ТЕКСТА

SEMANTIC CONFIGURATION OF THE SENTENCE AS A WAY OF REPRESENTING THE TEXT CONTENT

Цель данной статьи состоит в описании характеристик предложения, являющихся релевантными для построения структурно-семантической основы текста. В ходе комплексного анализа текстов газетных статей установлено, что единство семантических и структурных характеристик текста обеспечивается посредством взаимодействия двух компонентов семантической конфигурации каждого текстового предложения – фокуса интереса и центра эмпатии. Фокус интереса целесообразно рассматривать как связующее звено между денокативными областями, реализуемыми в тексте, в то время как центр эмпатии определяет специфику этой связи.

The purpose of this article is to describe the characteristics of the sentence, which are relevant for the formation of the structural and semantic basis of the text. In the course of a complex analysis of newspaper articles, it was discovered that the unity of the semantic and structural characteristics

of the text is ensured through the interaction of two components of the semantic configuration of each text sentence – the focus of interest and the empathy center. The focus of interest is seen as a link between denotative fields realized in the text, while the empathy center determines the peculiarities of this connection.

К л ю ч е в ы е с л о в а: предложение; текст; семантическая конфигурация; центр эмпатии; фокус интереса; доминантный денотат; фоновый денотат.

K e y w o r d s: sentence; text; semantic configuration; focus of interest; empathy centre; dominant denotation; background denotation.

Текст является единицей коммуникации, и каждый раз определение того или иного фрагмента коммуникации как достаточного для реализации цели сообщения может строиться на разных признаках текста. Порождение текста в реальных коммуникативных процессах происходит путем развертывания его понятийного ядра. Осознание этого факта привело к тому, что языкознание обогатилось рядом оригинальных теорий порождения текста, опирающихся на его семантику, на его глубинный структурный каркас.

Являясь, с одной стороны, номинацией определенных ситуаций действительности, текст репрезентирует ход, порядок высказывания, предметы или ситуации действительности и отражает отношения, возникающие между ними. С другой стороны, текст выступает как результат языковой деятельности человека, направленной на коммуникацию, как реализация авторского замысла. Поэтому целесообразно рассматривать содержательный аспект текста в семантико-коммуникативных категориях.

В настоящее время многие исследования, посвященные изучению содержательного аспекта текста, опираются на понятие ситуации, т.е. на денотативную структуру предложения, и представляют семантическую основу текста как определенным образом упорядоченное множество денотативных структур предложений. Под *денотативной структурой предложения* в данном исследовании понимается ментальная структура, актуализирующаяся в речи посредством лишь коммуникативно обусловленных элементов и коммуникативно обусловленной части отношений отражаемой денотативной области. Однако денотативную структуру текста нельзя отождествлять с совокупностью денотативных структур текстовых предложений. Необходимо учитывать взаимодействие и способ репрезентации отраженных моделей объективной действительности, обусловленный данным взаимодействием. На наш взгляд, *денотативная структура текста* представляет собой ментальную структуру, отображающую множество фрагментов объективной действительности, взаимодействие и вариативность отражения которых определяется интенцией автора.

То есть огромный поток информации, поступающий из внешнего мира, преломляется особым образом в сознании человека и актуализируется лишь определенная часть данной информации в зависимости от наших потребностей, коммуникативных намерений. Упорядочивая информацию в нашем сознании, мы отбираем лишь релевантные для данных коммуникативных условий свойства

некоторого фрагмента действительности, отвлекаясь от несущественных, т.е. по сути мы занимаемся моделированием – моделированием некоторой области знаний или, говоря языком лингвистической науки, моделированием определенной денотативной области [1]. Вместе с тем недостаточно иметь представление только о существенных для данных условий коммуникации свойствах и отношениях элементов объективной действительности. Помимо этого, необходимо структурировать элементы определенной области знаний таким образом, чтобы данная структура была понятна нашему партнеру по коммуникации. К таким структурам мы относим логические структуры, образуемые предикатом и открываемыми им аргументными позициями [2; 3], и известными как *сигнификативные структуры*. Сигнификативная система является результатом взаимодействия категориальных признаков (динамика\статика, направленность\ненаправленность) [4; 5].

Так, например, предложение *But a source told The Sun: “He realises she’s the one for him.”* ‘Но источник сообщил газете The Sun: «Он осознал, что она одна единственная для него»’ (The Daily Telegraph, 18.09.2014) отражает ситуацию вербального информирования, в которой *a source* ‘источник’ – является Субъектом ситуации (S), *He realises she’s the one for him* ‘Он осознал, что она одна единственная для него’ – Объектом ситуации (O), а компонент *The Sun* ‘газета The Sun’ – Адресатом (Adr), *told* ‘сообщил’ выражает отношения (R) между участниками ситуации. В зависимости от специфики отражаемого варианта денотативной области, а также от способа представления говорящим данного варианта, мы выбираем определенную комбинацию заданных сигнификатом признаков. Следовательно, каждое предложение, отражающее определенный ракурс представления денотативной области и актуализирующее определенную ситуацию в рамках данной денотативной области, имеет свою собственную комбинацию категориальных признаков, т.е. *пропозицию* [5; 6]. Так, на пропозициональном уровне упомянутое выше предложение *But a source told The Sun: “He realises she’s the one for him.”* ‘Но источник сообщил газете The Sun: «Он осознал, что она одна единственная для него»’ представлено направленной динамической пропозицией, где элемент *a source* ‘источник’ является Агентивом (Ag), *He realises she’s the one for him* ‘Он осознал, что она одна единственная для него’ – Пациентивом (Pat), компонент *The Sun* ‘газета The Sun’ представлен Бенефактивом (Ben), а *told* ‘сообщил’ является предикатом (Pr).

В результате, определенным ситуативным ролям присваиваются определенные аргументные функции, т.е. определенная аргументная позиция заполняется уместным именно для данной позиции участником ситуации, и, наоборот, определенный денотативный компонент может выполнять возможную именно для него аргументную функцию. Такая аккумуляция релевантных компонентов ситуативных и пропозициональных структур именуется *семантической конфигурацией*, а сами компоненты, вобравшие в себя характеристики этих двух структур, называются *семантическими функциями* [4; 6]. Так, семантическая конфигурация предложения *But a source told The Sun: “He realises she’s the one for him.”*

имеет следующий вид: S/Ag – R/Pr – Adr/Ben – O/Pat, где S/Ag – семантическая функция Субъект-Агентив, R/Pr – глагол-предикат, Adr/Ben – семантическая функция Адресат-Бенефактив, O/Pat – семантическая функция Объект-Пациентив. Таким образом, главное предназначение семантической конфигурации – показать, что и в каком виде будет актуализировано в речи. При этом важно определить не только то, как тот или иной фрагмент объективной действительности представлен в речи, но и какие компоненты являются наиболее коммуникативно «нагруженными» и отражают авторскую интенцию. В семантической структуре предложения коммуникативная задача, т.е. интенция автора, манифестируется посредством двух компонентов семантической конфигурации – центра эмпатии и фокуса интереса.

Под *фокусом интереса* говорящего понимается выбор говорящим наиболее существенного с его точки зрения компонента отражаемой денотативной области и постановка данного компонента во вторую аргументную позицию в сигнификативной структуре предложения, так как именно второе место в пропозиции допускает максимальную свободу заполнения, т.е. практически не существует ограничений на реализацию участников ситуации в данной позиции [6, с. 128]. Например: *Paul Nixon carried **me** off the pitch on his shoulders* ‘Пол Никсон унес **меня** с поля на своих плечах’ (The Daily Telegraph, 15.09.2014); *Pistorius was sentenced **on Tuesday** to a “maximum of five years” for killing his girlfriend, Reeve Steenkamp* ‘Писториус был осужден **во вторник** максимум на пять лет за убийство своей подруги Ривы Стинкамп’ (The Daily Telegraph, 18.09.2014).

В лингвистике под *эмпатией* понимается «изложение чего-либо с некоторой точки зрения, приобретение участником, обозначаемым в ситуации, некоторых свойств говорящего». Центр эмпатии – это компонент ситуации, с которым идентифицирует себя говорящий в каждом конкретном предложении и занимает в сигнификативной структуре предложения первую позицию [6, с. 126]. Например: *Silverton works as a freelance* ‘**Сильвертон** работает в качестве фрилансера’; *Charles and Camilla were left peering at three miniature artworks presented by President Enrique Pena Nieto to mark their visit to the Latin American country* ‘**Чарльза и Камиллу** оставили разглядывать три миниатюрные произведения искусства, подаренные Президентом Энрике Пенья Ньето в знак их визита в латиноамериканскую страну’. Т.е. фокус интереса предопределяет выбор компонента денотативной структуры для заполнения первой аргументной позиции, а это значит первой левосторонней позиции по отношению к глаголу-предикату в поверхностной структуре предложения. В качестве подтверждения данного факта приведем некоторые примеры. Так, в денотативной области вербального информирования размещение фокуса интереса на участнике ситуации, обозначающем Адресат, предопределяет инвариативное заполнение позиции центра эмпатии Субъектом: *One of the Warwickshire players (E)¹ said to Hoggard (F)²*

¹ E – центр эмпатии.

² F – фокус интереса говорящего.

that he was probably better off staying on the sidelines ‘Один из Уоркширских игроков (E) сказал Хоггарду (F), что ему, вероятно, было бы лучше остаться в стороне’; *Andrew Strauss (E) told me (F) how well I’d bowled* ‘Эндрю Штраус (E) сказал мне (F), что я хорошо подавал мяч’. Фокусировка же на участнике ситуации, обозначающем саму Информацию, дает нам возможность поставить в позицию центра эмпатии не только Субъект, но и других участников ситуации – Источник информации, Объем информации или Инструмент: *Nurseries and childminders forced to choose between increasing bills or going out of business amid 20pc shortfall in funding (F), report (E) concludes* ‘(буквально) Доклад (E) делает вывод о том, что детские сады и няни вынуждены выбирать между увеличением счета или выходом из бизнеса при двадцатипроцентном недостатке финансирования (F)’; *The Sun (E) reported she then spent Harry’s 30th birthday with him at Kensington Palace (F)*... ‘Газета the Sun (E) сообщила, что она отпраздновала тридцатилетие Гарри с ним в Кенсингтонском дворце (F)’. Отсюда следует, что различные варианты выбора фокуса интереса и центра эмпатии предопределяют вариативное отражение денотативной области в формальной структуре предложения и, следовательно, обеспечивают встраивание каждого конкретного предложения в текст [6].

В ходе комплексного анализа текстов газетных статей было установлено, что один и тот же денотат, отражающий в текстовом пространстве как в позиции центра эмпатии, так и в позиции фокуса интереса, определяет взаимосвязь и последовательность отражения денотативных областей в денотативной структуре текста. Особенности расположения таких денотатов в денотативной структуре текста можно объяснить тем, что в позицию фокуса интереса автор помещает участника, которого считает наиболее значимым в рассматриваемой ситуации, т.е. это тот предмет или человек, о котором будет идти речь – тема сообщения. Позицию же центра эмпатии занимает компонент ситуации, с которым идентифицирует себя говорящий в каждом конкретном предложении текста [7]. То есть здесь можно говорить о центре эмпатии в тексте как о некотором угле зрения, ракурсе, фоне, на котором излагается тема нашего сообщения. Денотаты, появляющиеся в тексте как в позиции фокуса интереса, так и в позиции центра эмпатии, определяются нами как *доминантные*, потому что они являются предметом, о котором мы намереваемся рассказать. Чаще всего такой денотат впервые реализуется в тексте в позиции фокуса интереса, а затем в рамках определенного отрезка текста отражается в позиции центра эмпатии. Это объясняется тем, что сначала данный предмет лишь называется, сообщается то, о чем пойдет речь и поэтому он помещается в позицию фокуса интереса. А затем сообщается дополнительная информация, связанная с этим предметом, и поэтому настоящий предмет в следующем предложении уже будет служить лишь фоном и перемещается в позицию центра эмпатии. Однако здесь остается еще один нерешенный вопрос. Как приспособляются к денотативной структуре текста предложения, отражающие денотат только в позиции центра эмпатии?

При этом случаев попадания данного денотата в позицию фокуса интереса в тексте не наблюдается. Как уже упоминалось ранее, элементы, находящиеся в позиции центра эмпатии, представляют собой фон, некоторую информацию о предмете сообщения. Предложения с такими денотатами не столь существенны для понимания основного содержания текста, поскольку не являются его тематическим ядром. Такие предложения передают лишь второстепенную для содержания текста информацию. Поэтому, представляется логичным назвать такие денотаты *фоновыми*.

Таким образом, специфика единства семантических и структурных характеристик текста обусловлена интенцией автора и обеспечивается посредством взаимодействия двух компонентов семантической конфигурации каждого текстового предложения – фокуса интереса и центра эмпатии. Денотат, реализующийся как в позиции центра эмпатии, так и зафиксированный в позиции фокуса интереса по мере развертывания повествования, рассматривается как связующее звено между денотативными областями в семантической структуре текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вартофский, М. Модели. Репрезентация и научное понимание : пер. с англ. / М. Вартофский ; общ. ред. и послесл. И. Б. Новика, В. Н. Садовского. – М. : Прогресс, 1988. – 506 с.
2. Есперсен, О. Философия грамматики = The philosophy of grammar / О. Есперсен. – 3-е изд. – М. : URSS : КомКнига, 2006. – 404 с.
3. Степанов, Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения: семиологическая грамматика / Ю. С. Степанов ; под ред. Ю. Н. Караулова. – 3-е изд., стер. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 359 с.
4. Иванова-Мицевич, И. В. Структура и взаимодействие смысла и значения английского предложения [Электронный ресурс] / И. В. Иванова-Мицевич // Мир лингвистики и коммуникации. – 2011. – № 23. – С. 42–52. – Режим доступа: http://tverlingua.ru/archive/023/5_23.pdf. – Дата доступа: 22.11.2013.
5. Outline of the compositional syntax / D. Bogushevich [et al.] // Philosophy of linguistics : proc. of the 16th Intern. Congr. of linguists, Oxford, 20-25 July 1997 / ed. B. Caron. – Oxford, 1998. – P. 1–21.
6. Иванова-Мицевич, И. В. Факторы структурирования семантики предложения / И. В. Иванова-Мицевич // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Сер. Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. – 2009. – № 1. – С. 124–132.
7. Kuno, S. Subject, theme, and the speaker's empathy – a reexamination of relativization phenomena / S. Kuno // Subject and topic / ed. C. N. Li. – New York, 1976. – P. 417–444.

УДК 811.112.2'322.4

Детскина Раиса Владимировна

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры информатики
и прикладной лингвистики
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Raisa Detskina

PhD in Philology, Associate Professor
Associate Professor of the Chair
of Informatics and Applied Linguistics
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
raisadetskina@gmail.com

СТРУКТУРНО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ
ПРИ МАШИННОМ НЕМЕЦКО-РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

STRUCTURAL AND SYNTACTIC TRANSFORMATIONS
IN THE AUTOMATIC GERMAN-RUSSIAN TRANSLATION
OF SCIENTIFIC TECHNICAL TEXTS

В данной статье рассматриваются структурно-синтаксические преобразования при автоматическом немецко-русском переводе научно-технических текстов. В процессе анализа были выделены структурные типы моделей немецких заголовков рефератов к патентам и модели их перевода на русский язык. Даны примеры, иллюстрирующие полученные в ходе анализа результаты.

The article considers structural and syntactic transformations of scientific technical texts in the process of automatic German-Russian translation. Structural model types of German headings to abstracts of patents have been presented; ways of translating them into Russian have been defined in the research. The obtained results are proved by examples.

К л ю ч е в ы е с л о в а: структурно-синтаксические преобразования; машинный перевод; научно-технический текст; немецко-русский перевод.

Key words: structural and syntactic transformations; automatic translation; scientific technical text; German-Russian translation.

Материалом для анализа в данной работе послужили 50 немецких заголовков рефератов к патентам по тематикам «Моделирование голоса, использование техники моделирования голоса при распознавании речи», «Синтезирование речи, способы», «Распознавание личности говорящего по речи».

В исследуемых заголовках имя существительное образует ряд синтаксических моделей в результате пре- и постпозитивного распространения именного ядра заголовка. Мы именуем их базовыми моделями. *Базовые синтаксические модели* – это n-компонентные словосочетания, включающие только полные слова. Формальными разделителями базовых моделей служат, главным образом, предлоги, союзы, знаки пунктуации, а также отдельные словоформы.

При выделении структурных типов моделей целесообразно исходить из степени спаянности и характера синтаксических отношений между составляющими компонентами модели, число которых равно двум. Следовательно, характерной чертой соединения слов в заголовке является то, что они создают бинарную структуру. Кроме моделей, включающих одиночное ядерное существительное или несколько существительных, соединенных союзами *und* или *oder*, любая базовая синтаксическая модель состоит из главного (определяемого) и одного или нескольких зависимых элементов (определяющего). Например, *Virtuelles Testbett* ‘способ опроса сети’ (DE 10035523 A1)¹.

Даже если базовая синтаксическая модель содержит три и более члена, например, *Automatische Signalpegelanpassung für Spracherkennungssysteme* ‘способ автоматической настройки уровня сигнала для систем распознавания речи’ (DE 10209323 C1), в силу линейного характера заголовков все члены таких конструкций образуют группирующиеся компоненты, что позволяет выделить несколько структурных типов, хотя общая структура остается бинарной. При этом вполне закономерно, что словоформы, зависящие от ядерной словоформы (существительного), могут, в свою очередь, иметь при себе подчиненные словоформы второго ранга, а последние, соответственно – словоформы третьего ранга и т. д. Например, *System und Verfahren zur parallelen Darbietung von mehreren Audioinformationsquellen* ‘система и способ параллельной передачи аудиоинформации’ (DE 10123823 A1). В приведенном примере словоформы *System* ‘система’, *Verfahren* ‘способ’ имеют подчиненную словоформу *Darbietung* ‘передача’, которая в свою очередь имеет свою подчиненную словоформу *Audioinformationsquelle* ‘аудиоинформация’ (подчинение второго ранга).

Элементы языка обладают определенными синтагматическими сочетательными возможностями. И эти особенности различны у элементов, входящих в рассматриваемые нами базовые синтаксические модели. Здесь имеются в виду, с одной стороны, существительные, а с другой – прилагательные, причастия, местоимения и числительные. Они и определяют образования или невозможность образования определенных группировок элементов.

В анализируемых заголовках рефератов к патентам простейшей структурой является **S** (существительное). Например, *Sprachfenster* ‘способ вывода речевой информации’ (DE 10143292 A1), *Sprachdialogsystem* ‘система речевого диалога’ (DE10043531 A1).

К тому же в исследованных заголовках имеется ряд случаев, где ядерное существительное имеет левые и правые распространители и их комбинации. В зависимости от синтаксического типа распространителей и их позиции по отношению к ядру, выделен ряд структурных вариантов ядерной модели **S** (примеры таких моделей представлены в табл. 1).

¹ Здесь и далее по тексту в скобках указаны выходные данные рефератов к патентам: код страны, номер документа, вид документа.

При анализе были выделены и двухкомпонентные базовые синтаксические модели. Им, в первую очередь, свойственна бинарность отношений между их компонентами. В данной модели левый одиночный распространитель может быть выражен прилагательным, причастием или местоимением (модель **A + S**). Например, *Virtuelles Testbett* ‘способ опроса сети’ (DE 10035523 A1). Хотя данная модель и не является частотной в проанализированных заголовках (13,7 %), все же ее количественный показатель выше по сравнению с другими двухкомпонентными структурами. Причем в большинстве случаев эта модель не является одиночной при номинации патента. В одном и том же заголовке могут встречаться и другие модели. Например, *Automatische Erkennung von Unternehmensnamen in sprachlichen Äußerungen* ‘способ автоматического распознавания названий компаний в фразах речи’ (DE 10038517 A1).

Правый одиночный распространитель для двухкомпонентных базовых моделей может быть выражен в том числе существительным (модель **S₁ + S₂**). Например, *Verfahren zum Betrieb eines Sprach-Dialogsystems* ‘способ работы речевой диалоговой системы’ (DE 10156945 A1). Их процентное представление в массиве заголовков также невелико (5,8 %).

Трехкомпонентные базовые синтаксические модели образуются, главным образом, в результате распространения определения, выраженного прилагательным, причастием или местоимением. Они выступают в качестве левого распространителя для ядерного существительного. Однако в представленных заголовках распространение определения, выраженного местоимением, встретилось лишь один раз, что является нетипичным для языка немецкой научной литературы в целом. А именно: *Zuordnen von Phonemen zu den sie erzeugenden Graphemen* ‘способ соотнесения фонем с формируемыми графемами’ (DE 10042943 A1). В данном примере выраженное причастием I прилагательное и местоимение, к нему относящееся, образуют причастный оборот. Тем самым между артиклем и существительным формируется рамка.

Четырех-, пяти-, шестикомпонентные модели образуются путем распространения выделенных трехкомпонентных моделей. В проанализированных заголовках представлена лишь одна четырехкомпонентная синтаксическая модель, которая составляет незначительную часть рассмотренного массива (1,5 %). Например, *Intelligente Korrektur diktiert Sprache* ‘способ и система для автоматической корректировки диктуемой речи’ (DE 10040214 A1).

Как показал анализ, заголовки рефератов к патентам чаще всего представляют собой комбинации нескольких моделей. Например, **(S zur S von S in S)** *System zur Umsetzung von Textdaten in eine Sprachausgabe* ‘система для преобразования текста в речь’ (DE 10160673 A1).

Следует подчеркнуть, что в большинстве из исследуемых заголовков рефератов к патентам представлена структурная модель **S**. Заголовки носят номинативный характер, что является характерным для научного стиля. Усложнение немецких заголовочных конструкций происходит за счет однород-

ных членов, вводимых союзами, а также вследствие того, что в большинстве случаев заголовки немецких рефератов к патентам представляют собой комбинацию нескольких базовых синтаксических моделей.

В табл. 1 представлены выделенные базовые модели, их примеры и частота употребления в исследуемом массиве. При этом статистические данные учитывают встречаемость моделей в случае их комбинаций в одном и том же заголовке.

Т а б л и ц а 1

Базовые синтаксические модели
проанализированных немецких заголовков рефератов к патентам

№	Структурная модель	Примеры	Частота употребления, %
1	S	<u>Stimmenkonverter</u> 'устройство для преобразования речи'	73,9
2	S ₁ + S ₂	Verfahren zum <u>Betrieb eines Sprach-Dialogsystems</u> 'способ для работы речевой диалоговой системы'	5,8
3	A + S	Vorrichtung und Verfahren zum <u>graphischen Darstellen</u> und zum Übertragen von Informationen 'способ и устройство для графического представления и передачи информации'	13,7
4	Pron + S	System und Verfahren zur parallelen Darbietung von <u>mehreren Audioinformationsquellen</u> 'система и способ параллельной передачи объемной аудиоинформации'	0,72
5	S ₁ + A + S ₂	<u>Spracheingabe gesteuertes Steuergeräts</u> 'устройство управляемого речевого прибора'	2,2
6	S ₁ + (und-) + S ₂	<u>Lautverarbeitungsvorrichtung und -verfahren</u> 'способ и устройство для обработки звука'	0,72
7	Pron + A + S	Zuordnen von Phonemen zu den <u>sie erzeugenden Graphemen</u> 'способ соотнесения фонем с формируемыми их графемами'	0,72
8	S ₁ + S ₂ (und) + S ₃	Verfahren zur <u>Steuerung einer Spracheingabe und -ausgabe</u> 'способ для управления вводом речи и выводом'	0,72
9	A ₁ + S ₁ + A ₂ + S ₂	<u>Intelligente Korrektur diktierter Sprache</u> Erkennung einer in <u>buchstabierter Form vorliegenden Sprachäußerungseingabe</u> 'распознавание в буквенной форме представленных фраз речи'	1,52

Следующим этапом данной работы является установление типологии базовых синтаксических моделей немецких заголовков и их русских соответствий как основы алгоритма машинного перевода.

Для разработки алгоритма немецко-русского перевода заголовков были выявлены структурные соответствия немецких заголовков, образующих базовые модели, в русском языке. Сравнительный анализ структур заголовков показал, что для большинства базовых моделей немецких заголовков существует однозначное соответствие их структур в русском языке (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Структурные соответствия
немецких синтаксических моделей в русском языке

№	Немецкие базовые синтаксические модели и их примеры	Структурные типы русских переводов и их примеры	Употребительность выделенных моделей в исследуемом массиве заголовков, %
1	S <i>Stimmenkonverter</i>	s <u>Устройство для преобразования речи</u>	73,9
2	S₁ + S₂ <i>Verfahren zum Betrieb eines Sprach-Dialogsystems</i>	s ₁ + s ₂ (р.п.) <u>Способ для работы речевой диалоговой систем</u>	5,8
3	A + S <i>Automatische Signalpegelanpassung für Spracherkennungssysteme</i>	1. a + s <u>Автоматический способ настройки сигнала для систем распознавания речи</u>	13,7
4	Pron + S <i>System und Verfahren zur parallelen Darbietung von mehreren Audioinformationsquellen</i>	a + s <u>Система и способ параллельной передачи объемной аудиоинформации</u>	0,72
5	S₁ + (und-) + S₂ <i>Lautverarbeitungsvorrichtung und -verfahren</i>	s ₂ + (и) + s ₁ <u>Способ и устройство для обработки звука</u>	0,72
6	S₁ + A + S₂ <i>Spracheingabe gesteuertes Steuergeräts</i> <i>Verfahren und Vorrichtung zum Erkennen einer phonetischen Lautfolge oder Zeichenfolge</i>	1. s ₁ + a (р.п.) + s ₂ (р.п.) <u>Устройство управляемого речевого прибора</u> 2. s ₁ + (a) + s ₂ => s ₁ + + s ₂ <u>Способ и устройство для распознавания последовательности фонем или последовательности знаков</u>	1,45 0,75

7	Pron + A + S <i>Zuordnen von Phonemen zu den <u>sie</u> erzeugenden Graphemen</i>	a + pron (п.п.) + s Способ соотнесения фонем с <u>формируемыми их графемами</u>	0,72
8	S₁ + S₂ + (und) + S₃ <i>Verfahren zur <u>Steuerung einer Spracheingabe und -ausgabe</u></i>	s ₁ + s ₂ (тв.п.) + (и) + s ₃ (тв.п.) Способ для <u>управления вводом речи и выводом</u>	0,72
9	A₁ + S₁ + A₂ + S₂ <i>Erkennung einer <u>in buchstabierter Form vorliegenden Sprachäußerungseingabe</u></i>	a ₁ + s ₁ + a ₂ (п.п.) + s ₂ (п.п.) Распознавание в <u>буквенной форме представленных фраз речи</u>	1,52

На основе установленной типологии базовых синтаксических моделей немецких заголовков и их русских соответствий создан принципиальный алгоритм немецко-русского машинного перевода заголовков рефератов к патентам.

УДК 811.1'42

Могилевцев Сергей Александрович
кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры теории и практики
перевода №1
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Sergey Mogilevtsev
PhD in Pedagogy, Associate Professor,
Associate Professor of the Chair of Theory
and Practice of Translation No1
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
2011_16@bk.ru

ФРАЗОВЫЕ И ПРИСТАВОЧНЫЕ ГЛАГОЛЫ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ И РУССКОЯЗЫЧНОМ НОВОСТНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ: ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ

ENGLISH PHRASAL AND RUSSIAN PREFIXED VERBS IN NEWS MEDIA DISCOURSE: A COMPARATIVE ANALYSIS OF USAGE

В статье рассматриваются английские фразовые и русские приставочные глаголы, функционирующие в новостном медийном дискурсе (печатном и телевизионном). Проведен сопоставительный анализ частоты использования послелогов в составе английских фразовых глаголов и русскоязычных глагольных приставок. Данные глаголы относятся к классу экспрессивно окрашенных лексических единиц, функционирующих в новостном медиадискурсе на указанных языках.

The article deals with expressive lexical units that function in English and Russian print and broadcast news media discourse. They embrace English phrasal and Russian prefixed verbs.

Comparative analysis of the verbs' frequency usage has been undertaken listing English phrasal verbs prepositions and Russian verbal prefixes. The two groups of verbs are analysed as lexical units that function in news media discourse in both languages.

К л ю ч е в ы е с л о в а: новостной медиадискурс; печатные и телевизионные новостные материалы; фразовый глагол; послелог; приставка; приставочный глагол; экспрессивные лексические средства.

K e y w o r d s: news media discourse; print and broadcast news materials; phrasal verb; post-verb preposition; prefix; prefixed verb; expressive lexical units.

В последние годы медиадискурс привлекает внимание многих исследователей. Это связано со значительной ролью средств массовой информации в жизни общества, которое становится более «медиацентричным» [1, с. 3]. Т. Г. Добросклонская определяет *медиадискурс* как «совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации» [2, с. 21]. Производной медиадискурса является новостной медиадискурс. По мнению И. С. Грибанова, данный вид дискурса «представляет собой самодостаточную и одновременно развивающуюся лингвопрагматическую сущность, обладающую рядом характерных языковых и внеязыковых параметров» [3, с. 5]. Н. В. Поплавская полагает, что главным элементом новостного дискурса является информационная и информационно-аналитическая составляющая, «представленная в жанрах новостной журналистики» [3, с. 9].

Центральным жанром телевизионного новостного дискурса (как англоязычного, так и русскоязычного) является *репортаж* – «видеозапись определенного события, смонтированного на основе дополнительного авторского текста или нового изобразительного материала в соответствии со сценарным планом» [4, с. 60], с «выкладками специалистов», привлечением «научного, статистического и архивного материала» [5, с. 8].

Одной из составляющих телевизионного дискурса является *телевизионная речь* – отдельный пласт «общенационального языка», вбирающий «в себя различные аспекты исторического, политического, социального, лингвистического характера» [6, с. 67]. Исходя из этого, лингвистический анализ различных аспектов (в данном случае лексических) телевизионной речи позволяет ознакомиться с речепотребительной практикой определенного языкового сообщества.

Рассмотрим фразовые глаголы, функционирующие в печатном и телевизионном англоязычном новостном дискурсе. Вопросу функционирования указанных глаголов в англоязычном вещательном дискурсе и способам их перевода на русский язык посвящена одна из наших работ [7]. Поскольку имеющиеся подходы к классификации фразовых глаголов были рассмотрены нами ранее [7], отметим только, что второй компонент фразового глагола, или послелог, «изменяет, уточняет, дополняет значение глагола, к которому он относится» [8, с. 8] либо «превращает его совершенно в другой глагол» [9, с. 309]. Данные лексические единицы характерны для *разговорной речи*, которая понимается как «функционально-стилевая сфера литературного языка,

которая “обслуживает” неформальное, неофициальное непосредственное (преимущественно контактное) общение» [10, с. 60]. Фразовые глаголы, являясь разговорными лексическими единицами [11], придают телевизионной речи оттенок экспрессивности.

Как известно, основными группами жанров англоязычного печатного медиадискурса являются *informative*, *opinionative*, *interpretive* [12, с. 49], однако имеется и другая точка зрения по данному вопросу [13; 14]. С целью выявления степени распространенности фразовых глаголов в англоязычном печатном медиадискурсе нами было проанализировано 20 англоязычных статей – 10 информационных и 10 аналитических (передовая статья и колонка), в которых идентифицировано 73 фразовых глагола. Установлено, что чаще всего в проанализированных материалах используется послелог *up* (38 % случаев), за которым следуют послелог *out* и *off* (22 % и 11 % соответственно); достаточно часто употребляются послелог *down* (5,5 %), *on* (4 %), *with* (4 %), *in* (2,7 %). Фразовые глаголы могут иметь как идиоматичное, так и неидиоматичное значение, например:

*The cause of death has been well documented: the EU Large Combustion Plant Directive (LCPD), which forced Europe’s dirtiest power stations to either **clean up** ‘очищать’ or **shut up** ‘замолчать, заткнуться’* (The Daily Telegraph, 29.09.2015).

*But analysts were quick **to point out** (отмечать, указывать) that three of the four appointed men had openly supported the laws, while a fourth had given support with some reservation* (The New York Times, 12.01.2021).

*The sums, he said “simply do not **add up**” ‘не сходится’* (The Guardian, 08.09.2004).

***Sorting this out** requires accurately diagnosing what has gone wrong ‘разобраться, решить проблему’* (The Economist, 25.09.2021) (в двух последних предложениях фразовые глаголы идиоматичны).

Как усматривается из приведенных примеров, практически все фразовые глаголы при переводе на русский язык требуют использования приставочного глагола.

С целью сравнения частотности употребления фразовых глаголов в англоязычном новостном медиадискурсе (в печатном и телевизионном) анализу были также подвергнуты телевизионные репортажи британского новостного канала Sky News, всего 20 репортажей, в которых было идентифицировано 57 фразовых глаголов. Наиболее часто употреблялись послелог *up* (24,5 % случаев употребления), *out* (17,5 %), *on* (14 %), *down* (10,5 %). Приведем примеры идиоматичных и неидиоматичных фразовых глаголов.

*But nobody ever had thought that until the revelations that he **came forward** ‘объявился’, was **brought out** ‘раскрылась’* (Sky News, 20.08.2009).

*At the stables more than 40 horses are confined to barracks, **wrapped up** ‘укутаны’ *snuggly against the biting cold* (Sky News, 12.12.2010).*

Полученные результаты коррелируют с выводами С. Ю. Богдановой, которая указывает, что существует тринадцать наиболее частотных послелогов,

репрезентирующих все основные пространственные измерения (*up, down, ahead, forth, forward, back, in, out, on, off, about, (a)round, away*) [15]. В нашем случае идентифицировано шесть послелогов – *up, out, on, down, off, back*, а также послелог *through*.

Сравнительную частотность использования послелогов в проанализированных англоязычных материалах можно отразить в виде табл. 1.

Т а б л и ц а 1

Сравнительная частотность использования послелогов во фразовых глаголах, идентифицированных в англоязычном новостном медиадискурсе

Послелог	up, %	out, %	on, %	down, %	off, %	through, %	back, %
Телевизионный дискурс	25,4	17,5	14	10,5	7	8,7	5
Печатный дискурс	38	22	4	5,4	11	1,3	1,3

Как следует из анализа, два послелога оказались одинаково часто употребительными как в телевизионном, так и в печатном медиадискурсе – *up* и *out*. Такой же вывод можно сделать в отношении послелогов *down, on* и *off*, что свидетельствует о широкой распространенности фразовых глаголов с данными послелогам в англоязычном устном дискурсе и, следовательно, в англоязычном новостном медиадискурсе в целом.

Поскольку значение многих фразовых глаголов невыводимо из значения составляющих их единиц, мы проанализировали идентифицированные глаголы на предмет их идиоматичности. Оказалось, что идиоматичные глаголы в газетных материалах составили 52 % от общего количества фразовых глаголов, в телевизионных материалах – 35 %. Это достаточно высокий показатель, свидетельствующий о том, что идиоматичность является одним из свойств фразового глагола (который И. В. Арнольд называет «идиоматической комбинацией» [16, с. 121]).

Эквивалентами английских фразовых глаголов в русском языке являются приставочные глаголы (с помощью которых и переводится на русский язык большинство рассматриваемых глаголов). Как отмечают исследователи, в русском языке «большая часть приставок имеет общее происхождение и общий звуковой состав с предлогами, вследствие чего они в известных пределах выполняют сходную роль» [17, с. 362].

Нами было выдвинуто предположение о том, что вследствие распространенности фразовых глаголов в англоязычном новостном медиадискурсе (которые переводятся на русский язык с помощью приставочных глаголов и

составляют одну из подсистем экспрессивных лексических единиц данного типа медиадискурса), приставочные глаголы также могут быть широко распространены в русскоязычном новостном медиадискурсе, где они выполняют аналогичную функцию.

С целью проверки данного предположения были проанализированы печатные и телевизионные новостные материалы на русском языке – 20 газетных статей и 20 новостных репортажей. Подчеркнем, что классификация газетных жанров, характерная для журналистики постсоветских стран, значительно отличается от соответствующей классификации, принятой в западной журналистике. Так, в российской журналистике выделяются *информационные*, *аналитические* и *публицистические* жанры, не существует жанра информационной статьи, поскольку подобная статья может быть только аналитической. Информационные газетные жанры, среди прочих, включают информационную корреспонденцию и репортаж; в аналитических жанрах выделяется аналитический отчет, аналитическая корреспонденция, комментарий и статья [18].

Исходя из приведенной классификации, проанализированные материалы, опубликованные в российских газетах «Известия» и «Труд», являются статьями, а материалы белорусских газет «Минский курьер» и «Знамя юности» – информационными корреспонденциями и репортажами. В процессе анализа нами было идентифицировано 268 приставочных глаголов, среди которых преобладают глаголы с приставкой *по-* (12 % случаев употребления), *про-* (10,4 %), *за-* (9,3 %) и *при-* (9 %). Достаточно часто употребляются приставки *вы-* (8,6 %), *у-* (8,2 %), *под-* (5,2 %) и *пере-* (4 %), реже используются приставки *раз-* и *рас-*, *на-*, *о-* (*от-*), *с-* и *со-* (около 3 %). Приведем несколько примеров.

*Великобритания после Брекзита успела **порадоваться** независимости от Брюсселя, но недолго* (Труд, 08.10.2021).

*Полчаса, за которые с акватории Комсомольского озера можно **увидеть** в необычном ракурсе город в вечерних полутонах, **полюбоваться** парком Победы и **понаблюдать** за птицами, **пролетели** незаметно* (Минский курьер, 25.06.2021).

Как видно из данных примеров, многие приставочные глаголы характерны для разговорного языка, то есть экспрессивно окрашены.

Согласно результатам анализа русскоязычных новостных репортажей (эфир на телеканалах РТР, ОНТ, ОРТ, СТБ), в двадцати репортажах нами было идентифицировано 93 приставочных глагола, среди которых преобладают глаголы с приставками *про-* (17,2 % случаев использования), *по-* (12,9 %), *вы-* и *за-* (9,6 %); достаточно распространены приставки *под-* (6,5 %), *при-* (7,5 %), *пере-* (5,4 %). Процитируем несколько примеров.

*Массовая вспышка огневки **пройдет**, как только нормализуется погода* (ОНТ, 14.06.2021).

*Загрузка **прошла** очень оперативно, нам команда **поступила** вчера* (РТР, 29.04.2021).

Постановщики **переосмысли** оперу и она **зазвучала** с новой силой (ОРТ, 30.09.2021).

Как видно из примеров, приведенные в них приставочные глаголы – совершенного вида, ряд из них относится к коллоквиальным лексическим единицам.

Далее рассмотрим понятие *приставочный глагол*. Как отмечает О. С. Ахманова, приставка или префикс – «это выделяющаяся в составе словоформы докорневая аффиксальная морфема, имеющая (в индоевропейских языках) преимущественно словообразовательный характер» [19, с. 340].

Поскольку с помощью глагольных приставок происходит «сжатие многообразия мира», что «означает реализацию определенных моделей движения» [20, с. 112], рассматриваемые приставки могут быть классифицированы в соответствии с выражаемыми ими значениями (пространственно-направительные, количественно-временные: выражение начала/окончания процесса действия; обозначение окончания действия с оттенками полноты, тщательности, энергичности, силы его выполнения; обозначение полной исчерпанности предмета действием; обозначение дополнительного, добавочного действия) [21].

Как показывают исследования тезауруса русских глаголов совершенного вида (или «естественных перфективов»), их количество в русском языке насчитывает 1 981 единицу, а для их образования используются «16 префиксов: *по-, с-, за-, о- (об-), на-, про-, вы-, раз-, из, у-, пере-, под-* (префиксы расположены в порядке убывания частотности)» [22, с. 10]. Нами идентифицировано 16 приставок (*по-, про-, за-, вы-, при-, у-, раз-, рас-, и-, до-, вы-, на-, во, с-, о-, от-*), что совпадает с вышеприведенным списком.

Частотность использования приставок в проанализированных материалах демонстрирует табл. 2.

Т а б л и ц а 2

Сравнительная частотность использования приставок
в идентифицированных новостных материалах на русском языке

Приставка	про-, %	при-, по-, %	за-, вы-, %	о-, от- об-, %	под-, %	у-, пере-, %	на-, %	рас-, раз-, %	до-, с-, %
Телевизионный дискурс	17	13	10	8,6	6	5,4	3	3,2	3,2
Печатный дискурс	10,4	10	9,5	4,2	5,2	7,1	3	2,6	1,8

Как показали результаты анализа, частотность использования русских префиксов и английских послелогов в печатном и телевизионном новостном дискурсе в целом одинаковая.

Заключительный этап нашего исследования предусматривал сравнение количества коллоквиальных приставочных глаголов в печатном и вещательном медиадискурсе на русском языке – их количество составило приблизительно 65 % от общей численности приставочных глаголов в телевизионных репортажах и 35 % – в газетных материалах. Приведем примеры экспрессивно окрашенных приставочных глаголов.

*По коридорам театра вальяжной походкой **разгуливает** русский царь* (ОРТ, 30.9.2021).

*Причиной энергокризиса в Европе являются ошибки самой Еврокомиссии, доходчиво **растолковал** премьер-министр Венгрии Орбан* (Труд, 08.10.2021).

Преобладание коллоквиальных приставочных глаголов в телевизионной речи можно объяснить тенденцией сближения данного типа дискурса с языком повседневного общения с целью облегчения понимания зрителем информации, транслируемой телевидением.

Подводя итог изложенному, отметим следующее.

1. Фразовые глаголы как коллоквиальные лексические единицы широко распространены в англоязычном новостном печатном и вещательном медиадискурсе. В репортаже продолжительностью звучания до двух минут используются два фразовых глагола; в газетных статьях объемом до двух страниц их количество достигает четырех единиц. Подобное превышение можно объяснить тем, что новостная статья в среднем в два раза больше, чем сценарий репортажа.

2. Как свидетельствуют результаты анализа, в англоязычном новостном медиадискурсе преобладают фразовые глаголы с послелогоми *up*, *out*, *on*, *down* и *off*, частотность употребления которых одинакова для печатного и телевизионного дискурса. Это, на наш взгляд, свидетельствует о распространенности названных послелогов в устной речи и, соответственно, в новостном медиадискурсе.

3. Количество идиоматичных фразовых глаголов в материалах прессы составляет 52 % от общего количества фразовых глаголов, идентифицированных в данных материалах; для телевизионных материалов этот показатель составляет 35 %, что подтверждает факт идиоматичности фразового глагола как лексической единицы.

4. Поскольку фразовые глаголы активно используются в новостном медиадискурсе, а их русскоязычными эквивалентами являются в основном приставочные глаголы, нами было выдвинуто предположение о высокой употребительности приставочных глаголов в русскоязычном новостном медиадискурсе и их экспрессивной окрашенности. Ряд исследователей указывают на сходство функционирования русскоязычных приставок и предлогов, что также свидетельствует о тождественности функций английского фразового глагола и русского приставочного глагола в новостном медиадискурсе.

5. Преобладающими по частоте использования приставками в проанализированных телевизионных и газетных материалах на русском языке являются приставки *про-, по-, при-, за-, вы-, о-, от-, под-, у-* и *пере-*. Это, на наш взгляд, свидетельствует об определенном наборе приставочных глаголов, которыми пользуются журналисты.

6. Значительное количество приставочных глаголов, функционирующих в новостном русскоязычном медиадискурсе, экспрессивно окрашено. Так, на телевизионные материалы приходится 65 % таких глаголов, на печатные – 35 %. Превышение экспрессивных приставочных глаголов на 30 % в телематериалах объясняется стремлением телевизионной речи к разговорному началу.

7. Количество послелогов в идентифицированных нами английских фразовых глаголах в новостных медиматериалах совпадает с данными, полученными С. Ю. Богдановой, в отношении послелогов, используемых для выражения пространственных измерений в английском языке. Количество выявленных русскоязычных приставок также сопоставимо с имеющимися данными о наличии определенного числа «естественных перфективов» в русском языке. Полученные результаты свидетельствуют о том, что новостной медиадискурс достаточно точно отражает состояние развития языка социума, а новостные материалы должны активно использоваться в учебном процессе при изучении иностранных языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Поплавская, Н. В. Новостной медиадискурс в современном онлайн-пространстве : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / Н. В. Поплавская ; Рос. ун-т дружбы народов. – М., 2017. – 17 с.

2. Добросклонская, Т. Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации / Т. Г. Добросклонская // Вестник Московского университета. Сер. 10, Журналистика. – 2006. – № 2. – С. 20–33.

3. Грибанов, И. С. Лингвопрагматический анализ телевизионного новостного дискурса в современном испанском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / И. С. Грибанов ; Рос. ун-т дружбы народов. – М., 2014. – 21 с.

4. Егоров, В. В. Терминологический словарь телевидения: основные понятия и комментарии / В. В. Егоров ; ред. Т. Матюшенко. – 3-е изд, доп. – М. : Ин-т повышения квалификации работников телевидения и радиовещания, 1997. – 92 с.

5. Осинский, В. Г. Телевизионная публицистика / В. Г. Осинский. – СПб. : С.-Петербург. ун-т, 1992. – 42 с.

6. Ковальчук, Г. Л. Телевизионная речь: особенности формирования / Г. Л. Ковальчук // Вест. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Филология. Журналистика. – 2008. – № 1. – С. 67–71.

7. Могилевцев, С. А. Фразовые глаголы в англоязычном телевизионном новостном дискурсе и их перевод на русский язык / С. А. Могилевцев // Кон-

контрастивные исследования: текст, предложение, слово : сб. науч. ст. / Мин. гос. лингвист. ун-т ; редкол.: Т. П. Карпилович (отв. ред) [и др.]. – Минск, 2019. – Вып. 7. – С. 99–107.

8. Керлин, А. А. Составные глаголы в современном английском языке / А. А. Керлин, М. Д. Кузнец. – Л. : Учпедгиз, 1956. – 126 с.

9. Кунин, А. В. Английская фразеология: теоретический курс / А. В. Кунин. – М. : Высш. шк., 1970. – 344 с.

10. Стилистика и литературное редактирование / под ред. В. И. Максимова. – М. : Гардарики, 2004. – 651 с.

11. Garbatovič, B. Phrasal Verbs in Learner English: A Corpus-Based Study of Lithuanian and Polish Learners of English / B. Garbatovič, J. Grigaliūnienė // Baltic Journal of English Language. Literature and Culture. – 2020 – Vol. 10. – P. 36–53.

12. Marques de Melo, J. Journalistic genres and formats: a classification model / J. Marques de Melo, F. de Assis // Intercom – RBCC, São Paulo. – 2016. – Vol. 39, № 1. – P. 39–54.

13. Harcup, T. Journalism: Principles and Practice / T. Harcup. – London : Sage Publ. Ltd, 2015. – 271 p.

14. Добросклонская, Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов: опыт исследования современной английской медиаречи / Т. Г. Добросклонская. – М. : Урсус, 2005. – 288 с.

15. Богданова, С. Ю. Индексальные конструкции с глаголами речи в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / С. Ю. Богданова ; Иркут. гос. лингвист. ун-т. – Иркутск, 1997. – 15 с.

16. Арнольд, И. В. Лексикология современного английского языка : учебник / И. В. Арнольд. – М. : Высш. шк., 1986. – 295 с.

17. Гвоздев, А. Н. Современный русский литературный язык : учебник / А. Н. Гвоздев. – 4-е изд. – М. : Просвещение, 1973. – Ч. 1 : Фонетика и морфология. – 432 с.

18. Тертычный, А. А. Жанры периодической печати : учеб. пособие / А. А. Тертычный. – М. : Аспект Пресс, 2000. – 350 с.

19. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Либроком, 2010. – 576 с.

20. Цзинь, Т. Русская приставка о-/об- как реализация трех моделей движения / Т. Цзинь // Вестник Томского государственного ун-та. Сер. Филология. – 2019. – № 59. – С. 110–140.

21. Азизова, М. Э. Приставочные глаголы русского языка в сопоставлении с таджикским языком: структурно-семантический аспект : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20 / М. Э. Азизова. – Душанбе, 2015. – 391 л.

22. Горбова, Е. В. Видообразование русского глагола: префиксация и/или суффиксация? / Е. В. Горбова // Вопросы языкознания. – 2015. – № 1. – С. 7–38.

УДК 811.161.3'373:811.111'373

Гаранович Татьяна Игоревна

старший преподаватель кафедры
современных технологий перевода
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Tatiana Garanovich

Senior Lecturer of the Chair of Modern
Translation and Interpreting Technologies
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
tatiana_garanovich@rambler.ru

БЕЛОРУССКИЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ МОДЕЛИ
«ВОПРОСИТЕЛЬНОЕ СЛОВО + ТОЛЬКИ + ПРЕДИКАТИВНАЯ ОСНОВА»
И ИХ СООТВЕТСТВИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

BELARUSIAN SYNTACTIC IDIOMS OF THE MODEL
“INTERROGATORY WORD + ТОЛЬКИ + CLAUSE”
AND THEIR CORRESPONDENCES IN THE ENGLISH LANGUAGE

В статье представлены результаты контрастивного исследования белорусских синтаксических фразеологизмов модели «вопросительное слово + толькі + предикативная основа» и их соответствий в английском языке: на материале Белорусского N корпуса определяются структурные типы СФ и значения, в которых они реализуются; выявляются их семантические соответствия в английском языке; дается сопоставительная характеристика их структурных особенностей, степени фразеологизованности, стилистической принадлежности.

The article describes results of a contrastive study of Belarusian syntactic idioms built according to the model “question word + толькі + clause” and their correspondences in English: on the basis of the Belarusian N-corpus structural types and meanings of the syntactic idioms are determined; their semantic correspondences in English are singled out; their structural features, the degree of idiomaticity and style are characterized in a comparative aspect.

К л ю ч е в ы е с л о в а: синтаксический фразеологизм; модель; постоянный компонент; переменный компонент; семантический вариант; идиоматичность; десемантизация.

Key words: syntactic idiom; model; permanent component; variable component; semantic variant; idiomaticity; desemantization.

Для выражения своего отношения к содержанию высказывания в разговорном общении на белорусском языке участниками коммуникации широко используются *синтаксические фразеологизмы* (далее – СФ), рассматриваемые нами на основе работ Н. Ю. Шведовой [1; 2], Д. Н. Шмелева [3], А. В. Величко [4], В. Ю. Меликяна [5], М. В. Всеволодовой [6] и определяемые как устойчивые предикативные структуры, которые строятся по синтаксическим моделям с обобщенным модусным значением и характеризуются идиоматичностью, воспроизводимостью, экспрессивностью, наличием в их составе постоянных и переменных лексических компонентов.

В данной статье рассматриваются белорусские СФ модели «вопросительное слово + толькі + предикативная основа» (*дзе толькі ты быў; калі толькі яны паспелі; куды толькі мы не звярталіся*) с целью выделения их структурных типов и семантических вариантов, подбора соответствий в английском языке и выявления их сходств и различий.

СФ, образованные на основе данной модели, имеют структуру вопросительного предложения, при этом не выражают вопрос, что характерно для СФ [3], но являются утверждениями ряда модусных смыслов. Вопросительные слова в их составе десемантизируются, также утрачивает свое значение постоянный компонент ‘толькі’. Все это обуславливает идиоматический характер рассматриваемых построений.

В результате анализа употребления СФ модели «вопросительное слово + толькі + предикативная основа», проведенного на материале Белорусского N-корпуса [7], нами выявлено два их структурных типа – с утвердительной и с отрицательной формой глагола-сказуемого (*дзе толькі ён такое чуў* и *дзе толькі ён такога не чуў*). Установлено, что СФ с утвердительной формой сказуемого реализуются в двух семантических вариантах. Во-первых, они выражают эмоции, среди которых выделяются а) недовольство, расстроенность, возмущение: *Ох, братцы-таварышы, гора! І што толькі ён вытварае!..* (Я. Колас) = ‘я расстроен тем, что он делает’; б) восхищение, одобрение: *Раманок як ведаў, што яна ўпадабае камень гэты. Дзе толькі і знайшоў такі роўненькі і кругленькі, быццам высечаны, быццам роблены на жорны і недароблены на нейкай прычыне* (М. Гіль) = ‘мне очень нравится найденный им камень’; в) удивление: *І адкуль ён, халера, знае тую малітву. Здаецца ж, і маляды, дзе толькі пачуў* (І. Чыгрынаў) = ‘удивительно, что он где-то услышал эту молитву’. Обозначаемое СФ удивление может сочетаться с элементом недовольства или восхищения: так, в приведенном примере говорящий удивляется знанию молодым человеком молитвы, при этом данный факт вызывает не только эту эмоцию, но и недовольство, которое эксплицируется в предшествующем СФ предложении ругательным словом *халера*.

Выявлено, что в зависимости от контекста рассматриваемые СФ способны выражать не только эмоцию, но и эмоцию в сочетании с вопросом, что подтверждается следованием за ними ответа: – *Здрава! – не ўтрываў я. – І дзе толькі ты іх бярэш? Сеўшы ў крэсла, гаспадар сказаў вельмі сур’ёзна, як гэта заўсёды любіў рабіць, калі хацеў падаць жартаўлівасці: – Я, панечку мой, маю сваю акадэмію, то там яны ў мяне і гадуюцца* (Я. Скрыган) = ‘это восхитительно и удивительно, что у тебя такое количество образов; что является их источником?’. СФ в приведенном примере имеет меньшую по сравнению с предыдущими случаями степень идиоматичности, поскольку он не утратил значения вопроса, соответствующего его синтаксической структуре; вместе с тем *І дзе толькі ты іх бярэш* – это идиоматичное образование, так как его вопросительная семантика осложнена компонентом констатации восхищения и удивления.

Вторым семантическим вариантом СФ модели «вопросительное слово + толькі + предикативная основа» с утвердительной формой сказуемого является отсутствие: *Увосень ці ўзімку нішто яшчэ два-тры разы на дзень прынесці. А ўлетку, калі сохне ўсё ад спёкі на агародзе, вунь колькі трэба тае вады. І дзе толькі людзям браць яе!* (А. Пальчэўскі) = ‘людям негде брать столько воды’. СФ в этом значении имеют ограничение, касающееся морфологического наполнения переменного компонента: глагол в их составе употребляется либо в неопределенной форме, либо в форме будущего времени изъявительного наклонения, либо прошедшего времени условного наклонения.

На материале Британского национального корпуса [8], а также электронных версий британских информационных изданий нами выделено два фразеологических соответствия белорусских СФ рассматриваемого структурного типа в английском языке, имеющих схожую с ними форму общего или специального вопроса и совпадающих в обоих значениях. Первым из них является модель «вопросительное слово + on earth + предикативная основа»: *Paula had told her there were twelve models in the show and each of them had to wear at least ten outfits. One hundred and twenty outfits, not to mention all the shoes and hats and gloves. **How on earth did they keep track of them all?*** (J. Tanner) ‘Пола сказала ей, что в показе участвует двенадцать моделей, и каждая из них демонстрирует по меньшей мере десять нарядов. Сто двадцать нарядов, не говоря уже обо всех туфлях, шляпках и перчатках. Как только они могут уследить за ними всеми?’ = ‘поразительно, как им удастся уследить за всем этим’ = (бел.) ‘як толькі яны сочаць за ўсім гэтым’; *It’s a monstrosity! Surely you can see that! Not even Miss Hatherby would wear it! **Where on earth did you get that material?*** (C. McDowell) ‘Это ужас! Ты, конечно, видишь это! Даже мисс Хэтерби не станет носить такое! Где только ты взял такую ткань?’ = ‘я очень недовольна тем, какую ткань ты выбрал’ = (бел.) ‘дзе толькі ты ўзяў такую тканіну?’. В нашем фактическом материале выявлены случаи, когда английские СФ, так же, как белорусские, констатируя ту или иную эмоцию говорящего, не теряют характера вопроса, при этом наличие либо отсутствие в их семантике вопросительного компонента определяется исключительно контекстом. СФ модели «вопросительное слово + on earth + предикативная основа» также выражают отсутствие, например: *I don’t mean to be rude, but **how on earth are you going to find another job** the way unemployment is now? It’s not like it used to be* (M. Falk) ‘не хочу показаться грубым, но как только ты собираешься найти другую работу при нынешней ситуации с безработицей? Сейчас не так, как раньше’ = ‘у тебя нет никакого шанса найти другую работу’ = (бел.) ‘як толькі ты знойдзеш іншую працу?’.

Отметим, что модель «вопросительное слово + on earth + предикативная основа» представлена в лексикографических источниках, в частности в Оксфордском словаре для учащихся продвинутого уровня как *how, why, where, who, etc. on earth* [9], в Кембриджском словаре как *how / what / why, etc on*

earth? [10]. Кроме того, в Оксфордском словаре она называется идиомой, что коррелирует с нашим рассмотрением построенных на ее основе предложений как фразеологических образований. Их семантика в цитируемых источниках объясняется по-разному: согласно Кембриджскому словарю, модель используется, когда говорящий «очень удивлен, озадачен или зол из-за чего-то» [10], что соответствует нашей трактовке значения белорусских СФ в семантическом варианте ‘эмоции’ с более высокой степенью идиоматичности, т. е. утративших характер вопроса, а согласно Оксфордскому словарю, она употребляется для акцентирования вопроса, когда говорящий «удивлен или зол или не может найти очевидный ответ» [9], что коррелирует со случаями меньшей степени идиоматичности белорусских СФ, когда они, передавая эмоцию, также выражают вопрос.

В качестве еще одного фразеологического соответствия СФ типа «вопросительное слово + толькі + предикативная основа» с утвердительной формой сказуемого в английском языке мы выделяем модель «вопросительное слово + ever + предикативная основа»: *Mrs Bennett was standing in the hall when she entered the front door, beady-eyed and flustered like an angry hen. ‘Why, Mrs Markham, **wherever have you been?** Do you know the time? (P. Street) ‘Когда она вошла через парадную дверь, Миссис Беннетт стояла в холле с видом разозленной курицы и пронизывала ее взглядом. «Ну, миссис Маркхэм, где только вы были? Вы знаете, сколько времени?»’ = ‘я возмущена вашим долгим отсутствием’ = (бел.) ‘дзе толькі вы былі’; “He was such a charming fellow,” said Martin. “And I thought some people might like them.” “But nobody liked them,” said Clelia. “Nobody at all.” “**Whyever did you buy it then?**” (M. Drabble) ‘«Он был таким милым», – сказал Мартин. – «И я думал, что некоторым людям они могут понравиться». – «Но они никому не понравились», – сказала Клилия. – «Совсем никому». – «Тогда почему только ты их купил?»’ = ‘странно, что ты их купил’ = (бел.) ‘чаму толькі ты іх купіў’. В этом значении СФ данной модели так же, как и представленной выше, могут выражать не только какую-либо эмоцию, но и эмоцию в сочетании с вопросом. Кроме этого СФ типа «вопросительное слово + ever + предикативная основа» реализуются в семантическом варианте ‘отсутствие’: *Every man from nineteen to twenty-three is liable, except for married men with two or more children, and sailors, and apprentices – **whoever heard of apprentices as old as that?** (D. Craig) ‘Призыву подлежат все мужчины от девятнадцати до двадцати трех, кроме женатых, имеющих двоих и более детей, моряков и подмастерьев – кто только слышал о подмастерьях такого возраста?’ = ‘никто не слышал, чтобы подмастерьям было столько лет’ = (бел.) ‘хто толькі чуў, каб чаладнікам было столькі год’.**

Подтверждение правильности выбора модели «вопросительное слово + ever + предикативная основа» в качестве соответствия белорусским СФ мы находим в лексикографических источниках: хотя в Оксфордском и в Кембриджском словарях она не представлена целиком, но, например, в статьях,

посвященных слову *whoever*, указано, что оно употребляется в вопросах для выражения удивления [9; 10]. В Кембриджском словаре также отмечается аналогичное использование *whenever, wherever, however* вместо *when, where, how* для акцентирования смысла высказывания и выражения удивления [10]. М. Суон дает общее объяснение добавления к вопросительному слову *ever* и *on earth*, которое заключается в выполнении ими функции выделения [11], что коррелирует с нашим рассмотрением построений типа «вопросительное слово + *on earth* + предикативная основа» и «вопросительное слово + *ever* + предикативная основа» как синонимичных.

Таким образом, выделенные английские модели выражают эмоции и отсутствие, т.е. являются синонимичными и совпадают с белорусскими СФ первого структурного типа в обоих семантических вариантах. Разница между ними заключается в неформальности первой [9; 10; 11] и нейтральности второй, следовательно, с точки зрения стилистической принадлежности, более близкими белорусским СФ, характерным именно для разговорной речи, являются построения модели «вопросительное слово + *on earth* + предикативная основа».

Белорусские СФ второго структурного типа – с отрицательной формой глагола-сказуемого – обозначают множественность: *Дзе толькі не насіла мяне. Сам ведаеш, цыган я і з цыганамі жыву, цыганскае люблю. Амаль кожны дзень на новым месцы* (І. Чыгрынаў) = ‘я был во многих местах’. Особенность употребления СФ в данном семантическом варианте состоит в том, что в их ближайшем окружении зачастую происходит перечисление элементов выражаемого ими множества, делающее его более конкретным, объемным, понятным и подтверждающее тем самым правомерность его утверждения, например: *І якіх толькі няма там саставаў: платформы з танкамі, з гарматамі, з аўтамашынамі, таварнякі* (І. Кудраўцаў) = ‘там много разных составов’.

В английском языке семантика множественности в экспрессивной, акцентированной форме может передаваться конструкциями модели «*many's the N* + предикативная основа»: *Many's the time I've thought about taking another job, but what else can I do?* (The Daily Telegraph) ‘Много раз я думал о другой работе, но что еще я умею делать?’ = (бел.) ‘калі толькі я не думаў пра новую працу’. Эта модель представлена и в Оксфордском, и в Кембриджском словарях как *many's the*, в обоих источниках называется идиомой и, согласно первому из них, обозначает, что «что-то происходит часто» [9], а согласно второму, – «множественно или в течение длительных периодов времени» [10]. Поскольку конструкция является устойчивой, что подтверждается лексикографическими источниками, образованные на ее основе предложения правомерно считать фразеологизованными, однако по причине их неидиоматичности (ни один из их членов не утрачивает своего значения, синтаксические связи между ними не нарушены, а семантика выводится из формы) мы не относим построения данного типа к собственно СФ. Кроме того, хотя в Бри-

танском национальном корпусе нами были выявлены отдельные случаи иного лексического наполнения позиции переменного компонента *N*, в его роли главным образом выступают наименования отрезков времени (*time, hour, day* и т.д.), что определяется семантикой модели, зафиксированной в словарях; между тем множественность, выражаемая белорусскими СФ, относится не только ко времени, следовательно, построения с *many's the N* не могут считаться их полными переводческими соответствиями.

Значение множественности в английском языке также передается придаточными предложениями типа «вопросительное слово + *ever* + предикативная основа»: *He was far more at home in jeans and a sweater or the favourite scuffed old flying jacket he had inherited from his father, who had been a Spitfire pilot in the war and he wore them whenever he could* (J. Tanner) 'Он чувствовал себя намного комфортнее в джинсах и свитере или в любимой потертой старой летной куртке, унаследованной от его отца, который во время войны был пилотом Спитфайра, и он носил их всякий раз, когда только мог' = 'он во многих случаях надевал эти вещи' = (бел.) 'калі толькі ён іх не апранаў'. Данная модель имеет некоторое формальное сходство с белорусской, поскольку так же содержит вопросительное слово. Лексическое наполнение переменного компонента не ограничено обозначениями времени, за счет чего выражаемая такими структурами семантика множественности может, как и в случае с белорусскими СФ, относиться не только к определенным периодам, но и к количеству людей, предметов, причин, мест и т.д. Однако, в отличие от белорусских СФ, построения типа «вопросительное слово + *ever* + предикативная основа» неидиоматичны, их значение полностью выводимо из формы, поэтому фразеологизмами они не являются. Тем не менее, по причине совпадения семантики и формального сходства мы считаем эту модель наиболее полным и, следовательно, адекватным из предложенных соответствий рассматриваемых белорусских образований.

Еще одна английская конструкция, позволяющая не только выразить, но и акцентировать множественность, – это антонимический оборот «*there isn't a N + придаточное определительное предложение*» со сказуемым в отрицательной форме: *There wasn't a man watching, or a woman, who hadn't had an eye on him in admiration* (F. M. Hendry) 'Не было ни мужчины, ни женщины, которые бы не смотрели на него с восхищением' = 'все смотрели на него с восхищением' = (бел.) 'хто толькі не пазіраў на яго з захапленнем'. Отрицая наличие человека, места, времени и т.д., к которым бы не относилось действие, выражаемое сказуемым в придаточном предложении, говорящий утверждает, что оно касается всех. Так, в приведенном примере констатация того, что среди всех наблюдавших за происходящим не было никого, кто бы не восхищался героем, предполагает, что им восхищались все. По причине неидиоматичности построения данной модели к СФ не относятся.

Таким образом, установлено, что в белорусском языке существует два структурных типа СФ модели «вопросительное слово + толькі + предикативная

основа» – с утвердительной и с отрицательной формой глагола-сказуемого. СФ первого типа реализуются в двух семантических вариантах – ‘эмоции’ и ‘отсутствие’. Их соответствиями в английском языке выступают синонимичные модели «вопросительное слово + *on earth* + предикативная основа» и «вопросительное слово + *ever* + предикативная основа», совпадающие с белорусскими как не только по значению, но и по фразеологизованности и экспрессивности, а также имеющие схожую с ними форму. В стилистическом отношении более близкими белорусским СФ являются разговорные построения с *on earth*. СФ модели «вопросительное слово + *толькі* + предикативная основа» второго структурного типа употребляются для экспрессивного выражения множественности, которая в английском языке передается предложениями трех моделей – «*many's the N* + предикативная основа»; «вопросительное слово + *ever* + предикативная основа»; «*there isn't a N* + придаточное определительное предложение». Лишь на основе первой из них образуются предложения фразеологизованной структуры, т.е. с точки зрения устойчивости наибольшим сходством с белорусской моделью обладает она, хотя по причине неидиоматичности к собственно СФ не относится, а также имеет ограничения по лексическому наполнению переменного компонента. Предложения, строящиеся по второй и третьей моделям, имеют свободную структуру, что не соответствует фразеологической природе белорусских СФ, при этом наличие в составе второй модели вопросительного слова делает ее самой близкой белорусской по форме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шведова, Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи / Н. Ю. Шведова. – М. : Изд-во АН СССР, 1958. – 377 с.
2. Русская грамматика. Т. 2 : Синтаксис / редкол.: Н. Ю. Шведова [и др.]. – М. : Наука, 1980. – 709 с.
3. Шмелев, Д. Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке / Д. Н. Шмелев. – 2-е изд., стер. – М. : КомКнига, 2006. – 152 с.
4. Величко, А. В. Предложения фразеологизированной структуры в русском языке : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / А. В. Величко. – М., 2016. – 507 л.
5. Меликян, В. Ю. Синтаксические фразеологические единицы: фразеосинтаксические схемы : монография / В. Ю. Меликян. – Ростов н/Д : ДОНИЗ-ДАТ, 2019. – 268 с.
6. Всеволодова, М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса / М. В. Всеволодова. – М. : УРСС, 2017. – 649 с.
7. Беларускі N-корпус [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступа: <https://bnkorporus.info/korpus.html>. – Дата доступа: 04.09.2021.
8. British National Corpus (BNC) [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.english-corpora.org/bnc/>. – Date of access: 04.09.2021.
9. Oxford Advanced Learner's Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com>. – Date of access: 12.06.21.

10. Cambridge Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access: <https://dictionary.cambridge.org>. – Date of access: 12.06.21.

11. Swan, M. Practical English Usage / M. Swan. – 2nd ed. – Oxford : Oxford Univ. Press, 1996. – 654 p.

УДК 81:39 ; 811.512.161'37:811.161.3'37

Коваленя Алеся Валерьевна
аспирант кафедры речеведения
и теории коммуникации
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Alesya Kovalenia
PhD Student of the Chair of Speech
Studies and Communication Theory
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
alesya.kovalenya@yandex.by

НАЗВАНИЯ МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ В ЭКСПЛИКАЦИИ СТЕПЕНИ КАЧЕСТВА

NAMES OF MUSICAL INSTRUMENTS IN EXPLICATION OF THE DEGREE OF QUALITY

В статье рассматривается роль названий музыкальных инструментов в экспликации степени качества. Материалом исследования послужила выборка авторских сравнений из национальных корпусов белорусского и турецкого языков. Полученные результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что индивид использует в сравнениях при описании качества неотъемлемые элементы своей культуры. Кроме того, одни и те же музыкальные названия в белорусском и турецком языках указывают на определенные группы качеств, не совпадающие в исследуемых языках. Это несоответствие объясняется различием белорусской и турецкой языковых картин мира.

The article examines the role of the names of musical instruments in the explication of the degree of quality. The research material was a sample of the author's comparisons from the national corpora of the Belarusian and Turkish languages. The results of the study allow us to conclude that the individual uses in comparisons in describing the quality of the integral elements of his culture. In addition, the same musical names in the Belarusian and Turkish languages indicate a certain group of qualities. These groups do not coincide in the studied languages. This discrepancy is explained by the difference between the Belarusian and Turkish language pictures of the world.

К л ю ч е в ы е с л о в а: степень качества; авторские сравнения; культура; язык.

К e y w o r d s: quality degree; author's comparisons; culture; language.

В каждой культуре есть ряд элементов, которые являются неотъемлемой частью той среды, в которой живет представитель этнокультурного сообщества [1]. Среди таких уникальных элементов культуры выделяются музыкальные инструменты. В частности, особый интерес представляет то, как при помощи

определенного названия музыкального инструмента эксплицируется степень качества предмета или человека. Мы предполагаем, что при помощи таких названий степень описываемого качества стремится к максимальной точке на условной оценочной шкале с тремя основными показателями: нулевая степень, максимальная положительная степень и максимальная отрицательная степень описываемого качества [2; 3]. Так, в примере *у него звонкий голос* описываемое качество «звонкость» соотносится с нулевым качеством, а в примере *у него звонкий голос, как у струны гитары* качество стремится к максимальной положительной точке.

С целью выявить роль названий музыкальных инструментов в экспликации степени качества была сделана выборка авторских сравнений из Национальных корпусов белорусского и турецкого языков. В таблице представлены основные названия музыкальных инструментов, которые используются в авторских сравнениях для экспликации степени качества.

Названия музыкальных инструментов в экспликации степени качества

Язык	Название музыкального инструмента	Описываемые качества
Белорусский язык	Цимбалы	Звонкость (+), например, ручья или голоса;
	Жалейка	Сильная тревога (-), сильная тоска по ком-либо (+);
	Смычок	Худощавость (-), болтливость (-), сильное воздействие (+);
	Гусли	Кто-то или что-то играет или говорит без остановки (-);
	Бубен	Сварливость (-); бедность, голь (-); твердость (+-); лысина на голове (-);
	Барабан	Сильная раздутость (-); живость и громкость голоса (+); твердость (-); сильное неприятное чувство сдавленности (-);
	Скрипка	Приятный голос (+); нервозность (-); разговорчивость (+);
	Дуда	Низкий голос (+-); сильная напряженность (-); сила звучания (+);
Турецкий язык	Барабан	Отечность ног (-), лишний вес (-), очень толстая шея (-), большие глаза (+-), сильно опухшее ухо или нос (-);
	Тулум	О чем-либо сильно распухшем (-), например, о животе, о сильно раскормленном человеке или животном (+-);
	Кебаб кемане (скрипка)	Звонкость голоса (+);
	Зурна	Прочность (+); громкость (+); властный тон голоса (+-);
	Дарбука	О сильном громком звуке (+).

Употребление названий музыкальных инструментов носит национальный характер. Представитель этнокультурного сообщества использует те названия, которые являются неотъемлемой частью его культуры. Индивид использует эти названия в сравнениях для интенсификации определенных качеств и имеет четкое представление о том что это за инструмент, какая у него форма, вес и звучание. Каждый представитель культуры получает знания о музыкальном инструменте через фольклор, традиции, обычаи и обряды, которые существуют в его культуре. Например, в белорусской культуре жалейка изначально использовалась как инструмент для зазывания домашнего скота и имела громкий и протяжный звук. Однако в сравнениях, эксплицируемых степень качества описываемого объекта, этот инструмент ассоциируется с сильной тревогой и тоской: *сэрца стогне, як жалейка (+) – трывожна мне, нібы жалейка ў полі плача (-)* [4]. В турецкой культуре музыкальный инструмент зурна применяется на сельских свадьбах, проводах в армию и других подобных мероприятиях. Громкое звучание музыкального инструмента нашло свое отражение в использовании его названия в равнениях для описания громкого звука или прочности: тур. *sesin zurna gibi gür* ‘твой голос громкий, как зурна’ [5].

Следует отметить, что во многих случаях одно и то же название музыкального инструмента описывает ряд качеств, которые характеризуют объект высказывания с разных сторон. Например, слово *скрипка* в белорусском языке в авторских сравнениях указывает как на приятный голос человека (положительная коннотация), так и в зависимости от контекста описывается как нервозность человека (отрицательная коннотация), разговорчивость: бел. *голас яго быў, як скрыпка (+); пабялеў і нервы, як скрыпка зрабіліся (-); яна гаманіла з намі так, як скрыпка (+); у жыцці любоў, як скрыпка (+)* [4]. Неоднозначность описываемых качеств имеет и использование в авторских сравнениях таких названий музыкальных инструментов, как бубен, смычок, жалейка: бел. *голы, як бубен (-) – цвёрды, як бубен (+-); карчмар худы, як смык (-) – словы ўдарылі па сэрцы, як смык па нацягнутых струнах (+)* [4]. В турецком языке названия музыкальных инструментов, которые используются в сравнениях, описывают качества человека или его внутреннее состояние с одной стороны. Например, музыкальный инструмент дарбука в сравнениях указывает только на очень сильное звучание чего-либо: тур. *darbuka kadar yüksek sesle* ‘голос громкий, как дарбука’ (+). В сравнениях со скрипкой (тур. кебаб кемане) делается акцент на звонкость издаваемого звука: тур. *bir kebab kemane gibi çınlayan kahkahalar* ‘звонкий смех, как звуки скрипки’ [5].

Особый интерес представляет образ барабана, который используется в авторских сравнениях. В турецком языке данный образ барабана используется для интенсификации таких качеств как сильная отечность, вздутость. Преимущественно описывается отечность ног (50 %), большой живот (30 %) делается акцент на большой размер глаз (10 %), сильная припухлость уха (4 %) и носа (6 %): тур. *tıktığın karnının davul gibi şişmesinden* ‘твой живот разбух, как бара-

бан', *gözleri davul gibi olmuştur* 'глаза были похожи на барабаны', *benim bacak davul gibi! Hemen hastaneye telefon ederek* 'моя нога, как барабан! Немедленно звони в больницу', *boyun davul gibi, sanki adam şişirilmiş* 'грудь, шея, как барабан, будто человека надули' [5]. В белорусском языке образ барабана ассоциируется с очень громким звучанием чего-либо и с очень большим животом: бел. *шпаркі, як барабан, голас, пуза раздулося, як барабан* [4]. Этот факт говорит о том, что образ барабана в турецком языке имеет больший ряд ассоциаций с опухшими частями тела, чем в белорусском языке. В белорусском языке – это только живот, а в турецком языке – это и шея, и рука, и нога, и живот, и глаз, и грудь.

Согласно сделанной выборке, выделяются закономерности переноса качеств с названия музыкального инструмента на описываемый объект:

1) по издаваемому звуку: бел. *ягоны голас такі меладычны, як цымбалы, стогне сэрца маё як жалейка* [4]; тур. *kaliteli bir darbuka sesi gibi* 'как качественные звуки дарбуки' [5];

2) по форме и внешнему виду музыкального инструмента: бел. *худы як смык карчмар* [4]; тур. *ayaklarım davul gibiydi* 'мои руки походили на барабаны' [5];

3) по твердости или прочности музыкального инструмента: бел. *цвёрды, як барабан* [4];

4) по весу музыкального инструмента: бел. *цяжэлы, як цымбалы* [4].

Таким образом, выделяются следующие группы качеств, которые описывают человека, его внутреннее состояние, какой-либо предмет:

1) внутреннее состояние человека (нервозность или радость, сильная тоска): бел. *сэрца баліць і плача, як плача скрыпка* [4];

2) болтливость: бел. *так бы смыкам, як языкам* [4];

3) сильное вздутие чего-либо: тур. *karnı tulum gibi şişer* 'живот раздулся, как тулум' [5]; бел. *жыўот – барабан* [4];

4) прочность: тур. *zurna kadar dayanıklı* 'такой же прочный, как зурна' [5];

5) звонкость или громкость звука: тур. *zurna sesleri duyar gibi olarak* 'громкий звук напоминает звуки зурны' [5].

В каждом из рассматриваемых случаев выбор названия музыкального инструмента в качестве элемента сравнения обусловлен фактом его наличия как одного из ключевых артефактов в культуре. В каждом языке есть названия музыкальных инструментов, которые указывают на проявление высшей или низшей степени качества человека или предмета, но при этом эти названия характерны только для определенного этнокультурного сообщества. Например, цимбалы и свирель для белорусской, тулум и дарбука для турецкой. Одно и то же название музыкального инструмента в белорусском и турецком языке описывает качества в зависимости от того, какие ассоциации возникают у носителей языка с названием этого музыкального инструмента.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сепир, Э. Язык и среда / Э. Сепир // Избранные труды по языкознанию и культурологии : пер. с англ. / Э. Сепир. – М., 1993. – С. 270–284.
2. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – 2-е изд., доп. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
3. Поцелуевский, Е. А. Нулевая степень качества и описание значения качественных прилагательных и некоторых сочетаний с ними / Е. А. Поцелуевский // Проблемы семантики. – М., 1974. – С. 229–247.
4. Национальный корпус белорусского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bnkorus.info/>. – Дата доступа: 04.03.2021.
5. Национальный корпус турецкого языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.tnc.org.tr/>. – Дата доступа: 03.04.2021.

УДК 811.161.3'362:811.111

Соловей Алексей Анатольевич
аспирант кафедры белорусского языка
и литературы
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Alexey Solovey
PhD Student of the Chair of the Belarusian
Language and Literature
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
alexey-solovey@mail.ru

РЭАЛІЗАЦЫЯ КАТЭГОРЫІ ВЕРАГОДНАСЦІ Ў БЕЛАРУСКІХ І АНГЛІЙСКІХ СКЛАДАНЫХ СКАЗАХ

REALIZATION OF THE CATEGORY OF CREDIBILITY IN BELARUSIAN AND ENGLISH COMPOUND AND COMPLEX SENTENCES

У артыкуле прааналізаваны верагоднасны патэнцыял складаных сказаў, устаноўлена ўзаемасувязь паміж верагоднасцю ўсяго сказа і яго састаўных частак, апісаны камбінацыі тыпаў верагоднасці і іх рэкурэнтнасць у беларускіх і англійскіх публіцыстычных рэцэнзіях.

The article deals with the problem of credibility in a composite sentence. The most common combination of types of credibility – *knowledge* + *knowledge* – is manifested in the majority of sentences under analysis due to the speaker's intention to reflect the true state affairs in Belarusian and English newspaper reviews on fiction books.

К л ю ч а в ы я с л о в ы: верагоднасць; мадальнасць; веданне; вера; меркаванне; складаны сказ.

К e y w o r d s: credibility; modality; knowledge; belief; opinion; composite sentence.

Катэгорыя мадальнасці – абавязковая прыкмета любога сказа. *Верагоднасць* разглядаецца як мадальная катэгорыя, уласцівая кожнаму сказу, у тым ліку і складанаму. Да структурных прыкмет складанага сказа адносяць наяўнасць мадальных планаў, суадносіны паміж якімі ствараюць агульны мадальны план сказа. Гэты мадальны план з’яўляецца канвергентным, калі часткі маюць аднолькавую мадальнасць, і дывергентным, калі яны характарызуюцца рознай мадальнасцю [1, с. 17]. Паняцці *агульны мадальны план сказа*, *канвергентны/дывергентны мадальны план* можна прымяніць да мадальнай катэгорыі верагоднасці і мадыфікаваць іх наступным чынам: у частках складаных сказаў можа быць рэпрэзентаваны як адзін, так і некалькі тыпаў верагоднасці, што дае падставы дыферэнцаваць монатыпныя і політыпныя складаныя сказы. Монатыпныя сказы маніфестуюць адзін тып верагоднасці – веданне, вера ці меркаванне. Політыпныя сказы рэпрэзентуюць як мінімум два тыпы верагоднасці. Верагоднасць складаецца з паняццяў *ісцінасці* і *імавернасці* [2]. Неабходна адзначыць, што агульная верагоднасць складанага сказа залежыць ад верагоднасці яго састаўных частак: $_{ar}B = [тып\ верагоднасці] + [тып\ верагоднасці]$. Складаны сказ з’яўляецца ісцінасным, калі кожная яго частка рэпрэзентуе верагоднасць, заснаваную на веданні: $_{ar}B = 100\%$ – ісцінасны сказ = [веданне] + [веданне]. Складаны сказ лічыцца імавернасным пры наяўнасці ў яго складзе частак з рознымі тыпамі верагоднасці, так як агульная верагоднасць сказа у такім выпадку зніжаецца: $_{ar}B < 100\%$ – імавернасны сказ = [веданне] + [вера]; [веданне] + [меркаванне]; [вера] + [веданне]; [меркаванне] + [веданне]; [вера] + [вера]; [меркаванне] + [веданне] + [вера]; [вера] + [меркаванне]; [меркаванне] + [меркаванне].

Мэта даследавання – раскрыць спецыфіку ўвасаблення верагоднасці ў беларускіх і англійскіх складаных сказах і ўстанавіць найбольш рэкурэнтныя камбінацыі тыпаў верагоднасці ў складаных сказах на дзвюх мовах.

Матэрыялам для даследавання паслужылі 50 беларускіх і англійскіх публіцыстычных рэцэнзій (па 25 на кожнай мове) на мастацкія кнігі, адабраныя з электронных версій часопісаў («Дзеяслоў», «Літаратура і мастацтва», «Бярозка», «The Guardian», «The Independent», «The Standard»). З тэкстаў публіцыстычных рэцэнзій былі адабраны складаныя сказы агульнай колькасцю – 952 (607 беларускіх і 345 англійскіх).

Верагоднасць, заснаваная на веданні, увасабляецца ў 98% беларускіх і 96% англійскіх складаных сказаў, аднак ісцінаснымі з’яўляюцца 79% і 75% адпаведна, астатнія – 21% і 25% – імавернасныя. Узнікае правамернае пытанне, з чым звязана колькасная неадпаведнасць паміж складанымі сказамі з верагоднасцю, заснаванай на веданні, і ісцінаснымі сказамі. Гэта тлумачыцца тым, што верагоднасць, заснаваная на веданні, рэалізуецца не толькі ў ісцінасных сказах, але і ў імавернасных для абгрунтавання веры і меркавання.

Верагоднасць, заснаваная на веданні, увасабляецца ў большасці беларускіх і англійскіх монатыпных складаных сказаў (98 % і 96 % адпаведна): *На прыкладзе такіх сітуацый, як са спадарыняй грэчкай, у невялічкіх замалёўках з рэстарачыі разглядаюцца рамантычныя стасункі, адносіны ў сям'і, падыход да працы і гэтак далей, далей, далей: тут можа быць шмат сацыяльных інтэрпрэтацый, зачэпкі для таго, каб чытаць па-рознаму, у залежнасці ад сацыяльнага досведу, Ганеева пакінула (С. Курганова). At first our attention is on Marsha – echoes of Kaspar Hauser and Frankenstein's monster in the confusing tale of his early years – but it's actually the journalist himself whom I became more and more intrigued by (L. Scholes) 'Спачатку наша ўвага звернута на Маршу – адгалоскі Каспара Хаўзера і монстра Франкенштэйна ў забытанай гісторыі яго ранніх гадоў – але на самой справе мяне заінтрыгаваў сам журналіст'. Верагоднасць, заснаваная на меркаванні, рэалізуецца ў 8 беларускіх і англійскіх монатыпных складаных сказах: *Часам падаецца, што ён перанасычаны ненарматыўнай лексікай (Т. Будовіч-Барадуля). I suppose that we have to find the good in everything (Ch. Silva) 'Я мяркую, што мы павінны шукаць добрае ва ўсім'. Маркёры верагоднасці I suppose і падаецца у галоўнай частцы складаназалежнага сказа эксплікуюць меркаванне, якое знаходзіцца ў даданай дапаўняльнай частцы. З гэтага вынікае, што верагоднасць усяго складаназалежнага сказа з даданай дапаўняльнай залежыць ад тыпу верагоднасці яго галоўнай часткі. Верагоднасць, заснаваная на веры, маніфестуецца ў 3 монатыпных сказах як у беларускай, так і ў англійскай мове: *Застаецца спадзявацца, што яго багацця хопіць яшчэ не на адзін зборнік (Ж. Капуста). One day we'll all be dead and none of this will matter (Ch. Silva) 'Аднойчы мы ўсе будзем мёртвыя, і нішто не будзе мець значэння'.***

Невялікая колькасць монатыпных сказаў з верай ці меркаваннем і пераважная большасць монатыпных сказаў з веданнем у дзвюх мовах тлумачыцца неабходнасцю абгрунтавання меркавання ці веры у адрозненне ад ведання, якое носіць фактуальны характар і не патрабуе абавязковага аргументавання іншымі тыпамі верагоднасці.

Як было адзначана, у політыпных сказах рэалізуюцца некалькі тыпаў верагоднасці, якія камбінуюцца рознымі спосабамі. Разгледзім камбінацыі тыпаў верагоднасці у складаных сказах у парадку зніжэння іх агульнай верагоднасці:

а) [веданне] + [вера]. 9 % беларускіх політыпных складаных сказаў і 24 % англійскіх змяшчаюць дадзеную камбінацыю. *І гэта яшчэ раз даказвае выбітнасць кнігі, якая несумненна будзе патрэбнай многім (Н. Кучмель). The author's stories of life growing up in Canada – "a land of ice and casual racism" – and dealing with internet bullies in a digital age are ones any millennial will be able to relate to in the 21st century (Ch. Silva) 'Апавяданні аўтара пра жыццё, які вырас у Канадзе – «краіне лёду і выпадковага расізму» – і барацьбе з інтэрнэт-*

хуліганамі ў лічбавую эпоху – гэта тыя, да якіх любое пакаленне будзе ставіцца ў 21 стагоддзі’. У галоўнай частцы змяшчаецца веданне, на якім грунтуецца вера ў даданай частцы, якая рэпрэзентуецца маркёрамі *несумненна* і формай будучага часу *будзе*. Агульная верагоднасць сказа павышаецца памяшчэннем аргументавання веры ў галоўную частку.

б) [веданне] + [меркаванне]. Камбінацыя [веданне] + [меркаванне] рэалізуецца ў 30% беларускіх і 20% англійскіх політычных сказаў. *Мы бачым розныя абліччы, што, хутчэй за ўсё, адлюстроўваюць нават не розныя этапы творчага сталення, але розныя думкі і сумневы аўтара кнігі* (Ж. Капуста). Маркёр меркавання *хутчэй за ўсё* ў даданай азначальнай частцы складаназалежнага сказа маніфестуе няўпэўненасць у характарыстыцы аб’екта галоўнай часткі. *Аўтар какетліва называе кнігу «гарадскім рамансам», але гэта хутчэй гарадская містэрыя* (В. Дзяткова). Маркёр меркавання *хутчэй* з семантыкай няўпэўненасці, сумнення выкарыстоўваецца ў раўнапраўнай частцы складаназлучанага сказа з супраціўным злучнікам *але* для рэпрэзентацыі ветлівай нязгоды рэцэнзента з пунктам гледжання аўтара кнігі, эксплікаваным ў першай частцы складанага сказа. *But one of his central theses that Dylan is the descendant of the epic poets of Greece and Rome and “the supreme artist of the English language of my time” is made with grace and fluency, perhaps best reflected in a lovely dissection of the 1964 song “Chimes of Freedom”* (A. Lees) ‘Але адзін з яго цэнтральных тэзісаў, што Дылан з’яўляецца нашчадкамі эпічных паэтаў Грэцыі і Рыма і «найвялікшым мастаком англійскай мовы майго часу», зроблены з вытанчанасцю і бегласцю, магчыма, лепш за ўсё адлюстраваным ў выдатным аналізе песні 1964 года *Куранты свабоды*’. Галоўная частка складаназалежнага сказа з даданай азначальнай ускладнена дзеепрыметнікавым зваротам, у якім змяшчаецца маркёр меркавання *perhaps* з семантыкай няўпэўненасці для змягчэння ацэначнай характарыстыкі.

в) [вера] + [веданне]. У 9% беларускіх і 10% англійскіх складаных сказаў увасабляюцца прапанаваныя тыпы верагоднасці. *Вядома, мова – жывы арганізм, яна развіваецца і змяняецца разам з грамадствам* (Ж. Капуста). *Вось addаным мінчанам і прыхільнікам рознага роду гарадскіх легенд і таямніц твор Інэсы Кур’ян спадабаецца: калі чытаць павольна, смакуючы кожны вобраз і адзначаючы чарговую адсылку да гісторыі і побыту горада, можна атрымаць вялікае задавальненне* (В. Дзяткова). *It’s certainly the right time to be worrying about such issues since, on this occasion, Erdrich’s fictional world is that of a near future marked by “biological chaos”* (L. Scoles) ‘Безумоўна, цяпер самы час турбавацца аб такіх праблемах, паколькі ў гэтым выпадку выдуманым свет Эрдрыха – гэта свет недалёкай будучыні, адзначанай «біялагічным хаосам»’. Маркёры веры выкарыстоўваюцца ў першых частках беларускіх бяззлучнікавых сказаў і ў галоўнай частцы складаназалежнага сказа з даданай акалічнаснай прычыны для маніфестацыі пункту гледжання адрасанта, заснаванага на яго ўпэўненасці; у другіх частках беларускіх бяззлучнікавых сказаў і ў даданай

акалічнаснай частцы англійскага складаназалежнага сказа ўвасабляецца веданне для абгрунтавання веры, рэпрэзентаванай ў першай/галоўнай частцы, што павышае агульную верагоднасць усяго сказа.

г) [меркаванне] + [веданне]. Дадзеная камбінацыя рэалізуецца ў 52 % беларускіх і 40 % англійскіх складаных сказаў: **Мяркую, што аўтар мае пэўны аўтарытэт у літаратуры, у яго ўжо ёсць значныя працы** (Т. Будовіч-Барадуля). Прапанаваны сказ з рознымі відамі сувязі (падпарадкавальнай і бяззлучнікавай) складаецца з трох частак. Маркёр меркавання *мяркую* знаходзіцца ў першай частцы, само меркаванне адрасанта выражана ў другой частцы, трэцяя частка эксплікуе веданне, якое з'яўляецца аб'ектыўнай падставай для меркавання ў папярэдніх частках, што павышае верагоднасць усяго сказа. **Бадай, самыя важныя радкі ў кнізе тыя, якімі заканчваецца раздзел «Высна Літаратура», дзе бачым спробу асэнсавання пісьменніцкага таленту, паклікання альбо, прынамсі, жадання «калі не грунтоўна ўхапіць Бога за бараду, дык хаця б выдзерці з яе шматок шчэці ў якасці доказу ўласнае самасці»** (Ж. Капуста). У дадзеным складаным сказе з некалькімі даданымі часткамі маркёр меркавання *бадай* у галоўнай частцы змягчае ацэнчнае суджэнне, астатнія часткі імпліцытна рэпрэзентуюць веданне, якое надае папярэдняму меркаванню аб'ектыўнасць і павышае агульную верагоднасць сказа. *Although it might seem like Future Home of the Living God is its own unexpected mutation in Erdrich's oeuvre, the novel's underlying themes – those of adoption, parentage and lineage – have also been central to some of her other works, particularly the two novels that preceded this one, the 2012 National Book Award-winning* (L. Scoles) 'Хоць можа здацца, што «Будучы дом Жывога Бога» – гэта ўласная нечаканая мутацыя ў творчасці Эррых, асноўныя тэмы рамана – усынаўленне, лінія сваяцтва і паходжанне – таксама былі цэнтральнымі ў некаторых іншых яе работах, асабліва ў двух раманах, якія папярэднічалі гэтаму і былі ўзнагароджаны Нацыянальнай Кніжнай Прэміяй 2012 года'. У першых двух частках увасабляецца меркаванне, у астатніх двух – веданне. Адрасант выкарыстоўвае дадзеную камбінацыю для аргументавання ўласнага дапушчэння, якое носіць факультатыўны характар і можа быць не прынята адрасатам.

д) [меркаванне] + [веданне] + [вера].

Perhaps that's not so surprising as the author has been the interviews editor for The Believer magazine for many years as well as the executive producer of the radio shows – clearly he is an expert in the spoken word and oral storytelling (L. Scoles) 'Магчыма, гэта не дзіўна, паколькі аўтар ужо шмат гадоў з'яўляецца рэдактарам інтэрв'ю для часопіса *The Believer*, а таксама выканаўчым прадзюсарам радыёпастановак – відавочна, ён з'яўляецца экспертам у вусным маўленні і вусным расповедзе гісторый'. Дадзены складаны сказ змяшчае тры часткі, у кожнай з якіх эксплікуюцца розныя тыпы верагоднасці. Цэнтральная частка рэпрэзентуе веданне, якое ўзмацняе меркаванне ў першай частцы і дае падставы для вывада, заснаванага на веры, у трэцяй частцы. Маркёр меркавання *perhaps*

зніжае катэгарычнасць ацэначнай характарыстыкі, якая вынікае з даданай часткі прычыны. Маркёр веры *clearly* маніфестуе моцную ўпэўненасць адрасанта ў праўдзівасці ўласнага вываду і імкненне навязаць адрасату прапанаваны пункт гледжання, які абгрунтоўваецца даданай часткай прычыны з верагоднасцю, заснаванай на веданні.

е) [вера] + [меркаванне].

It's a structure many, no doubt, wouldn't be able to pull off, but O'Farrell's existence has seemingly been as crammed full with illness, accident and spine-tingling close calls as a character (L. Scoles) 'Гэта структура, якую многія, без сумневу, не змаглі б ажыццявіць, але жыццё О'Фарэла, відаць, было настолькі ж перапоўнена хваробамі, няшчаснымі выпадкамі і вострымі адчуваннямі, што і персанажа'. Мадальнае слова *no doubt* рэпрэзентуе верагоднасць, заснаваную на веры, у другой частцы складанага сказа з рознымі відамі сувязі (падпарадкавальнай і злучальнай). Агульная верагоднасць сказа зніжаецца за кошт выкарыстання маркёра меркавання *seemingly* у яго апошняй частцы. Камбінацыя [вера] + [меркаванне] робіць сказ менш катэгарычным: эксплікатар веры надае пункту гледжання адрасанта безальтэрнатыўнасць, што абгрунтоўваецца часткай складаназлучанага сказа з верагоднасцю, заснаванай на меркаванні. Аднак у дадзеным выпадку вера абгрунтоўваецца не веданнем, а меркаваннем, што адначасова зніжае і верагоднасць усяго сказа, і катэгарычнасць погляду адрасанта.

Дзве апошнія камбінацыі тыпаў верагоднасці рэалізуюцца толькі ў англійскіх публіцыстычных рэцэнзіях, што тлумачыцца большым імкненнем англамоўных рэцэнзентаў да зніжэння катэгарычнасці ацэначных характарыстык.

Самая частотная камбінацыя тыпаў верагоднасці ў беларускіх і англійскіх складаных сказах – [меркаванне] + [веданне] (53 % і 40 % адпаведна), што абумоўлена жаданнем рэцэнзентаў абараніць уласны пункт гледжання, даказаць яго адпаведнасць стану спраў у рэчаіснасці. Пункт гледжання адрасанта эксплікуецца часткай складанага сказа з маркёрамі меркавання, верагоднасць якога павышаецца за кошт другой часткі, у якой увасабляецца веданне, што дае адрасанту аб'ектыўныя падставы для пераканання адрасата ў адпаведнасці зместу сказа рэчаіснасці. Другое месца па частотнасці ў беларускіх рэцэнзіях займае камбінацыя [веданне] + [меркаванне] (30 %), у англійскіх – [веданне] + [вера] (24 %). Гэта абумоўлена тым, што для беларускамоўных рэцэнзентаў больш характэрным з'яўляецца абгрунтаванне часткі сказа з веданнем уласным дапушчэннем, што дае магчымасць адрасату сфармуляваць свой пункт гледжання або пагадзіцца з дапушчэннем адрасанта. У англійскіх рэцэнзіях камбінацыя [веданне] + [вера] акцэнтуюе імкненне адрасанта дадаць аб'ектыўнасці той частцы сказа, у якой рэпрэзентавана вера, што пазбаўляе адрасата магчымасці сфармуляваць уласны погляд на прадмет маўлення.

З пункту гледжання верагоднасці большая колькасць складаных сказаў у рэцэнзіях на дзвюх мовах з’яўляюцца ісцінаснымі, у якіх рэалізаваны адзін тып верагоднасці – [веданне] + [веданне], што абумоўлена тэндэнцыяй беларускамоўных і англамоўных рэцэнзентаў да сапраўднай ацэнкі прадмета рэцэнзіі, якая адпавядае стану спраў у рэчаіснасці, да праўдзівага адлюстравання падзей і ўласных пачуццяў, выкліканых рэцэнзуемай кнігай. Выкарыстанне імавернасных складаных сказаў з рознымі камбінацыямі тыпаў верагоднасці ў дзвюх мовах накіравана на зніжэнне катэгарычнасці ацэначных характарыстык, на прадастаўленне магчымасці адрасату сфармуляваць уласны погляд на рэцэнзуемую кнігу ці пагадзіцца з пунктам гледжання рэцэнзента. Складаныя сказы з камбінацыямі [веданне] + [вера], [веданне] + [меркаванне], [вера] + [веданне], [меркаванне] + [веданне] з’яўляюцца імавернаснымі, аднак за кошт наяўнасці частак з веданнем іх верагоднасць павышаецца, так як імавернасць – шлях да верагоднасці [2, с. 22].

У выніку параўнальнага аналізу складаных сказаў з пункту гледжання іх верагоднаснага патэнцыялу можна зрабіць наступныя высновы: катэгорыя верагоднасці ўвасабляецца ў кожнай частцы складанага сказа; верагоднасць складанага сказа залежыць ад тыпаў верагоднасці яго састаўных частак; пераважная большасць складаных сказаў у дзвюх мовах з’яўляюцца ісцінаснымі, што тлумачыцца імкненнем рэцэнзентаў да праўдзівага адлюстравання стану спраў у цяперашнім ці прошлым часе; большасць імавернасных складаных сказаў утрымліваюць камбінацыі [веданне] + [вера] / [меркаванне], якія выкарыстоўваюцца для адлюстравання адрасантам магчымай адпаведнасці зместу сказа стану спраў у цяперашнім, прошлым ці будучым часе. У складаных сказах дзвюх моў [меркаванне] + [веданне] – самая частотная камбінацыя, што сведчыць аб выкарыстанні ідэнтычных сродкаў беларускімі і англійскімі рэцэнзентамі, каб надаць сказам аб’ектыўныя падставы для павышэння іх верагоднасці. Разыходжанні заключаюцца ў камбінацыях, займаючых другое месца па рэкурэнтнасці ў дзвюх мовах: [веданне] + [меркаванне] (беларуская), [веданне] + [вера] (англійская). Гэта абумоўлена тым, што для беларускамоўных рэцэнзентаў больш рэлевантным з’яўляецца ініцыяваць узнікненне самастойнага ўражання ў адрасата аб рэцэнзуемай кнізе, для англамоўных – зацвердзіць свой погляд, пераканаць у адзіна магчымым варыянце развіцця падзей.

ЛІТАРАТУРА

1. Иофик, Л. Л. Хрестоматия по теоретической грамматике английского языка / Л. Л. Иофик, Л. П. Чахоян. – Л. : Просвещение, 1972. – 216 с.
2. Соловей, А. А. Логико-семантические и прагматические характеристики лингвистической достоверности (на материале белорусских и английских научных рецензий) / А. А. Соловей // Вестник МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2019. – № 5 (102). – С. 21–28.

УДК 81'27

Лускин Виталий Владимирович

магистрант кафедры общего
языкознания
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Vitaly Luskin

Master student of the Chair
of General Linguistics
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
kitammil@gmail.com

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ОБРАЩЕНИЯ «НА ТЫ» И «НА ВЫ»
В АНГЛИЙСКОМ, РУССКОМ, ФРАНЦУЗСКОМ
И КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКАХ

ABOUT THE FEATURES OF FORMAL AND INFORMAL INDICATION
OF THE SECOND PERSON IN ENGLISH, RUSSIAN, FRENCH
AND KOREAN LANGUAGES

В статье представлен анализ лингвокультурологических особенностей указания на второе лицо в английском, русском, французском и корейском языках.

The article presents an analysis of the linguistic and cultural features of indicating the second person in English, Russian, French and Korean.

К л ю ч е в ы е с л о в а: местоимения; референция; социальный статус; коммуникативные ситуации; указание на второе лицо; лингвокультурологические особенности.

Key words: pronouns; reference; social status; communicative situations; indication of the second person; linguistic and cultural features.

Русский, английский и французский языки относятся к разным языковым группам, географическая близость и долгая история взаимодействия между говорящими на этих языках странами повлекла за собой определенную унификацию системы местоимений. В абсолютном большинстве ситуаций русский и французский языки выбирают местоимения-корреляты (*ты - tu, Вы - vous*) [1, с. 46]. Наличие в современном английском одной формы местоимения второго лица *you*, влияет на выбор адекватной формы местоимения второго лица в языке перевода в соответствии с его социокультурными нормами. Корейский, в силу своей принадлежности к алтайской семье языков, обладает рядом отличий от английского, русского и французского. Так, в корейском возможно не использовать местоимения второго лица при обращении к собеседнику, чаще используется обращение по «титулу» (профессии, должности, степени родства и т.д.). Или же эксплицитная референция вовсе опускается, уступая место

сугубо имплицитной, когда референт и без того понятен из контекста (так называемое нулевое обращение) [2, с. 310]. С социокультурной точки зрения, в корейском языке наиболее ярко отражено почтительное отношение к старшим (как по возрасту, так и по положению в какой-либо иерархии). Общий перечень местоимений второго лица несколько шире, чем в других исследуемых языках, и покрывает специфичные ситуации [2, с. 311].

Цель исследования – выявить особенности в реализации референции ко второму лицу в исследуемых языках.

В качестве материала исследования послужило произведение Джоан К. Роулинг «Harry Potter and the Sorcerer's Stone». В результате сопоставления оригинального текста и его переводов на русский, французский и корейский языки были отобраны идентичные контексты, в которых местоимения второго лица используются для обращения к слушающему. Вслед за В. И. Карасиком мы выделяем 4 основных *типа коммуникативных ситуаций*:

- 1) нижестоящий говорящий обращается к вышестоящему слушающему (обращение ребенка к родителю или ученика к учителю);
- 2) вышестоящий говорящий обращается к нижестоящему слушающему (обращение родителя к ребенку или учителя к ученику);
- 3) говорящий и слушающий равны (ребенок обращается к ребенку);
- 4) говорящий и слушающий равны (взрослый обращается к взрослому) [3].

Так, в первом и втором случаях существует разница в социальных статусах, создающая необходимость в более аккуратном выборе средств обращения к собеседнику (в первом случае), либо, напротив, большую степень свободы в том же выборе (во втором случае). Третий и четвертый типы иллюстрируют ситуации общения между равными по статусу участниками коммуникации, акцентируя внимание на их принадлежность к определенной возрастной группе.

Рассмотрим полученные результаты для каждого типа ситуаций.

В ситуации *первого типа* (обращение нижестоящего говорящего к вышестоящему слушающему) наблюдаются определенные тенденции в выборе средств обращения. Так, в русском и французском языках дети вежливо обращаются к учителям и незнакомым взрослым «на Вы», в то время как более близких людей, например, родителей или хороших знакомых, они предпочитают называть «на ты». Корейскому языку присуще опускание местоимений, с выражением вежливости посредством грамматики, а именно неофициально-вежливых глагольных окончаний - 아/어요 и специальных вежливых форм глаголов, например 알다 [alda] 'знать', которое трансформируется в 아신다 [asinda].

- (1) Гарри обращается к Дамблдору:

EN: How did **you** know — ?

RU: Откуда **вы** знаете? – изумленно выдохнул Гарри.

FR: *Comment savez-vous ?*

KR: 어떻게 아셨어요? [ottoke asyossoyo]

Рассмотрим ситуации, в которых выявлены расхождения в формах местоимений в одном из языков.

В русской и французской культурах важным этапом межличностных отношений является переход с «Вы» на «ты». Такой переход имел место в русском переводе произведения:

(2) Гарри обращается к Хагриду вскоре после их знакомства:

EN: *I haven't got any money – and **you** heard Uncle Vernon last night ... he won't pay for me to go and learn magic.*

RU: – У меня нет денег, и **вы**..., – великан внимательно посмотрел на него, словно напоминая о вчерашнем уговоре. Гарри вдруг понял, что ему, всегда такому вежливому и обращающемуся на «**вы**» ко всем старшим, будет легко называть Хагрида на «**ты**». Потому что Хагрид относился к нему с большей теплотой, чем кто бы то ни было, и вел себя как друг. – **Ты** слышал, что сказал вчера вечером дядя Вернон. Он не будет платить за то, чтобы я учился волшебству.

FR: – *Comment va-t-on faire pour acheter tout ça ? demanda-t-il. Je n'ai pas d'argent et l'oncle Vernon refuse de payer mes études de sorcier.*

KR: 전 돈이 없어요. 그리고 어젯밤 버논 이모부가..... 마법을 배우는 데는 돈을 대지 않겠다고 했잖아요. [jon doni opssoyo geurigo ojetppam bonon imobuga mabobeul baeuneun deneun doneul daeji anketttago haetjjanayo]

Хотя несколькими страницами позже Гарри снова называет Хагрида на «Вы». Вероятно, такое обращение должно показать, что в русской языковой традиции ребенку сложно начать обращаться ко взрослому «на ты».

(3) Гарри обращается к Хагриду чуть позже:

EN: “**You** don't have to –”

RU: Но **вы** совсем не обязаны...

FR: **Vous** n'êtes pas obligé, dit-il.

KR: 굳이 하실 필요는 없..... [guji hasil piryoneun op]

Показательно, что Гарри обращается «на ты» к мистеру Дурслю, его дяде, во французском тексте. Сама просьба отвезти Гарри на вокзал сформулирована крайне вежливо на всех четырех языках, однако выбор местоимения *tu* был сделан только во французском варианте:

(4) Гарри просит мистера Дурсля отвезти его на вокзал, чтобы он смог отправиться в Хогвартс, против чего мистер Дурсль так ярко протестовал:

EN: *Would it be all right if **you** gave me a lift?*

RU: **Вы** не могли бы меня отвезти?

FR: *Est-ce que **tu** voudrais bien m'y conduire ?*

KR: 태워다 주실 수 있으세요? [*taewoda jusil su isseuseyo*]

Теперь рассмотрим ситуацию *второго tuna* (обращение вышестоящего говорящего к нижестоящему слушающему). Аналогично с предыдущей коммуникативной ситуацией, в текстах встречались как обращения «на ты» (родители обращаются к своим детям), так и обращения «на Вы» (учителя обращаются к ученикам). Из общей тенденции несколько выбиваются Хагрид и профессор Дамблдор, обращающиеся к Гарри на ты. Предполагаем, что это связано с тесной связью, объединяющей каждого из них с Гарри. Эта близость подчеркивается посредством менее дистанцирующего и формального местоимения *ты*.

(5) Хагрид обращается к Гарри:

EN: *...**yeh**'ll know all about Hogwarts, o' course.*

RU: **Ты**, конечно, знаешь, что это за штука такая, Хогвартс?

FR: ***Tu** sais déjà ce qu'est Poudlard, j'imagine ?*

KR: 너도 물론 호그와트에 대해 들어 봤겠지만, 이제 다 알게 될 거야.
[*nodo mulron hogueuwateue daehae deuro bwatketjjiman ije da alge dwel goya*]

Для корейского языка характерным оказалось обращение учителей к ученикам «на ты», что лишний раз подчеркивает место, занимаемое социальной иерархией в корейской культуре. Например:

(6) Профессор Снегг обращается к Гарри:

EN: *"**You** – Potter – why didn't you tell him not to add the quills?*

RU: **Вы**, Поттер, почему вы не сказали ему, что нельзя добавлять в зелье иглы дикобраза?

FR: *Potter, pourquoi ne lui avez-vous pas dit qu'il ne fallait pas ajouter les épines tout de suite ?*

KR: 너, 포터, 그 녀석에게 왜 바늘을 넣지 말라고 하지 않았어? [*no poto geu nyosogege wae baneureul nochi malrago haji anasso*]

В *третьем tunc* ситуаций (обращение «равного к равному» между детьми) не было выявлено никаких расхождений между языками: дети ожидаемо обращались друг к другу «на ты». Корейский язык зачастую местоимения опускал.

И наконец, *четвертый tunc* ситуаций (общение между двумя равными по статусу взрослыми) представляет больший интерес. В этой ситуации можно встретить как обращение «на ты» между хорошо знакомыми людьми, так и обращение «на Вы» между незнакомцами или коллегами. Корейский язык

обладает широким набором местоимений второго лица, которые позволяют более дифференцированно обозначать отношения между коммуникантами. Например, в общении между супругами может быть употреблено местоимение **당신** [dangsin], обладающее свойством маркировать интимные отношения. Например:

(7) Мистер Дурслъ обращается к жене:

EN: Er – Petunia, dear — **you** haven't heard from your sister lately, have you?

RU: Э... Петунья, дорогая... **Ты** давно не получала известий от своей сестры?

FR: Euh... Pétunia, ma chérie, dit-il, **tu** n'as pas eu de nouvelles de ta sœur récemment ?

KR: 저... 페투니아, **당신** 최근에 동생 소식 못 들었소? [jo petunia **dangsin** chwegeune dongsaeng sosik mot deuotsso]

Однако это же местоимение **당신** [dangsin] можно встретить в совершенно иной ситуации:

(8) Мистер Дурслъ обращается к вломившемуся в его жилище незнакомцу (Хагриду):

EN: "I demand that **you** leave at once, sir!" he said. "**You** are breaking and entering!"

RU: Я требую, чтобы **вы** немедленно покинули этот дом, сэр! – заявил он. – **Вы** взломали дверь и вторглись в чужие владения!

FR: Monsieur, j'exige que **vous** sortiez d'ici immédiatement, dit-il. **Vous** avez commis une violation de domicile avec effraction.

KR: "당장 이곳에서 나가시오, **선생!**" 그가 말했다. "**당신**은 지금 무단 침입을 하고 있는 거요!" [dangjang igoseso nagasio **sonsaeng** geuga malhaetta **dangsineun** jigeum mudan chimibeul hago inneun goyo]

Так же, как русский и французский переводы, корейский вариант этой фразы является явно вежливым (это можно определить по неформально-вежливым глагольным окончаниям, а также вежливому обращению **선생** [sonsaeng] 'старший'), но в то же время передает враждебность мистера Дурсля посредством использования того же местоимения **당신** [dangsin], что, на наш взгляд, обусловлено особенностями корейского менталитета и культуры.

Таким образом, выбор формы местоимения при обращении ко второму лицу в единственном числе зависит от двух факторов: от существующей системы местоимений и от специфичных лингвокультурологических особенностей. Несмотря на то, что в большинстве случаев выбор обращения «на ты» или «на Вы» в русском и французском языках полностью совпадает, выявлены

единичные расхождения. Система корейских местоимений характеризуется относительным богатством по сравнению с системами английского, русского и французского языков, что позволяет нюансировать межличностные отношения между собеседниками.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шейпак, С. А.* Формы ты/Вы обращения во французском корпоративном этикете в сопоставлении с русским / С. А. Шейпак // Полилингвильность и транскультурные практики. – 2012. – № 2. – С. 42–53.
2. *Ён, Квон.* Особенности корейского обращения / Квон Ён // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9, Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2007. – № 1-2. – С. 304–314.
3. *Карасик, В. И.* Язык социального статуса / В. И. Карасик ; Волгогр. гос. пед. ин-т. – М. : Ин-т языкознания АН СССР, 1991. – 495 с.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

1. *Роулинг, Дж. К.* Гарри Поттер и Философский Камень / Дж. К. Роулинг. – М. : РОСМЭН, 2001. – 400 с.
2. *Rowling, J. K.* Harry Potter and the Sorcerer's Stone / J. K. Rowling. – New York : Scholastic, 1997. – 309 p.
3. *Rowling, J. K.* Harry Potter à l'école des sorciers / J. K. Rowling. – Paris : Éditions Gallimard, 1998. – 308 p.
4. *Rowling, J. K.* 해리포터와 마법사의 돌 / J. K. Rowling. – Seoul : 문학수첩, 2000. – 472 p.

МОДЕЛИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ В РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ ДИСКУРСА

MODELS OF SPEECH BEHAVIOUR IN DIFFERENT TYPES OF DISCOURSE

УДК 81'42

Метлушко Ирина Владимировна

кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой фонетики
и грамматики английского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Irina Metlushko

PhD in Philology, Associate Professor
Head of the Chair of English Phonetics
and Grammar
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
metluschko@mail.ru

СПОСОБЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ АВТОРСКОЙ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТИ ПОЭТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

METHODS OF AUTHOR'S INTENTIONALITY IDENTIFICATION IN POETRY DISCOURSE

В статье проводится анализ и разграничение интуитивного, моно- и полидисциплинарного (интегративного) подходов к реконструкции авторской интенциональности в современной лингвистике. Особое внимание уделено возможности идентификации вторичной интенциональности как вербального отражения авторской (первичной) интенциональности. Приводятся данные комплексного исследования по выявлению интенциональности в современном белорусскоязычном поэтическом дискурсе. Делается вывод о перспективности интегративного подхода к реконструкции вторичной интенциональности.

The article represents the results of the analysis and differentiation of the intuitive, mono- and polydisciplinary (integrative) approaches to the reconstruction of the author's intentionality in modern linguistics. Special attention is paid to the possibility of identifying secondary intentionality as a verbal reflection of the author's (primary) intentionality. The data of a comprehensive study on identifying intentionality in modern Belarusian poetic discourse are presented. The conclusion is drawn that the integrative approach to the reconstruction of the secondary intentionality is promising.

К л ю ч е в ы е с л о в а: авторская интенциональность; первичная и вторичная интенциональность; поэтический дискурс; дискурсология.

Key words: author's intentionality; primary and secondary intentionality; poetic discourse; discoursology.

Язык как знаковая система, выполняющая коммуникативную, аккумулятивную, прагматическую, магическую и прочие функции все чаще выступает средством для изучения когнитивно-мыслительных операций человека. Несмотря на скепсис к возможности всестороннего познания сути мыслительной деятельности человека, вербальный код представляет собой доступную для многогранного изучения вербализованную сторону мышления. Благодаря способности человека облачать свои мысли в слова, возможно изучение закономерностей построения, систематизации, именования, выражения тех или иных суждений, умозаключений и понятий. Более того, стремительное развитие некоторых современных технологий невозможно без лингвокогнитивного осмысления речемышлительной деятельности человека как звена в стремлении «стереть концептуальные различия между процессами построения текста человеком и компьютером» [1, с. 26].

В последнее время ведущая категория в текстопорождении – авторская интенциональность все чаще оказывается в центре исследований (Л. Р. Дускаева, И. М. Кобозева, З. А. Заврумов, Е. В. Вострикова, О. А. Алимурадов и др.). Представление об авторской интенциональности, с одной стороны, мыслится как некоторый коммуникативный, во многом интуитивный навык человека, во многом гарантирующий успешную коммуникацию. «От верного определения речевого намерения говорящего зависит то, что мы (и он сам, разумеется) будем считать коммуникативным успехом или коммуникативной неудачей. Не зная о коммуникативном намерении говорящего или отказываясь от анализа коммуникативного намерения автора текста, мы лишаем себя базы, на основании которой можно делать какие-либо заключения о приведенном тексте» [2, с. 77]. Интуитивный способ установления интенциональности широко применим в повседневной жизни при работе человека с текстами в широком понимании этого термина.

С другой стороны, является значимым вопрос о множественности реконструкции, формализации и интерпретаций авторской интенциональности, получившей воплощение в тексте. Вопрос об установлении интенциональности в том или ином виде задавали себе еще древние философы. Особое значение приобрело изучение данного феномена в риторике и окончательно утвердилось необходимость исследования данной категории с распространением теории речевых актов и когнитивной революции. В эпоху нейросети разработка терминологической номенклатуры, критериев, методологии и способов выявления авторской интенциональности стоит на передовой научных вызовов XXI века. Изучение интенциональности как текстопорождающего феномена ведется как с моно-, так и с полинаучных (интегративных) перспектив.

Термин *интенциональность* происходит от *интенция* (лат. *intentio* ‘намерение, замысел’) и получает множество уточнений в зависимости от подхода. Несмотря на отсутствие номенклатурного единства, принято разграничивать первичную, авторскую интенциональности (как когнитивно-мыслительную операцию) и ее вербальное воплощение – вторичную интенциональность.

Если первая является когнитивным феноменом, сложнодоступным для изучения нейронауке и лингвистике на современных этапах их развития, то вторичная интенциональность уже подвергается изучению лингвистами, лингвопсихологами, специалистами по коммуникации и др.

Например, в русле психологии и лингвопсихологии развивается молодое направление *интент-анализа*, разрабатываемого Лабораторией психологии речи и психолингвистики Института психологии РАН. В основе данного метода лежит идея о возможности установления внутреннего смысла политических агитационных текстов посредством психосемантического анализа. Исследователи стремятся выявить взаимосвязь между прагматической составляющей высказывания и интенциональной направленностью субъектов. Параллельно ведется работа над созданием оперативного словаря интенций. Особенностью данного направления является то, что исследования проводятся преимущественно на материале диалогической речи, реализованной в медийном и интернет-дискурсе. К наиболее известным представителям данного направления относятся Н. Д. Павлова, А. И. Дунев, В. А. Афиногенова, А. Ф. Бондаренко, Е. Ю. Чеботарева и др.

К попыткам установления интенциональности на основе лингвистической методологии можно отнести результаты работы проблемной группы под руководством Н. Д. Арутюновой «Логический анализ языка» (1980-е гг.), а также исследование А. Р. Арутюнова, П. Г. Чеботарева и созданный ими справочник «Интенции диалогического общения и их стандартные реализации». Кроме того, была разработана методика установления интенциональности диалогической речи.

Отметим также труды Л. Р. Дускаевой, разрабатывающей отдельное научное направление в исследовании интенциональности – *интенциональную стилистику*. В основе последней находится идея о детерминированности формы текста его содержанием.

Благодаря развитию когнитивистики, было предпринято значительное количество дальнейших попыток внести ясность в терминологию и способы исследования интенциональности. Это отражено в работах М. Н. Кожиной, Г. Я. Солганик, Е. С. Кубряковой, Н. И. Клушиной, И. М. Кобозевой, Ю. Д. Апресяна, М. А. Дмитривской, А. А. Зализняк и др.

В настоящем исследовании под *интенциональностью* следует понимать экстралингвистическую, дотекстовую «глобальную целеустановку адресанта, которая реализуется в семантической структуре дискурса, коммуникативных стратегиях, языковых маркерах семантических компонентов и стратегий, а также в стилистических средствах акцентуации ведущей авторской интенции» [3]. Значимым для данного, как и для других лингвистических исследований интенциональности, является идея А. Р. Арутюнова: «Интенция – это то, что встретилось в материале, а не то, что, как мы думаем, там должно быть», изначально включающая ограничение на наши способности к выявлению первич-

ной интенциональности и указывает на возможность установления вторичной интенциональности путем проведения анализа авторской интенциональности, получившей воплощение в тексте.

Немаловажным является и то, что автор и адресат заинтересованы в успешном столкновении их картин мира в рамках некоторого текста. Автор со своей стороны выбирает форму изложения, жанр, персонажей, языковые способы реализации коммуникативных целей, задач и интенций, ведет адресата за собой по тексту, задействуя весь языковой арсенал и структурные потенциал текста, чтобы быть понятым адресатом. Именно для этого автор оставляет в тексте «ключи» позволяющие адресату снижать уровень интерпретативной многогранности текста, понимать ту прагматическую нагрузку, которой автор наделяет свое сообщение и к чему побуждает адресата. Более того, автор использует «слова естественных языков, обозначающие соответствующие явления внутреннего мира» [4] – интенциональные состояния. «В значениях этих слов зафиксированы результаты опыта интроспекции многих поколений людей – “народная психология”, доказавшие свою адекватность уже тем, что использование этих слов обеспечивает приемлемый уровень взаимопонимания между людьми» [4]. Исследователями были выделены семантические единицы, входящие в значение слов, и участвующие в описании интенциональных состояний коммуникантов: ‘воспринимать’, ‘считать (иметь в уме)’, ‘хотеть’, ‘намерен’, ‘чувствовать (испытывать эмоцию)’, ‘достоверно’, ‘возможно’, ‘вероятно’, ‘хорошо’, ‘плохо’, ‘приятно’, ‘неприятно’ [4]. Однако данный перечень не является исчерпывающим.

С целью установления авторской интенциональности современного белорусско- и русскоязычного поэтического дискурса нами было проведено трехэтапное исследование 100 поэтических текстов двумя группами респондентов (суммарно 315 человек).

На первом этапе 300 человекам («наивным респондентам») было предложено выявить авторскую интенциональность поэтического текста, прибегая к интуиции и имеющимся у них навыкам бытового лингвистического анализа. Установлено, что 75 % респондентов имели значительные совпадения в идентификации вторичной интенциональности белорусскоязычного поэтического дискурса, 13 % – имели незначительные расхождения. 11 % респондентов по-разному идентифицировали интенции в предложенных для анализа текстах (рис. 1).

Рисунок 1. Результаты реконструкции авторской интенциональности интуитивным способом «наивной аудиторией», %

Например, анализируя стихотворение Абзакова «Паркалёвыя ўспаміны»: *Давай той дзень успомнім, Галя, / калі з сельпоўскай крамы / адрэз квяцістага паркалю / дамоў прынесла мама. / Якія то былі абновы / табе, / і мне, / і брату! / Ад успамінаў паркалёвых / аж пасвятлела хата* [5, с. 62] респонденты, у которых было отмечено значительное совпадение при реконструкции авторской интенциональности, писали, что «автор хотел рассказать о теплых семейных воспоминаниях»; группа респондентов, ответы которых попали в категорию «незначительные расхождения» отмечала, что «автор хотел сказать о значимости семейных отношений» и «поделиться воспоминанием»; авторская интенциональность формулировалась как «умение радоваться малому», «утрата».

Таким образом, установлено, что на интуитивном уровне респонденты способны в значительной степени (75 % респондентов) и с небольшими вариациями (13 %) к близкой смысловой реконструкции вторичной авторской интенциональности. Аналогичное процентное соотношение наблюдается и при реконструкции интенциональности в других поэтических текстах. Также отмечено, что процентное расхождение между категориями «значительное совпадение» и «значительное расхождение» зависит от объема текста. При увеличении текста респонденты испытывают больше сложностей в установлении иерархических отношений между интенциями, первостепенно выделяя наиболее значимые для них интенции в силу личного опыта, эмоционального состояния, ассоциаций и т.д.

На втором этапе группе экспертов – магистрам, кандидатам и докторам филологических наук предлагалось провести реконструкцию интенциональности на основе лингвистического анализа текста с применением контекстуального метода, метода компонентного анализа, метода количественной обработки данных, сопоставительного анализа тех же текстов, что были предложены «наивной аудитории» (рис. 2).

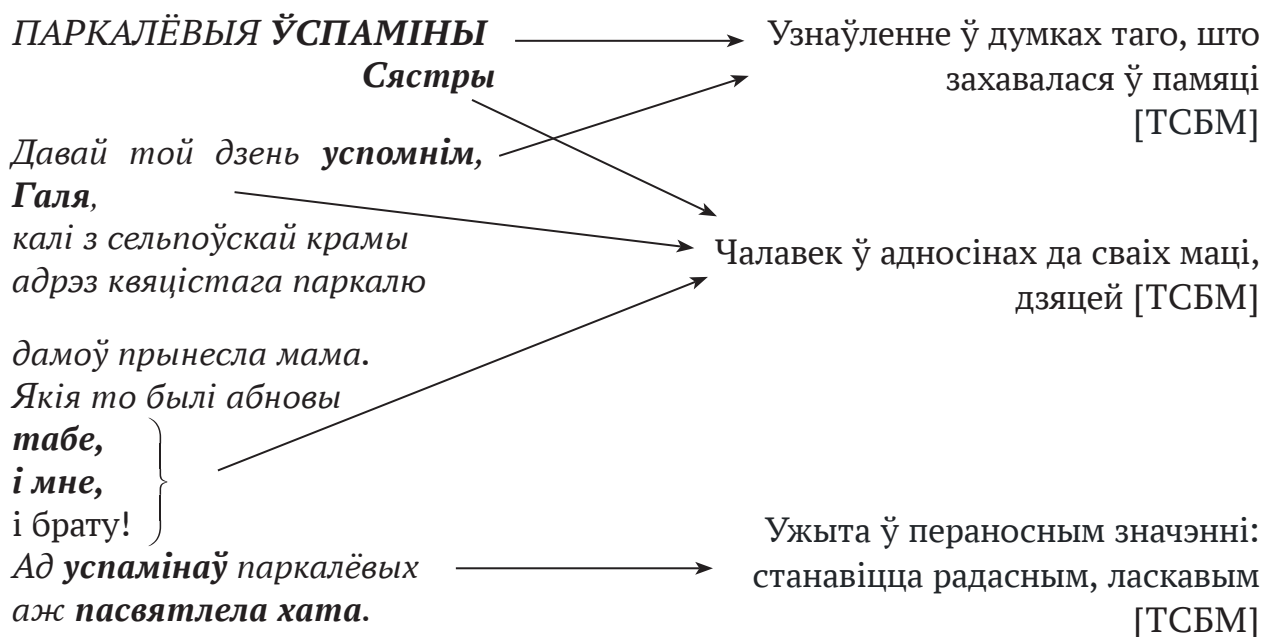

Рисунок 2. Пример реконструкции вторичной интенциональности на основе лингвистического анализа текста

При анализе данного стихотворения исследователями были выделены языковые единицы, указывающие на воспоминания (*успамін, успомні, успамінаў*) и участники этих воспоминаний (*сястры, Галя, табе, мне, брату*), а также метафора, обозначающая эмоциональное состояние лирического героя (*пасвятлела хата*). Используя классификацию авторских интенциональных состояний, разработанную в РАН, семантические единицы, входящие в значение слов и участвующие в описании интенциональных состояний лирического героя, можно представить следующим образом (табл. 1):

Т а б л и ц а 1

Интенциональное состояние, получившее воплощение
в стихотворении А. Зэкава «Паркалёвы ўспамін»

Интенциональные состояния	
Воспринимать	Чувствовать (испытывать эмоцию), приятно
Успамін + удакладненне (<i>Галя, табе, мне, брату, маці, сястры</i>)	<i>Пасвятлела хата</i>

Отметим, что результаты лингвистического анализа реконструкции вторичной авторской интенциональности, проведенные группой экспертов подтвердили результаты работы группы «наивных респондентов». Так, 75 % ответов респондентов, которые имели значительные сходства в выявлении и формализации интенциональности анализируемого белорусскоязычного поэтического дискурса, а также 13 % ответов респондентов с небольшими вариациями в реконструкции авторской интенциональности совпали с результатами анализа авторской интенциональности, проведенного группой экспертов.

Таким образом, исследование показало, что интуитивное распознавание авторской интенциональности поэтического дискурса, несмотря на всю образность и богатство задействованного языкового материала в данном дискурсивном жанре, не является помехой для значительных сходств в распознавании авторской интенциональности респондентами. Более того, предпринятая попытка лингвистической реконструкции авторской интенциональности группой экспертов подтверждает достоверность выделенной «наивной аудиторией» авторской интенциональности. Вместе с тем установлено, что полиинтенциональность текста значительного объема ведет к увеличению расхождений в выделении и систематизации реконструированных интенций. Перспективной представляется разработка классификации интенциональности с учетом прагматического компонента.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карпилович, Т. П. Когнитивно-коммуникативная модель смысловой компрессии научного текста : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Т. П. Карпилович. – М., 2005. – 203 л.

2. Рогова, К. А. Текс. Теоретические основания и принципы анализа / К. А. Рогова. – СПб. : Златоуст, 2015. – 456 с.

3. Карпилович, Т. П. Типы модальности и интенциональность медиадискурса / Т. П. Карпилович // Материалы ежегодной научной конференции преподавателей и аспирантов университета, 19-20 апреля 2018 г. : в 4 ч. / Мин. гос. лингвист. ун-т ; редкол.: Л. А. Тарасевич (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2018. – Ч. 2. – С. 199–201.

4. Кобозева, И. М. К распознаванию интенционального компонента смысла высказывания (теоретические предпосылки) [Электронный ресурс] / И. М. Кобозева. – Режим доступа : <http://www.dialog-21.ru/media/2642/kobozeva.pdf>. – Дата доступа : 10.09.2021

5. Зэкаў, А. Паркалёвы ўспамін / А. Зэкаў // Польша. – 2018. – № 7. – С. 62.

УДК 81'42

Беляева Вероника Николаевна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
Федеральное государственное казенное
военное образовательное учреждение
высшего профессионального
образования «Ярославское высшее
военное училище противовоздушной
обороны (ЯВВУ ПВО)»
г. Ярославль, Россия

Veronika Belyaeva

PhD in Philology, Associate Professor
of the Chair of the Russian Language
Federal State Military Educational
Institution of Higher Professional
Education
Yaroslavl Military academy of Air Defence
Yaroslavl, Russia
belaveronika@mail.ru

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕКТОР ПРИ ИЗУЧЕНИИ АУТЕНТИЧНЫХ ТЕКСТОВ СФЕРЫ ИСКУССТВА: О РОЛИ БИБЛИОТЕЧНЫХ ФОНДОВ

CULTURAL AND HISTORICAL VECTOR IN STUDYING AUTHENTIC TEXTS OF THE ART SPHERE: ON THE ROLE OF LIBRARY FUNDS

На материале ранее не описанных источников на иностранных языках из фондов библиотеки педагогического университета ЯГПУ им. К. Д. Ушинского в статье анализируются жанровые особенности текстов, отражающих сферу культуры и искусства рубежа XIX–XX веков. В свете междисциплинарного подхода тексты об искусстве выступают носителями культурологической информации, которая позволяет реконструировать социокультурную ситуацию ушедшей эпохи.

Based on previously undescribed sources in foreign languages from the library of the Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, the article analyzes the genre features of

texts reflecting the sphere of culture and art at the turn of the 19th – 20th centuries. In the light of an interdisciplinary approach, texts about art act as carriers of cultural information, which allows us to reconstruct the sociocultural situation of a bygone era.

К л ю ч е в ы е с л о в а: искусствоведческий дискурс; европейские издания; сопоставление разножанровых текстов; реалии культуры.

К e y w o r d s: art criticism discourse; European editions; comparison of texts of different genres; realities of culture.

Изучение текстов об искусстве в рамках лингвокультурологического подхода подразумевает охват широкого культурного контекста, понимание исторической обусловленности тех или иных событий и явлений. При такой постановке вопроса роль книги как элемента культуры чрезвычайно велика. Книга становится не просто «зеркалом эпохи», но и «дверью» в эпоху, за которой заинтересованного исследователя ожидает много открытий.

Поскольку развитие искусства тесно связано с жизнью общества, тексты, отражающие эту сферу, содержат в себе не только указания на реалии, характеризующие творческий процесс, но и на национальную специфику. В связи с этим для изучения лингвистических, функциональных особенностей текстов об искусстве, а также их культурологической составляющей, большое значение приобретает работа с аутентичными источниками на разных языках, особенно с теми, которые отмечены печатью времени. Такие тексты есть в отделе иностранной литературы фундаментальной библиотеки Ярославского государственного педагогического университета имени К. Д. Ушинского. В ее фонде, одном из крупнейших среди библиотек педагогических вузов России, свыше 200 тыс. единиц хранения составляют книги и журналы, изданные в период с XVI в. до первой трети XX в., из них более 50 тыс. экземпляров на английском, итальянском, немецком, французском языках [1].

Изучение хранящихся здесь монографий, каталогов, альбомов и периодических изданий по искусству, которые относятся преимущественно к одному временному отрезку (конец XIX – начало XX в.), позволяет, во-первых, погрузиться в социально-исторический контекст художественных событий того времени; во-вторых, проследить определенный этап формирования жанрового разнообразия текстов об искусстве.

Быстрое течение культурной жизни Европы конца XIX – начала XX в. с позиции сегодняшнего дня можно оценить как знаменательный момент зарождения отношений диалога между культурами Запада и Востока. Сфера искусства более ста лет назад стала благоприятной средой для преодоления национальных стереотипов и сближения художественных традиций. Именно эти веяния времени доносят до нас зарубежные издания отдела иностранной литературы. Со страниц старых книг открываются два плана: с одной стороны, это культурная карта Европы, какой она виделась современникам в XIX в., с другой – новые горизонты, появляющиеся благодаря приобщению к традиционному искусству Индокитая и Америки.

Презентация Старого света с точки зрения «туристического» обзора достопримечательностей имеет место лишь в нескольких экземплярах на немецком, французском, английском и итальянском языках [2, с. 142]. Значительно больше число книг имеют культурологическую направленность. Так, две книги французской серии «La peinture en Europe» знакомят с художественными ценностями Бельгии и Голландии. Немецкие авторы делают обзор памятников времен раннего христианства, предлагают экскурс в историю итальянской архитектуры (здесь и далее см. более точное библиографическое описание иностранных источников в ранее опубликованной статье [2, с. 146]).

В ряде монографий, посвященных отдельным периодам, определенным странам, особое внимание уделяется искусству античности, средневековой Италии, эпохе Возрождения, барокко. Такая тенденция прослеживается и среди книг, темой которых можно считать историю культуры: греческая мифология, атласы изображений к произведениям Гомера, Овидия, к «Божественной комедии» Данте.

На основании материалов вышеперечисленных книг мы можем судить о культурных ориентирах образованной публики западноевропейских стран. Но, вместе с тем, отмечается попытка расширить европоцентрические представления об эстетических образцах. Об этом свидетельствует наличие в библиотечном фонде книг о странах и культурах далеких, экзотических (Индия, Япония, Китай, Бразилия).

Показательно, что книги в форме заметок для любопытствующих соотечественников о Бразилии или о России относятся к 30–40 гг. XIX века. Позднее проявился интерес к историческим исследованиям (Krug Ph. «Vorstellungen in der älteren Geschichte Russlands». Paterius T. G. «Der falsche Demetriy»). Начало же XX в. отмечено подлинным интересом к традиционному искусству и культуре стран Индокитая. Об этом можно судить не только по многочисленным материалам в периодических изданиях, таких как «Kunst und Künstler» и «Die Kunst», но и по отдельным монографиям (более точное описание иностранных источников содержится в ранее опубликованной статье [2, с. 142, 146]).

В период рубежа XIX–XX вв. обращение к сфере культуры и искусства расценивается как путь к пониманию жизни этносов и традиций государственности в разных сообществах. Примером тому служит объемный том о многоголкой и непостижимой Индии, парижское издание 1900 г.: «Civilisations de l'Inde. Paris, 1900». Автор – Гюстав Лебон (Gustav Le Bon), чье имя осталось в истории благодаря нашедшей теории «массового общества», впервые выдвинутой идеи надвигающейся «эры масс» и связанного с этим упадка цивилизации.

Масштабная переоценка культурного достояния прошлого и оживленная дискуссия об искусстве будущего оказалась жизненно важной для формирования новых тенденций русского и мирового искусства. Вместе с тем, эти процессы в художественной жизни способствовали активному формиро-

ванию жанрово-стилевого разнообразия текстов об искусстве. Коллекция отдела иностранной литературы позволяет охватить широкий диапазон текстов, отражающих различные вопросы искусства и художественной практики: от журнальных статей до специализированных изданий, например, по техникам и технологиям живописи.

Научная систематизация знаний об искусстве приобретает большую значимость на рубеже XIX–XX вв., о чем свидетельствует появление массовых тиражей искусствоведческих источников энциклопедического характера с соответствующими названиями: история античного искусства, история изобразительных искусств, история культуры в ее естественном развитии. Изложение истории искусства в них распределено по главам в соответствии с историко-географическим принципом, последовательно освещается искусство Древнего Египта (Ägypten), Малой Азии (Kleinasien), Финикии (Phönizien), Греции (Griechenland), Византии (Byzanz) и т.д. Такая организация материала стала позднее традиционной, по своему структурному построению современные искусствоведческие труды аналогичны своим предшественникам, изданным более ста лет назад. То же самое можно сказать и о содержательной стороне: основными элементами искусствоведческих текстов энциклопедического характера и сегодня остаются сведения о художественных материалах, художественных атрибутах, анализ стилей и эпох в искусстве, описания сюжетов и персонажей в произведениях искусства и т.п.

Помимо энциклопедических источников реалии сферы искусства описываются и разъясняются в изданиях, которые можно назвать справочными: они специально адресованы ценителям искусства или тем, кто стремится стать «знатоком произведений искусства и антиквариата» (*Comment devenir connaisseur de Meubles et d' Art*). В коллекции отдела иностранной литературы имеется несколько экземпляров книг, ориентированных на практическое применение знаний о художественных ценностях.

Важно и то, что иностранная литература по вопросам культуры и искусства демонстрирует явную установку на популяризацию культурологических сведений. Задачу широкого распространения общей информации выполняют путеводители по музейным комплексам, каталоги музейных собраний по состоянию на конец XIX – начало XX века. Заслуживает внимания серия монографий учебно-просветительской направленности по разделам: страны и люди; всемирная история; центры искусства; монографии о художниках, изданные силами известных немецких университетов Билефельда и Лейпцига [2, с. 144]. Среди парижских изданий XIX в. находится серия «*L'art de notre temps*» (современное искусство), которая предлагает материалы биографии и творчества замечательных французских художников: Домье, Курбэ, Мане, Дега, Пюви де Шаван(а).

Сфера искусства периода рубежа XIX–XX вв. представляла собой активную коммуникативную среду. Обширный материал для исследования в этом

направлении содержит подшивка номеров немецкого журнала «Kunst und Künstler» (Искусство и художник) за 8(!) лет, с 1904 по 1912 г. [3]. Критические и аналитические статьи этого известного в свое время издания представляют жизнь и творчество современным читателям деятелей культуры, художников, архитекторов. Среди тем: обсуждение вышедшей в печати книги публицистики графа Льва Толстого («Was ist Kunst?»); На исходе импрессионизма («Ausgang des Impressionismus»); Арнольд Бёклин («Arnold Böcklin»); В гостях у Родена («Bei Rodin»). Особое место здесь занимают статьи самих художников, которые выносили свои суждения на суд широкой аудитории именно со страниц журнала «Kunst und Künstler» и подобных ему периодических изданий. Таким образом, не только люди искусства, но и публика – читатели и зрители – были участниками дискуссии о путях развития искусства и свидетелями рождения ярких творческих концепций.

Анализ стилистических особенностей разнообразных тематических текстов в источниках отдела иностранной литературы позволяет сделать вывод о том, что определенные тенденции языка искусствоведения были заложены в период рубежа XIX–XX веков. Тогда же обозначились основные характеристики подязыка искусства в целом: с одной стороны, как языка профессионального общения, с другой стороны, как «слова об искусстве», адресованного широкому кругу любителей.

Подводя итоги, следует отметить, что информативная ценность изданий, вышедших в свет более века тому назад, может уступать доступным современному читателю искусствоведческим источникам. Гораздо важнее, что исследователь испытывает на себе воздействие библиотечного пространства, когда знакомство с коллекцией книг по искусству открывает многослойную картину социокультурной ситуации рубежа XIX–XX в., выступающей в качестве объекта междисциплинарного исследования: с точки зрения истории культуры, истории искусства, с точки зрения динамики языковых процессов.

На сегодняшний день все большее значение приобретают цифровые технологии и, в частности, применение корпусов текстов на разных языках для решения многообразных задач лингвистических исследований [4, с. 4, 10]. Наиболее актуальна сейчас разработка современных средства обучения на базе корпусных данных и само создание специальных корпусов [4, с. 8–9]. В связи с этим работа с «аналоговыми источниками», которые представляют собой синхронный срез культуроведческого и искусствоведческого дискурса, может стать нетривиальным этапом становления для молодых исследователей, лингвистов, переводчиков, благодаря их участию в каталогизации, оцифровке старинных европейских изданий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Майоров, Ю. И. Фундаментальная библиотека: этапы развития [Электронный ресурс] / Ю. И. Майоров. Режим доступа : http://vestnik.yspu.org/releases/chronika_informaciya/4_3/. – Дата доступа : 11.10.2021.

2. *Беляева, В. Н.* Книги по искусству в отделе иностранной литературы: диалог времен и традиций (к столетию фундаментальной библиотеки Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского) / В. Н. Беляева // Ярославль на пороге тысячелетия : сб. работ город. конкурса / Яросл. гос. техн. ун-т. – Ярославль, 2006. – С. 141–146.
3. Kunst und Künstler. Berlin, 1904–1912.
4. *Лебедева, М. Ю.* Дано мне тело – что мне делать с ним? Применение корпусных технологий в лингводидактике РКИ / М. Ю. Лебедева // Русский язык за рубежом. – 2020. – № 6. – С. 4–13.

УДК 811.112.2'42

Иванова Татьяна Федоровна

кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой теории
и практики перевода № 2
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Tatiana Ivanova

PhD in Philology, Associate Professor,
Head of the Chair of Theory and Practice
of Translation and Interpreting № 2
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
tativ1010@yandex.ru

Лагун Ирина Игоревна

выпускник переводческого факультета
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Irina Lagun

Graduate of the Faculty
of Interpreting and Translation
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
i-lagun@mail.ru

ЭМОТИВНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕЧИ КАК МАРКЕРЫ АВТОРСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ И СПОСОБЫ ИХ ПЕРЕДАЧИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

EMOTIVE UTTERANCES IN GERMAN POLITICAL SPEECH AS MARKERS OF AUTHOR'S MODALITY AND WAYS OF THEIR TRANSLATION INTO RUSSIAN

На материале политической речи пяти современных немецких политиков рассматриваются средства экспрессивного синтаксиса с опорой на понятие авторской модальности. Устанавливаются общие тенденции в использовании перечисления, повтора, инверсии и пролепсы как наиболее частотных конструкций в сопоставительном аспекте. По результатам анализа переводов аутентичных текстов на русский язык определены типичные способы перевода экспрессивных синтаксических конструкций.

The article focuses on the means of expressive syntax in political speech of five modern German politicians. The means of expressive syntax based on the concept of the author's modality. The analysis shows that the most expressive means at the syntactic level are repetition, enumeration, inversion and prolepsis. The most frequent method of translating syntactic means is syntactic assimilation.

К л ю ч е в ы е с л о в а: политическая речь; авторская модальность; экспрессивный синтаксис; перевод.

K e y w o r d s: political speech; author's modality; expressive syntax; translation.

Политический текст, как единица политической коммуникации, может иметь в рамках политического дискурса в целом различную жанрово-стилистическую принадлежность и выполнять разнообразные функции. Текст политической речи с этой точки зрения представляет собой особый тип текста, в котором функция воздействия является самым непосредственным образом и очень активно влияет на отбор языковых средств. Специалисты по современной политической коммуникации отмечают все возрастающую выразительность политической речи. Яркость и неожиданность способов выражения мысли, удачная языковая игра и индивидуальность стиля высоко ценятся, поэтому в политической коммуникации активно используются приемы выразительности – эмотивные высказывания, содержащие различные стилистические фигуры и тропы [1, с. 106].

Изучение лингвостилистических свойств политической речи не является адекватным, если оставить без внимания важное для текстообразования и для текстовосприятия понятие *авторской модальности*. Модальность, будучи одной из важнейших текстовых категорий, скрепляет все единицы текста в единое целое и пронизывает как отдельные отрезки текста, так и весь текст в целом. Расширенное толкование модальности включает субъективную и объективную оценку содержания текста: в одних типах текстов, например, в научных текстах, доминирует объективная оценочность; в других, как, например, в политических текстах, превалирует авторская, индивидуальная оценочность. В последнем случае на передний план выдвигается сам акт коммуникации, речевая ситуация, т.е. взаимоотношение автора политического текста и потенциального читателя / слушателя, в результате чего прагматика модальности значительно расширяется. Политические речи являются наиболее прагматически ориентированными, поскольку доминирование воздействующей функции обуславливает необходимость осознанного речевого планирования в зависимости от интенции адресанта и влияющего в связи с этим на использование определенного набора языковых средств.

При рассмотрении понятия модальности по отношению к текстам политического дискурса *под авторской модальностью* следует понимать выраженное в тексте отношение автора к сообщаемой информации, его точку зрения,

позицию, ценностные ориентиры, которые сформулированы и доведены до сведения адресата. В этом смысле с авторской модальностью «перекликается» понятие *образа автора* как производителя речи, субъекта повествования, речевое произведение которого отмечено наличием определенной программы воздействия на адресата, т.е. прагматической составляющей.

С этой точки зрения текст публичной политической речи рассматривается как ментально-речевое воздействие на сознание адресата, которое обеспечивается наличием определенного набора характерных лингвостилистических конструкций. Конкретные способы лингвистического представления и стилистической обработки информации предпочтительны для каждого конкретного автора. В этом случае в процессе восприятия политической речи происходит не только усвоение информации, но и восприятие *образа автора* как понимание концепции, системы оценок конкретного автора, а затем и усвоение или отторжение его политических взглядов и системы ценностей. Можно согласиться с тезисом психолога-исследователя М. Н. Новиковой-Грунд, согласно которому «любой публичный деятель (в той мере, в какой он публичен) есть не что иное, как текст, точнее, комплекс текстов» [2, с. 82]. Данный тезис подтверждает лингвистическое представление об активности автора политического текста и позволяет констатировать в каждом речевом произведении политика прагматическую компоненту, избирательную для каждого автора. Главное, чтобы личностная (фракционно-личностная или партийно-личностная) прагматическая установка автора на решение тех или иных политических проблем была адекватно интерпретирована как авторская модальность, скрепляющая все единицы текста в единое смысловое и структурное целое.

Исследование текстов речей немецких политиков Йоахима Гаука, Ангелы Меркель и Франка-Вальтера Штайнмайера по случаю 500-летия Реформации, а также текстов парламентских речей А. Меркель и М. Шульца однозначно показывает, что тексты данных речей отмечены значительным объемом использования эмотивных высказываний, в частности средств экспрессивной выразительности как на лексическом, так и на синтаксическом уровне. Несмотря на общую тематику текстов, актуализация речевых тактик ораторов в плане частотности использования экспрессивных синтаксических конструкций значительно отличается (в некоторых случаях практически в два раза).

Так, например, на основании сопоставительного анализа текстов речей политиков Франка-Вальтера Штайнмайера и Мартина Шульца можно сделать вывод, что активно используемые ими в своих выступлениях такие синтаксические конструкции, как перечисление (*unser Land kennt Krieg, Diktatur, Verfolgung und Vertreibung* – М. Шульц), анафорический повтор в рамках параллельных конструкций (*Mir ist wichtig, dass die hart arbeitenden*

Menschen, die sich an die Regeln halten, die sich um ihre Kinder und oft auch um ihre Eltern kümmern, die manchmal trotz zweier Einkommen nur geradeso über die Runden kommen, dass wir diese Menschen in den Mittelpunkt unserer Politik stellen – М. Шульц), инверсия (*Diese Sorgen spüre ich in unserem Land* – Ф.-В. Штайнмайер) и пролепса (*..und mein großer Respekt vor diesem Amt, der bleibt* – Ф.-В. Штайнмайер), весьма существенно отличаются в процентном отношении в аналогичных текстовых объемах (табл.):

Средства синтаксической выразительности,
в выступлениях Ф.-В. Штайнмайера и М. Шульца

Средство синтаксической выразительности в эмотивном высказывании	Количество употреблений в речи Ф.-В. Штайнмайера, %	Количество употреблений в речи М. Шульца, %	Средний показатель, %
Перечисления	8,7	43,0	43,0
Повторы	28,3	19,6	19,6
Инверсия	8,7	15,0	15,0
Пролепса	15,2	0,9	0,9

Безусловно, на выбор синтаксических конструкций в немалой степени оказывают влияние личные предпочтения автора текста.

В речи Ф.-В. Штайнмайера наиболее частотны различные виды повторов, в частности анафорический повтор: *Ist es nicht erstaunlich, ist es nicht eigentlich wunderbar, dass dieses Deutschland, „unser schwieriges Vaterland“, wie Gustav Heinemann es mal nannte, ist es nicht wunderbar, dass dies Land für viele in der Welt ein Anker der Hoffnung geworden ist?* В этом примере анафорический повтор в формальном плане усиливает логическую спаянность частей высказывания, обеспечивает в плане восприятия естественность речевого потока, выступает своеобразным средством изображения определенного душевного состояния оратора, последовательно и уверенно отстаивающего свою позицию. Данный факт является показателем того, что текст выступления есть заранее подготовленная и четко организованная речь, в которой на выбор синтаксических конструкций оказывают влияние личные предпочтения оратора в плане реализации его речевой тактики как программы воздействия на адресата. В результате актуализируется восприятие образа автора как понимание его системы оценок, его авторской модальности.

Следует также отметить значительное количество обращений в тексте выступления Ф. В. Штайнмайера, которые в речи выполняют контактоустанавливающую функцию и помогают слушателям почувствовать себя «своим»

в определенной ситуации коммуникации (фатическая функция). Нельзя не обратить внимания также и на тот факт, что фраза „*Ihr macht mir Mut*“, произнесенная им в начале речи, становится лейтмотивом дальнейшего повествования и тем фундаментом, на котором автор строит свое выступление (слово *Mut* и однокоренные слова употреблены в тексте 12 раз).

Политик М. Шульц, в отличие от Ф.-В. Штайнмайера, очень активно использует такие приемы, как перечислительные ряды. Их использование свидетельствует о безусловном желании говорящего убедить, оказать влияние на политическое сознание адресата. При этом политик совершенно не использует в своей речи эмотивные высказывания с такими синтактико-стилистическими конструкциями, как апозиопезис, изолированные предложения и плеоназм. Данный факт может быть дополнительным показателем того, что перед нами заранее подготовленная и четко организованная речь, в которой неуместными будут приемы избыточности (плеоназм) или умолчания (апозиопезис).

Анализ текстов речей А. Меркель и М. Шульца также показывает, что, несмотря на общую тематику текстов, актуализация речевых тактик ораторов в плане частотности использования экспрессивных синтаксических конструкций значительно отличается.

А. Меркель в своей речи останавливается на том, насколько существенно изменилось положение дел в Германии при главенстве ХДС, доказывая тем самым эффективность выбранной данной партией политики и подчеркивая, что достигнутые результаты – это заслуга всех членов партии и министров. Делимитативная функция проявляется при этом слабо, но выполняется групповыделительная функция (содержательное и языковое обеспечение идентичности). Использование наиболее частотных экспрессивных синтаксических конструкций способствует реализации речевой тактики Ангелы Меркель в плане выполнения функции убеждения и аргументации: *Denken wir etwa nur an unser jahrelanges Engagement im Rahmen des Normandie-Formats zusammen mit Frankreich zur Stabilisierung der Lage in der Ostukraine. Denken wir an unsere Bemühungen, Nordkorea davon abzubringen, sein völkerrechtswidriges Raketen- und Nuklearprogramm weiterzuverfolgen. Oder denken wir an die andauernden Konflikte und Bürgerkriege – von Afghanistan über Irak und Syrien bis nach Libyen – und an den Kampf gegen den Terrorismus von Boko Haram in der Region um den Tschadsee oder gegen den Terrorismus andernorts, zum Beispiel in Mali.*

В сравнении с речевой тактикой Ангелы Меркель, в речи Мартина Шульца наблюдаются элементы более агрессивной и более эмоциональной тактики, что актуализируется в лингвистическом плане наличием значительного количества восклицательных предложений, наряду с повторами и перечислением: *Wer das gegeneinander stellen will, versündigt sich an den Zukunftschancen unserer Kinder und der nachfolgenden Generationen! – All diesen Rassisten, Extremisten und*

Populisten sage ich, sagt die gesamte SPD den Kampf an! Man muss den Rücken gerade machen und den Radikalen den Kampf ansagen. – Das wollen wir tun! Отсюда можно сделать вывод о том, что тактика речи Мартина Шульца ориентирована в большей степени на выполнение, в первую очередь, персуазивной функции, наряду с информативной.

Анализ переводов показал, что наибольшее количество эмотивных высказываний с экспрессивными синтаксическими конструкциями в проанализированных и переведенных текстах не представляют особой сложности в процессе перевода и в большинстве случаев могут быть заменены на аналогичные конструкции на русском языке. Это касается, в первую очередь, многочисленных *перечислительных конструкций*:

Weder Luther, noch Calvin, noch Zwingli noch ein anderer der Reformatoren in deutschen und europäischen Ländern konnte ahnen, welche ... (J.Gauck)

Но всё же ни Лютер, ни Кальвин, ни Цвингли и ни один другой немецкий и европейский реформатор не могли предположить, какие ... (Й. Гаук)

Однако в данном случае в речи Й. Гаука встречаются примеры перечислительного ряда с использованием такой стилистической фигуры, как *климакс*. Так как данный приём создает ощущение нарастания эмоциональной содержательности и насыщенности, при переводе целесообразно воссоздать аналогичную фигуру речи:

Wenn Menschen sich bewusst machen, dass sie hier und da in rational nicht fassbarer Weise beschenkt, getragen oder bewahrt waren, ... (J.Gauck)

Если люди осознают, что их рационально необъяснимым образом одаривают, поддерживают или оберегают, ... (Й. Гаук)

Возможность сохранения в переводном тексте соответствующего оформления конструкций с анафорическим повтором зачастую требует при переводе проведения определенных грамматических трансформаций:

Es ging gegen den Papst, seine Ablasspolitik und die dahinterstehende Theologie, es ging gegen die Angstpropaganda der päpstlichen Legaten, die anboten, sich vor der ewigen Verdammnis mit Geld freikaufen zu können – es ging, mit einem Wort, gegen Rom. (F.-W. Steinmeier)

Он выступил против Папы, его политики индульгенций и связанного с ней учения, он выступил против пропаганды страха, проводимой папскими легатами, которые предлагали с помощью денег откупиться от вечной кары, одним словом, он выступил против Рима. (Ф.-В. Штайнмайер)

Примеры перевода высказываний с использованием стилистической инверсии как продуктивного средства выражения экспрессии подтверждают тот факт, что в русском языке инверсия является более распространенным и, следовательно, менее действенным стилистическим средством, чем в немецком языке. Анализ перевода текстов показывает, что в некоторых случаях сохранение инверсивного порядка слов в русском предложении представляется оправданным, в некоторых же случаях целесообразно сделать выбор в пользу использования грамматической трансформации:

Auch für die Geschichte der Emanzipation war es auf lange Sicht außerordentlich wirksam, dass... (J. Gauck)

Также для истории эмансипации в долгосрочной перспективе оказалось крайне важно, что... (Й. Гаук)

So direkt politisch aber hatte Luther seine Botschaft nicht verstehen wollen – er befürchtete einfach Anarchie. (J. Gauck)

Но Лютер не хотел, чтобы его призыв был воспринят так политично: он просто опасался анархии. (Й. Гаук)

В итоге необходимо подчеркнуть, что использование понятия *авторской модальности* в применении к исследованию политической коммуникации позволяет рассматривать коммуникацию в процессе восприятия текста политической речи как речевые действия автора, призванные оказать определенное воздействие на адресата и рассчитанные на обратную связь. Немецкоязычные эмотивные высказывания с экспрессивными синтаксическими конструкциями являются в этом плане наиболее выпуклым и продуктивным средством выражения авторской интенции и могут оказывать аналогичное воздействие при переводе на русский язык для сохранения соответствующего уровня смысловой и прагмакоммуникативной значимости при условии использования определенных грамматических трансформаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие / А. П. Чудинов. – 4-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2012. – 256 с.
2. Новикова-Грунд, М. В. «Свои» и «чужие»: маркеры референтной группы в политическом дискурсе / М. В. Новикова-Грунд. – Полис. Политические исследования. – 2000. – № 4. – С. 82–93.

УДК 81'42:070

Осмоловская Инна Геннадьевна

кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой интенсивного
обучения иностранным языкам № 2
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Ina Osmolovskaya

PhD in Philology, Associate Professor,
Head of the Chair of Intensive Study
of Foreign Languages № 2
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
innaosm@yandex.ru

ОТРАЖЕНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО КЛИМАТА
ОБЩЕСТВА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
В ТЕКСТАХ СМИ (освещение ситуации с вакцинацией)

REFLECTION OF EMOTIONAL CLIMATE IN THE COUNTRIES
OF THE EUROPEAN UNION AND IN THE REPUBLIC OF BELARUS
BASED ON MASS MEDIA TEXTS (the Situation with Vaccination)

В статье речь идет о способах репрезентации эмоционального климата стран в современных немецкоязычных и русскоязычных текстах СМИ. В первую очередь фокус исследования направлен на лексические способы репрезентации эмоционального климата неудовлетворенности в странах Европейского Союза и климата уверенности в Республике Беларусь.

The article deals with representation of the emotional climate of countries in modern German and Russian mass media texts. Means of lexical representation of dissatisfaction in countries of the European Union and confidence in the Republic of Belarus are the primary focus of the article.

К л ю ч е в ы е с л о в а: лексическая репрезентация; эмоция; прототипическая ситуация; эмотивная ситуация; эмоциональный климат; текст СМИ.

Key words: lexical representation; emotion; prototype situation; emotive situation; emotional climate; mass media texts.

Выражение эмоций в языке тесно связано с функционированием эмоций в определенном типе текста. Апеллирование к эмоциям в текстах СМИ можно объяснить несколькими причинами. Как справедливо подчеркивают исследователи, будучи «четвертой властью», СМИ в прямой или завуалированной форме оказывают влияние на все общество. Благодаря таким свойствам эмоций, как заразительность, катализация мыслительного процесса, способность изменять поведение реципиента и долго храниться в памяти, облегчается решение задач воздействия на мировоззрение зрителя / слушателя / читателя [1, с. 8]. Тексты средств массовой информации направлены преимущественно на большую аудиторию и способны таким образом влиять на ситуацию в отдельной стране и даже мире. Анализ текстов определенного отрезка времени позволяет установить транслируемые в общество эмоциональные состояния.

Эмоциональный климат – термин социологии, предложенный американским социологом Дж. де Риверой для обозначения эмоциональной характеристики общества [2, р. 197]. Эмоциональный климат зависит от политической, религиозной и экономической обстановки в социуме и может меняться в рамках одного поколения. Название эмоциональному климату присваивается в соответствии с эмоцией, доминирующей в данном обществе в данный отрезок времени [Там же]. Автором выделяются следующие типы эмоционального климата: страх, безопасность, нестабильность, уверенность, неудовлетворенность, враждебность, сплоченность и надежда [Там же].

Материалом для анализа послужили аутентичные новостные отрезки, сообщающие о событиях, связанных с актуальной в настоящее время темой вакцинации населения против COVID-19, в Европейском союзе и Республике Беларусь. Источником текстов являются электронные версии качественных немецкоязычных периодических изданий, таких как «Wiener Zeitung», «Merkur», «Spiegel», «Handelsblatt», «Tagesschau» и других. Источником русскоязычных примеров послужили тексты, опубликованные Белорусским телеграфным агентством.

Анализ более сотни текстов новостного дискурса с января по октябрь 2021 года позволил констатировать наличие эмоционального климата *неудовлетворенности* на территории стран Европейского союза, *уверенности* – на территории Республики Беларусь. Энциклопедический словарь по психологии и педагогике определяет *неудовлетворенность* как негативное восприятие (оценка) тех или иных факторов, событий, складывающихся обстоятельств, тенденций развития и т.д. [3]. Национальная психологическая библиотека дефинирует *уверенность* как чувство отсутствия сомнений, основанное на опыте и, прежде всего, на знаниях [4].

Цель исследования – выявление лексико-синтаксических особенностей репрезентации названных эмоциональных состояний общества.

Репрезентация эмоционального климата может протекать разными путями: непосредственная номинация господствующей в обществе эмоции, опосредованно, через описание эмотивной ситуации, в которой проявляется данное психологическое состояние. В этом случае эмоциональный опыт – знания о вербальных и невербальных способах выражения эмоции – помогает адресату правильно реконструировать саму эмоцию. В некоторых случаях речь идет о комплексной репрезентации эмоционального климата: номинирование и дискрипция ситуации в рамках одного новостного микротекста.

Сразу следует отметить, что тексты даже качественных немецкоязычных СМИ содержат значительно больше эмотивной и эмотивно-ассоциативной лексики, чем тексты русскоязычных изданий.

Следующий пример [П1] – фрагмент новостного микротекста, сообщающий о проблемах с поставками вакцины в страны Европейского союза – демонстрирует как описание прототипической ситуации, так и номинирование эмоционального климата:

Ärger über Impfstoff-Engpässe Lieferprobleme bei Corona- Impfstoffen sorgen in der EU weiter für heftige Debatten. Und mittlerweile haben nicht nur einzelne Staaten – wie Italien – rechtliche Schritte gegen möglicherweise säumige Pharmafirmen angedroht, sondern auch die EU.	‘Гнев по поводу дефицита вак- цины Проблемы с поставками вак- цины против коронавируса вызвали в ЕС жаркие дебаты. Между тем, не только отдельные государства, такие как Италия, но и ЕС, пригро- зили фармацевтическим фирмам правовыми действиями за просрочку поставок’.
--	--

Существительное *Ärger* ‘гнев’ напрямую номинирует эмоцию, господствующую на территории Европейского союза. Словосочетание *heftige Debatten* ‘жаркие дебаты’ и глагол *androhen* ‘угрожать’ не называют эмоции, они употреблены для описания эмотивной ситуации и вызывают в сознании говорящих и слушающих ассоциации с определенной эмоцией, в данном случае с гневом.

Схожий способ репрезентации встречается и при описании других эмоций, например, *злорадства* в новостном отрезке [П2] о позиции Соединённого Королевства в ситуации с нехваткой вакцины:

Schadenfreude auf der Insel Im Streit um Impfstofflieferungen will die EU-Kommission Abmachungen mit allen Pharmafirmen veröffentlichen lassen. Da öffnet sich schon die nächste Front in dem Disput – zwischen der Insel und dem Kontinent. London pocht bereits darauf, dass die eigene Vereinbarung mit dem Unternehmen eingehalten werde. Das Königreich hat sich 100 Millionen Einheit des Vakzins gesichert, das AstraZeneca gemeinsam mit der Oxford-Universität entwickelt hat und das in Großbritannien seit Jahresanfang eingesetzt wird. Eine gewisse Schadenfreude darüber, nicht mehr Teil der EU mit ihren aktuellen Problemen zu sein, kam hinzu.	‘Злорадство на острове В спорах вокруг ситуации с по- ставками вакцины Еврокомиссия хо- чет опубликовать договоры со всеми фармацевтическими фирмами. В этом диспуте открывается еще один фронт – между островом и континентом. Лондон уже настаивает на соблюдении собственного согла- шения с компанией. Королевство обе- спечило себе 100 миллионов единиц вакцины, разработанной компанией «AstraZeneca» совместно с Оксфорд- ским университетом и применяемой в Великобритании с начала года. В данной ситуации прослежи- вается определенное злорадство [со стороны Великобритании], так как она не является больше членом ЕС с его насущными проблемами’.
---	--

Существительное *Schadenfreude* 'злорадство' номинирует эмоцию, а словосочетание *im Streit* 'в споре' и предложение *Da öffnet sich schon die nächste Front in dem Disput* 'В диспуте **открывается** еще один **фронт**', являются «ассоциативно-эмотивными», не выражая эмоции, они вызывают ассоциации в сознании говорящих и слушающих с теми или иными эмоциями. Это происходит за счет той эмоциональности, которая все-таки присутствует в их семантике [1].

Следует отметить, что в материале выборки самым часто встречающимся словом при описании положения с вакцинацией в различных периодических изданиях является существительное *Streit* 'спор' и его синонимы: ***Streit eskaliert***: *EU-Kommission verklagt Astrazeneka-Impfstoff – Hersteller* 'Спор обостряется: Еврокомиссия предъявляет иск производителю вакцины «Astrazeneka» [П3]; ***Astrazeneka-Streit um fehlende Impfstoff-Lieferungen – 30 statt 120 Millionen Dosen*** 'Спор вокруг недостающих поставок вакцины «Astrazeneka» – 30 вместо 120 миллионов доз' [П4]; ***Zwist um Impfstoff-Lieferungen eskaliert*** 'Раздор вокруг поставок вакцины обостряется' [П5] и другие.

Для репрезентации атмосферы в обществе встречаются и другие существительные: *Lieferverzögerungen lösen Unmut aus* 'Задержки с поставками вызывают **недовольство**' [П6]; *Lieferverzögerungen bei Vakzinen sorgen für Unzufriedenheit in EU-Staaten* 'Задержки с поставками вакцины ведут к **недовольству**' [П7].

Важную роль при передаче эмоционального климата общества играют прототипические ситуации, которые познаются человеком через жизненный опыт, позволяющий установить связь между событиями, поэтому в данных случаях делается ставка на «эмоциональную компетенцию читателя, т.е. знания, о выражаемых в данных ситуациях эмоциях» [5, с. 70–71]. В качестве примеров могут послужить следующие предложения из новостных тестов, в которых сама эмоция не называется, но реципиент легко может «расшифровать» переживаемые состояния: ***EU erhöht Druck auf Impfstoff-Hersteller*** 'ЕС **повышает давление** на производителей вакцины' [П8]. Словосочетание *den Druck erhöhen* 'повышать давление' не называет и не выражает эмоцию, но эмоциональный опыт получателя информации дает возможность сделать вывод о том, что при оказании давления адресат находится в состоянии эмоционального напряжения, а давление оказывается по причине неудовлетворенности тем, что имеется и с целью получения желаемого результата. Аналогично и в следующем примере: ***Astrazeneka: EU-Kommission verklagt Impfstoff-Hersteller*** 'Astrazeneka: Еврокомиссия **предъявляет иск** производителям вакцины' [П9]. Глагол *verklagen* 'заводить дело', 'предъявлять иск' несет информацию о том, что в обществе существует такое положение дел, при котором одна сторона остается неудовлетворенной. Разрешение существующего спора представляется невозможным без вмешательства юридических органов. Примеры, которые доказывают наличие в обществе стран Европейского Союза эмоционального климата неудовлетворенности, в материале выборки весьма многочисленны.

Для текстов, публикуемых Белорусским телеграфным агентством, в целом, не характерно «нагнетание эмоций»: вниманию читателя предлагаются некие факты, и читатель сам выбирает, какие эмоции по этому поводу испытать и испытать ли вообще. Однако даже тексты интервью, которым в сравнении с другими жанрами СМИ присуща большая эмотивность, демонстрируют относительную эмотивную нейтральность. Эмоциональный климат общества Беларуси можно определить как климат *уверенности*. Передача данного состояния общества в текстах БелТА может осуществляться через описание прототипических ситуаций. Примером могут послужить выдержки из интервью с заведующим кафедрой инфекционных болезней и детских инфекций Белорусской государственной академии последипломного образования Юрием Горбичем [П10]:

*Нынешнюю ситуацию в стране с заболеваемостью COVID-19 специалист считает **напряженной, но контролируемой**. Он подчеркнул, что в учреждениях здравоохранения имеется все необходимое для оказания помощи пациентам с коронавирусом. <...> «Все, что нужно, есть и будет. И будет максимально возможное из того, что можно получить сейчас, когда весь мир стоит в очереди за самыми эффективными средствами для лечения и профилактики COVID-19». В то же время врач-инфекционист обратил внимание на простой и, главное, эффективный способ предотвратить заболевание – сделать прививку.*

Для передачи эмоционального климата уверенности в данном примере использованы антитеза *напряженная, но контролируемая ситуация*, а также предложения: *В учреждениях здравоохранения имеется все необходимое для оказания помощи пациентам с коронавирусом. Все, что нужно, есть и будет*. Данные утверждения не содержат эмотивной либо эмотивно-ассоциативной лексики, но они транслируют эмоциональное состояние уверенности.

Подобная репрезентация уверенности через описание ситуации в зафиксирована и в интервью с премьер-министром Беларуси Романом Головченко [П11]:

*«Правительство использует все доступные финансовые инструменты для обеспечения устойчивого функционирования отрасли. Но, конечно, подъем заболеваемости вынуждает нас искать дополнительные источники для финансирования. Поэтому в ближайшее время мы обратимся к главе государства о выделении дополнительных средств в размере почти Br250 млн (проект соответствующего распоряжения находится на завершающей стадии), в том числе Br140 млн **на закупку лекарственных средств и вакцин...**», – рассказал Роман Головченко.*

Утверждения премьер-министра о том, что **правительство использует все доступные финансовые инструменты для обеспечения устойчивого функционирования отрасли** здравоохранения, а также заверение, что будут выделены дополнительные средства **на закупку лекарственных средств и вакцин** реципиент благодаря жизненному опыту реконструирует как эмоциональное состояние **уверенности**.

Аналогичный прием использован и в примере [П12], фрагменте интервью с главным государственным санитарным врачом Александром Тарасенко:

«Пока с 18 лет (прививают против COVID-19. – Прим. БЕЛТА), но на следующий год мы уже запланировали с учетом перспективы поставки вакцины для детей (вакцинацию. – Прим. БЕЛТА), населения старше 12 лет. То есть детей от 12 до 17 лет мы тоже планируем в следующем году вакцинировать при поступлении вакцины», – сказал Александр Тарасенко.

В данном примере выражена уверенность в том, что вакцины будет достаточно и вакцинация охватит все слои населения, включая подростков. А также в примере [П13] по поводу вакцинирования беременных женщин:

«С учетом того, что у “Синофарма” (это китайская вакцина) нет противопоказаний для беременных женщин, мы на сегодня перераспределяем и направляем эту вакцину в регионы и город Минск в первую очередь для вакцинации беременных женщин. Около 400 беременных женщин уже привито, это 2,5% от числа подлежащих. Эта работа будет продолжаться», – сказал Александр Тарасенко.

Однако в большем количестве текстов помимо описания ситуации используется также эмотивно-ассоциативная лексика [П14]:

*«**Запас вакцин вполне достаточный**. У нас на сегодня как таковой запас составляет из расчета 800 тыс. человек. В дальнейшем будут закупки как “Спутника V”, так и китайской вакцины. Возможно поступление и других вакцин», – сказал Александр Тарасенко.*

*Чтобы **избежать ажиотажа и неудобств** для граждан в виде очередей или долгого ожидания, замминистра порекомендовал желающим получить прививку записываться заранее. «Гражданин в назначенное время придет и в **спокойной обстановке** сможет получить первый компонент, а затем второй, если это двухкомпонентная вакцина», – отметил он, добавив, что в стране также проводится вакцинация и однокомпонентной вакциной «Спутник Лайт». < ... >*

*Что касается в целом **активности населения**, то она **высокая**, заметил Александр Тарасенко.*

К ассоциативно-эмотивной лексике в данном контексте относятся словосочетания: *достаточный запас вакцин, спокойная обстановка, высокая активность населения, избежать ажиотажа и неудобств*. Они призваны вызвать ощущение уверенности и контроля.

Аналогично и в примере [П15]:

«Комитет со своей стороны постарался **создать все условия** для того, чтобы столичные жители вакцинировались. В торговых центрах, магазинах и даже на рынке во время акции “COVID-патруль” работают **волонтеры “Доброго сердца”**, которые рассказывают жителям и гостям Минска о **важности ношения масок и вакцинирования**, ориентируют, где можно привиться по месту жительства и нахождения. < ... > волонтеры также **помогают** поликлиникам столицы в **доставке рецептов** людям пожилого возраста. Инициатива позволяет сократить количество пенсионеров в учреждениях здравоохранения и **предотвратить их заражение** коронавирусной инфекцией».

Словосочетания *создать все условия, волонтеры «Доброго сердца», доставка рецептов, предотвратить заражение, важность ношения масок и вакцинирования* отражают атмосферу уверенности в обществе.

Анализ материала выборки и изложенное выше позволяют сделать следующие выводы:

- Одной из составляющих эмоционального климата общества стран Европейского союза в 2021 году является неудовлетворенность, в Республике Беларусь – уверенность;
- Причиной неудовлетворенности выступает ситуация с вакцинацией: изначально из-за дефицита вакцины, далее из-за возможного побочного эффекта – тромбоза, который привел к летальному исходу некоторых привитых пациентов;
- В немецкоязычных текстах зафиксированы следующие способы репрезентации эмоционального климата: 1) непосредственная номинация господствующей в обществе эмоции (встречается как в названиях статей, так и в тестах); 2) описание прототипической ситуации, в которой проявляется данное психологическое состояние; 3) комплексная репрезентация эмоционального климата: номинирование и дискрипция ситуации в рамках одного новостного микротекста;
- В русскоязычных текстах СМИ номинирование эмоций отсутствует, присутствует только описание ситуации с использованием или без использования ассоциативно-эмотивной лексики;
- Номинирование эмоционального климата неудовлетворенности не показало лексического многообразия: *Unmut* ‘недовольство’, *Unzufriedenheit*

‘недовольство’, репрезентация через другие смежные эмоции и состояния более богата: *Ärger* ‘гнев’, *Schadenfreude* ‘злорадство’, *Streit* ‘спор’, *Zwist* ‘раздор’, ‘разлад’, *Unsicherheit* ‘неуверенность’, *keine Klarheit* ‘отсутствие ясности’; *sich gegen Vorwürfe wehren* ‘защищаться от обвинений’, *Vereinbarungen nicht einhalten* ‘не соблюдать договоренности’, *keine Lösung bringen* ‘не принести решения’, *verklagen* ‘заводить дело’, ‘предъявлять иск’, *die Klage einreichen* ‘предъявлять иск’, *den Druck erhöhen* ‘повышать давление’ и т.д.;

- При констатации эмоционального климата уверенности в русскоязычных текстах использованы следующие словосочетания: *достаточный запас вакцин, спокойная обстановка, высокая активность населения, избежать ажиотажа и неудобств, создать все условия, волонтеры «Доброго сердца», доставка рецептов, предотвратить заражение, важность ношения масок и вакцинирования, напряженная, но контролируемая ситуация.*

- В структуре предложения данные конструкции чаще всего выступают предложными дополнениями или подлежащими на материале обоих языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соколова, Е. Д. Эмотивные высказывания в русской и английской прессе : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е. Д. Соколова ; Сарат. гос. ун-т. им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов, 2010. – 24 с.
2. Rivera, J. de Emotional Climate. Social Structure and Emotional Dynamics / J. de Rivera // International review of studies on emotion. – 1992. – Vol. 2. – P. 197–218.
3. Неудовлетворенность [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии на Академике. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_antonyms/4221. – Дата доступа: 03.05.2021.
4. Уверенность [Электронный ресурс] // Психологическая энциклопедия. – Режим доступа: <https://vocabulary.ru/termin/uverennost.html>. – Дата доступа: 24.10.2021.
5. Коростова, С. В. Эмоциональные ситуации в художественном тексте: способы выражения эмотивно-оценочных смыслов / С. В. Коростова // Вестник Тамбовского государственного университета. Сер. Филологические науки и культурология. – 2016. – № 3 (7). – С. 70–78.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

П1 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wienerzeitung.at/nachrichten/politik/europa/2090073-Aerger-ueber-Impfstoff-Engpaesse.html>. – Дата доступа: 03.05.21.

П2 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wienerzeitung.at/nachrichten/politik/europa/2090871-AstraZeneca-macht-Vertrag-mit-EU-publik.html>. – Дата доступа: 03.05.21.

П3 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.merkur.de/welt/astrazeneca-impfstoff-eu-kommission-klage-hersteller-lieferungen-90475932.html>. – Дата доступа: 03.05.21.

П4 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.merkur.de/welt/astrazeneca-impfstoff-eu-kommission-klage-hersteller-lieferungen-90475932.html>. – Дата доступа: 03.05.21.

П5 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wienerzeitung.at/nachrichten/politik/europa/2090463-Zwist-um-Impfstoff-Lieferungen-eskaliert.html>. – Дата доступа: 03.05.21.

П6 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wienerzeitung.at/nachrichten/politik/europa/2089936-EU-erhoeht-Druck-auf-Impfstoff-Hersteller.html>. – Дата доступа: 03.05.21.

П7 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wienerzeitung.at/nachrichten/politik/europa/2089936-EU-erhoeht-Druck-auf-Impfstoff-Hersteller.html>. – Дата доступа: 03.05.21.

П8 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wienerzeitung.at/nachrichten/politik/europa/2089936-EU-erhoeht-Druck-auf-Impfstoff-Hersteller.html>. – Дата доступа: 03.05.21.

П9 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.merkur.de/welt/astrazeneca-impfstoff-eu-kommission-klage-hersteller-lieferungen-90475932.html>. – Дата доступа: 03.05.21.

П10 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belta.by/society/view/infeksionist-patsienty-s-covid-19-okazavshis-v-reanimatsii-sozhalejut-cto-vovremja-ne-privilis-465260-2021/>. – Дата доступа: 24.10.21.

П11 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belta.by/president/view/iz-rezervnogo-fonda-prezidenta-vydeljat-dopolnitelnye-sredstva-na-borbu-s-covid-19-465218-2021/>. – Дата доступа: 24.10.21.

П12 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belta.by/society/view/vaktsinatsiju-protiv-covid-19-podrostkov-12-17-let-planirujut-nachat-so-sledujuschego-goda-v-belarusi-466047-2021/>. – Дата доступа: 24.10.21.

П13 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belta.by/society/view/okolo-400-beremennyh-zhenschin-privito-protiv-covid-19-v-belarusi-466048-2021/>. – Дата доступа: 24.10.21.

П14 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belta.by/society/view/tarassenko-zapas-vaktsin-protiv-covid-19-dostatochnyj-466049-2021/>. – Дата доступа: 24.10.21.

П15 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belta.by/society/view/aktsija-covid-patrul-startovala-v-oblastnyh-tsentrakh-belarusi-465255-2021/>. – Дата доступа: 24.10.21.

УДК 81'42:070

Сажина Елена Владимировна

кандидат филологических наук, доцент,
декан факультета иностранных языков
Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины
г. Гомель, Беларусь

Elena Sazhina

PhD in Philology, Associate Professor,
The Dean of The Faculty
of Foreign Languages
Gomel State University
named after F. Skaryna
Minsk State Linguistic University
Gomel, Belarus
Sazhina@gsu.by

**ТАКТИКА ОБВИНЕНИЯ И ЕЕ ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ
В ПОЛЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ПЕЧАТНЫХ СМИ
(на материале белорусской и британской прессы)**

**THE TACTICS OF ACCUSATION AND ITS LINGUISTIC REPRESENTATION
IN POLEMIC DISCOURSE
(on the Material of the Belarusian and British Press)**

В настоящей статье рассматриваются вопросы тактико-стратегического потенциала полемического дискурса печатных СМИ на материале белорусской и британской прессы. Изучается тактика обвинения в рамках коммуникативной стратегии дискредитации, устанавливается набор языковых средств, участвующих в ее реализации. Выявляются сходства и отличия в репрезентации изучаемой тактики на материале неблизко-родственных языков.

The article deals with the issues of tactical and strategic potential of the polemic discourse of the print media on the material of the Belarusian and British press. The tactics of accusation has been studied within the framework of the communicative strategy of discredit, a set of linguistic means involved in its implementation has been found out. The similarities and differences in the representation of the studied tactics on the material of non-closely related languages have been revealed.

К л ю ч е в ы е с л о в а: полемический дискурс печатных СМИ; стратегия дискредитации; тактика обвинения; прямой способ обвинения; косвенный способ обвинения.

К e y w o r d s: the polemical discourse of the print media; the strategy of discredit; tactics of accusation; the direct method of accusation; the indirect method of accusation.

Потребность в обновлении информации в разных сферах жизни является неотъемлемой частью нашего бытия. Информация помогает нам

не только в социальных, экономических, политических, бытовых вопросах, но и обогащает духовно, развивает кругозор, стимулирует когнитивные процессы в нашем сознании, что делает жизнь человека насыщенной и полноценной. Поэтому любые процессы, происходящие в обществе, находят свое отражение в продуктах нашей жизнедеятельности, одним из которых является дискурс.

Будучи многоплановым, комплексным феноменом, обладающим различными формами, открытыми для трансформаций, и включающим в себя кроме текста экстралингвистические факторы, дискурс постоянно развивается, видоизменяется, обновляется, что делает его идеальным объектом исследований для представителей различных наук, в том числе и для ученых-лингвистов.

На данный момент уже изучены дискурсивные категории на примере таких дискурсов, как научный, политический, рекламный и т.д. Установлены структурные, прагмалингвистические особенности юридического и экономического дискурсов. Уточнено разграничение между самими понятиями *дискурс*, *текст*, *речь*, *функциональный стиль* и т.д. Однако, как отмечалось нами выше, дискурс не существует отдельно от общества в целом и человека в частности. Поэтому любые изменения в окружающей нас жизни оказывают влияние на изменение в дискурсах различных типов, становятся триггером для различного рода модификаций, трансформаций на лингвистическом уровне дискурса, что, в свою очередь, требует наблюдения, анализа, систематизации и учета их возможного влияния на законы коммуникации, ее успешность / неуспешность, эффективность.

Одним из типов дискурсов, который до сих пор изучен не в полном объеме, является полемический дискурс печатных СМИ, который имеет форму диалога и происходит в пределах социального института печатных СМИ между индивидами и группами с целью нахождения путей решения актуальной проблемы [1].

Ранее было установлено, что для успешной реализации цели полемического дискурса печатных СМИ его участники – автор проблемной статьи и читатели – используют различные коммуникативные стратегии и тактики. Так, для оптимизации эффективности воздействия, оказываемого адресантом полемического дискурса на адресата, применяется *стратегия побуждения*, которая реализуется такими тактиками, как *тактика создания эффекта достоверности*, *тактика создания эффекта значительности события*, *тактика оценки*, *тактика повторения*, *тактика вопросительности* [2]. Было также установлено, что каждая тактика реализуется посредством определенного набора языковых средств. *Стратегия информирования* в полемическом дискурсе печатных СМИ на материале белорусской русскоязычной и британ-

ской англоязычной прессы, в свою очередь, реализуется такими тактиками, как *композиционное деление текста, обзор и анализ фактов, публикаций, утверждений адресанта или адресата, цитация, тактика повторения лексем*. Все перечисленные тактики получают разную языковую репрезентацию в русском и английском языках.

Однако на данный момент тактико-стратегический потенциал полемического дискурса изучен не в полной мере, поэтому целью настоящей работы является установление набора языковых средств, участвующих в реализации тактики обвинения в рамках коммуникативной стратегии дискредитации. Практический анализ проводился на материале проблемных статей и откликов читателей на них в газетах «СБ. Беларусь сегодня» и «The Guardian».

Прежде всего следует отметить, что использование стратегии дискредитации на газетной полосе обусловлено тем, что газета традиционно считается областью манипулятивной коммуникации и имеет специфическую черту, демонстрирующую власть языка – воздействие на массовое сознание [3]. Традиционно для реализации стратегии дискредитации используется определенный набор речевых тактик: *тактика обвинения, тактика нагнетания отрицательного, тактика не прямых оскорблений, тактика навешивания ярлыков, тактика умаляющих сравнений* и др.

В целом стратегия дискредитации направлена на снижение степени доверия к кому-либо или чему-либо, умаление авторитета и т.п. Как правило, за счет создания положительного образа «своих» через очернение «чужих», с одной стороны, достигается развязывание острой дискуссионной полемики, что в случае полемического дискурса призвано достичь цели – поиска решения существующей проблемы. С другой стороны, *тактика обвинения*, участвующая в реализации стратегии дискредитации, призвана продемонстрировать наличие существующих фактов, которые, на взгляд автора проблемной статьи, а затем и отдельных читателей, являются заведомо ложными и умаляют степень существующей проблемы, вводят людей в заблуждение. Поэтому использование тактики обвинения способствует не только созданию полемического контекста, но и представляет собой обращение к более тонким, имплицитным механизмам воздействия, способствующим желательному восприятию фактов и необходимой для адресанта информации [4, с. 176].

Как показал проведенный практический анализ, для реализации тактики обвинения в полемическом дискурсе печатных СМИ используются прямой и косвенный способ языковой репрезентации. В первом случае мы имеем дело с использованием лексем, в семантическом ядре которых содержится сема 'вина'. Рассмотрим примеры на материале белорусской и британской прессы:

Автор (Article "Who's to blame for the Afghanistan chaos? Remember the war's cheerleaders"):

Today the media are looking for scapegoats, but 20 years ago they helped facilitate the disastrous intervention 'Cheerleading for the war in Afghanistan was almost universal, and dissent was treated as intolerable.' A US marine with evacuees at Kabul airport.

*Everyone is **to blame** for the catastrophe in Afghanistan, except the people who started it. Yes, Joe Biden screwed up by rushing out so chaotically. Yes, Boris Johnson and Dominic Raab failed to make adequate and timely provisions for the evacuation of vulnerable people. But there is a frantic determination in the media to ensure that none of **the blame** is attached to those who began this open-ended war without realistic aims or an exit plan, then waged it with little concern for the lives and rights of the Afghan people: the then US president, George W Bush, the British prime minister Tony Blair and their entourages. Indeed, Blair's self-exoneration and transfer of **blame** to Biden last weekend was front-page news, while those who opposed his disastrous war 20 years ago remain cancelled across most of the media. Why? Because to acknowledge the mistakes of the men who prosecuted this war would be to expose the media's role in facilitating it.*

В приведенном примере употребление лексем *to blame, the blame, blame* является примером реализации прямого способа обвинения, поскольку слова со значением 'вина' напрямую делают акцент на тех обстоятельствах или лицах, виновных так или иначе, по мнению автора статьи, в проблеме по выводу войск США из Афганистана и последствиях, вызванных данным событием.

Повторение данных лексем присутствует и в откликах читателей, которые соглашались с обвинениями, выдвинутыми автором проблемной статьи, либо выдвигают свои обвинения:

*Читатель WhewellsCourtTrinity: There is indeed. I agree that the media are **to blame**. But, as the story of the elated news editor in this article amply illustrates, they are catering for a bloodthirsty readership. Nor does our parliament appear to be immune to such bloodthirstiness: they overwhelmingly approved the invasion of Iraq by 412 votes to 149 and went on to reject by 396 to 217 votes an amendment calling for UN authorisation.*

Благодаря реализации тактики обвинения путем употребления лексем с ядерной семьей 'вина' осуществляется акцентирование на негативных, по мнению адресанта, последствиях деятельности субъекта или субъектов.

Как показал проведенный анализ, реализация тактики обвинения путем использования прямого способа номинации для белорусской прессы не свойственна. В случае с белорусскими проблемными статьями и откликами на них акцентирование отрицательных результатов деятельности субъекта или субъектов достигается анафорическим построением смежных предложений, где на первый план выдвигается указание на причины проблемы, субъект выражен личными местоимениями 3-го лица, возвратными и указательными местоимениями:

Автор («Из белорусского среднего класса выделился подкласс: гулящие»):
Хорошо, идеологию запустили, школа не справилась, семья... А вот в семье-то как раз те, кто перестройку пережил, мало что рассказали таким молодцам и молодыцам. Боюсь, они – нынче 40–60-летние – даже сами не отрефлексировали ту буржуазную контрреволюцию. Сначала было некогда – выживали. Затем снова нет времени – пытались встроиться в новое. Потом ни до чего – зарабатывали. И вот у каждого – квартира, машина, даже дача с яхтой может быть, а вся семья дружно проклинает «это государство».

В данном примере мы имеем дело с обвинением, предъявляемым семье как ячейке общества, которая, с точки зрения автора, была долгое время «слишком занята», чтобы заниматься воспитанием детей. И как результат – общественно значимая проблема формирования ценностей. С помощью лексики, обладающей негативной семантикой (*запустили, не справилась, мало, буржуазную контрреволюцию, некогда, выживали, нет времени, ни до чего, проклинает*), моделируется образ «виновного».

В откликах читателей мы видим употребление тех же языковых средств, реализующих тактику обвинения, что и в проблемной статье, равно как и избегание прямого способа обвинения:

Читатель Ольга Высокинская: *Увы, но мы сами вырастили поколение «кнопочных», считающих себя центром вселенной, презирающих любой труд на благо страны и считающих, что существует только два мнения – их и неправильное.*

При анализе англоязычного материала удалось установить, что в британских проблемных статьях и откликах читателей на них для реализации косвенного способа также используются номинации субъектов в предложениях с анафорическим построением:

Автор (“Is democracy getting in the way of saving the planet?”): *There is simply no class of enlightened technocrats in powerful governments waiting in the wings to save the day. No authoritarians are gunning to decarbonise at the breakneck speed required to avert catastrophe. And no billionaire saviour in the form of Elon Musk or Jeff Bezos will rescue our dying planet – they’re both more interested in getting off it than improving it.*

В данном примере мы видим обвинения, звучащие в адрес правительства, а также богачей, которые не стремятся прилагать усилия для спасения планеты. При этом лексем со значением ‘вина’ не наблюдается, а имеет место косвенный способ обвинения, путем перечисления бездействия властей и известных миллиардеров.

Таким образом, мы видим, что в полемическом дискурсе британских и белорусских печатных СМИ для реализации тактики обвинения в рамках стратегии дискредитации характерно употребление прямых и косвенных

способов, которые выражаются в употреблении (в англоязычном дискурсе) лексем с ядерной семой 'вина' и / или номинациях субъектов (в обоих языковых вариантах) с погружением информации в негативный контекст (создается за счет лексем с отрицательной семантикой).

Как видно, стратегия дискредитации, направленная на умаление профессиональных качеств не только политиков, но и представителей других сфер жизни, реализуется с помощью тактики обвинения, которая в сочетании с другими тактиками способствует достижению цели исследуемого дискурса в целом – совместному поиску решения существующей проблемы, поскольку позволяет вынести на обсуждение факты и действия, которые могут скрываться от общественности.

Создание негативного эмоционального фона дает почву для внушения и убеждения в правильности авторского мнения. Однако в полемическом дискурсе печатных СМИ, как показывает проведенный анализ, обнаруживается апелляция не только к чувствам и эмоциям, но и к рациональной составляющей, вызванная стремлением адресанта стимулировать воздействие на адресата и побуждение его к анализу информации, проведению сравнительно-сопоставительных процедур. Поэтому имеет место когнитивная стратегия, чтобы помочь адресату в самой процедуре интерпретации информации (принять, соотнести с уже известным и осознать как личное знание), а затем переходе к заданным выводам и обобщениям. Изучению особенностей реализации когнитивной стратегии в полемическом дискурсе печатных СМИ на материале неблизкородственных языков будут посвящены дальнейшие работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сажина, Е. В. Структурные и прагматические характеристики полемического дискурса: (на материале англоязычной прессы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. В. Сажина ; Мин. гос. лингвист. ун-т. – Минск, 2007. – 21 с.

2. Сажина, Е. В. Языковая репрезентация коммуникативных стратегий в полемическом дискурсе / Е. В. Сажина // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта ім. І. П. Шамякіна. – 2010. – №1 (26). – С. 108–111.

3. Хабекирова, З. С. Стратегия дискредитации и приемы ее реализации в политическом дискурсе демократической оппозиции / З. С. Хабекирова // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2, Филология и искусствоведение. – 2011. – № 2. – С. 138–144.

4. Паршина, О. Н. Российская политическая речь: теория и практика / О. Н. Паршина. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 232 с.

УДК 81'42

Сысоева Татьяна Александровна

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры речеведения
и теории коммуникации
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Tatsiana Sysoyeva

PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Chair
of Speech Communication
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
thecom@mslu.by

ОСВЕЩЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО СОБЫТИЯ
В ЮМОРИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(на материале рассказов о театральной жизни)

DESCRIPTION OF A CULTURAL EVENT
IN HUMOROUS DISCOURSE
(Based on Theatrical Stories)

В статье выявляются закономерности дескрипции театрального события в юмористических рассказах, байках и анекдотах. Сопоставляются модели поведения представителей русской, американской и белорусской (русскоязычной) лингвокультур при описании самого мероприятия, его участников, а также комической ситуации, которая легла в основу повествования. Наиболее заметные различия связаны с типологией ситуаций, над которыми шутят представители трех лингвокультур.

The paper considers ways of describing a theatrical event in humorous stories, tales and anecdotes. Three linguocultures are being compared – Russian, American and Belarusian (Russian-speaking). Principles of depicting the event itself, its participants and the underlying comic situation are identified. It has been demonstrated that the most striking linguocultural differences are associated with the situations creating humorous effect.

К л ю ч е в ы е с л о в а: театральное событие; юмористический дискурс; беллетристический дискурс; рассказ; байка; анекдот.

К e y w o r d s: theatrical event; humorous discourse; belletristic discourse; story; tale; anecdote.

Культурные события (будь то сфера кино, театра, изобразительного искусства или спорта) находят отклик у самых разных групп общественности, различающихся по своим социокультурным характеристикам. Сказанное обуславливает структурное, содержательное и функциональное многообразие текстов, сопровождающих каждое событие вне зависимости от его масштаба, а также объясняет множественность интерпретаций данного события.

В настоящей публикации обратимся к беллетристическому сопровождению событий из театральной жизни, которое находит воплощение в юмористических текстах – рассказах, байках (историях), анекдотах. В ходе анализа сопоставлялось речевое поведение представителей трех лингвокультур – русской, американской, белорусской (русскоязычной).

Юмористический дискурс связан с игрой, которая может осуществляться как на когнитивном, так и на языковом уровне. «Этот тип дискурса можно определить как целостную форму речи, характеризующуюся несерьезной тональностью общения, игровым переосмыслением актуальных концептов и стереотипов и преследующую развлекательную цель» [1, с. 249]. Характерными признаками контекста, в который погружен юмористический текст, являются следующие моменты. Во-первых, участники общения преследуют коммуникативное намерение уйти от серьезного разговора. Во-вторых, такой дискурс отличается так называемой «юмористической тональностью общения», когда участники коммуникации стремятся сократить социальную дистанцию и критически переосмыслить актуальные концепты, «смягчить» проблемную ситуацию и т.д. В-третьих, для юмористического дискурса характерно наличие определенных моделей смехового поведения, принятого в той или иной лингвокультуре [2, с. 898]. Таким образом, «модель анализа юмористического дискурса в целом строится на основании трех признаков: юмористическая интенция, юмористическая тональность и стереотипы юмористического поведения. Из этих трех признаков юмористическая интенция не связана с этнокультурной спецификой поведения, в то время как остальные признаки обнаруживают такую связь» [3, с. 59].

Говоря о жанровой специфике юмористического дискурса, исследователи выделяют анекдот как его центральный жанр. «Существует огромное количество классификаций анекдотов, что вызвано многообразием их тематики, формы, персонажей, объема, способов создания. Как правило, анекдоты анонимны, их первичная форма существования – устная, с множеством интерпретаций, некоторые из которых приобретают вторичную форму бытования – письменную» [4, с. 104]. Однако герои анекдотов стереотипны, и их можно идентифицировать по определенным социокультурным признакам: национальной, профессиональной, гендерной принадлежности и т.д. В нашем случае рассматриваются образцы анекдотов, объединенные темой «театр», героями которых выступают сотрудники театра (актеры, режиссеры, технический персонал и пр.), а также зрители, пришедшие на спектакль. «...Все анекдоты можно противопоставить по признаку “абсурдность–реальность”. Абсурдность, т.е. нелепость, несообразность, представляет

собой признак особой ситуации, когда нечто противоречит здравому смыслу, всему жизненному опыту, логике, но при этом допускается как возможное либо имеет место в реальности» [3, с. 55].

При отборе анекдотов на театральную тему нельзя не принять во внимание жанр актерской (или театральной) байки, который очень близок к жанру анекдота и не менее популярен в театральной среде. Байка как литературный жанр уходит корнями в народный фольклор. Несмотря на очевидное сходство с анекдотом, байка все же обладает и специфическими чертами. «В отличие от анекдота байка большего объема, в ее основе лежит реальное или максимально приближенное к реальности курьезное событие» [4, с. 105]. Однако этот жанр также не является статичным и однородным. Во-первых, соотношение правды и вымысла в байках варьируется. Реальное событие, которое изначально было положено в основу байки, может в дальнейшем быть подвержено изменениям. Причин подобных модификаций несколько: 1) банальное желание рассказчика приукрасить детали с целью вызвать эмоциональный отклик у адресата; 2) длительный процесс передачи байки из уст в уста, в результате чего она «обращается» новыми забавными подробностями и по сути превращается в анекдот. Бывают и такие ситуации, когда содержание байки является полностью вымышленным уже в момент ее создания.

Наконец, еще одним жанром юмористического дискурса, рассматриваемым в контексте настоящего исследования, является рассказ. Юмористический рассказ – это небольшая по объему веселая история, и количество его действующих лиц всегда ограничено. Как правило, рассказ строится вокруг описания одного события и, соответственно, имеет одну сюжетную линию, что делает жанр юмористического рассказа близким родственником анекдота или байки.

Таким образом, жанровое наполнение юмористического дискурса отличается сложностью и многообразием. И все же настоящее исследование не ставит своей задачей жестко разграничить такие жанры, как рассказ, байка, анекдот. В нашем случае их объединяет как минимум три основных признака: общность темы (театральная жизнь), комический эффект (элемент неожиданности), а также художественная форма (даже если рассказ является ядерным беллетристическим жанром, а байка и анекдот – периферийными). Фактически исследуемые тексты находятся на пересечении трех множеств, а именно трех типов дискурса, выделенных по разным основаниям, – юмористического, театрального и беллетристического.

Юмористические тексты при всем их жанровом разнообразии строятся по общему канону, в основе которого лежит некое несоответствие (между интенцией и результатом, ожиданием и реальностью, содержанием и формой и т.д.). Иными словами, комический эффект будет во многом зависеть

от степени непредсказуемости истории, рассказанной адресату. «...Неожиданное завершение юмористического сюжета, нетипичные сочетания слов являются залогом успеха транслируемого адресантом дискурса» [1, с. 250]. В театральной среде комический эффект чаще всего достигается за счет описания нештатной ситуации на спектакле, когда из строя выходит реквизит, актер забывает реплику, зрители мешают выступлению и т.д. Однако более тщательное изучение любых юмористических текстов может быть достигнуто только при учете этнокультурных и социокультурных параметров коммуникантов [3, с. 55].

Обратимся к практическому анализу произведений, освещающих театральное событие в юмористическом ключе. В русскоязычном корпусе текстов мероприятия обозначаются словами с более широким значением (*спектакль, постановка*), выражающими родовые понятия, или конкретизируются: *балет, опера, пьеса, драма, новогодний утренник*. Упоминаются мероприятия, предшествующие спектаклю (*репетиция*), уточняется характер представления (*премьера, гастрولي*). Выделяются этапы, составные элементы мероприятия: *акт, мизансцена* (конкретный момент спектакля), *финал / финальная сцена, зрительские овации* (как завершающая часть спектакля). Представители американской культуры более детально описывают тип, характер, формат театрального события. Помимо слов широкой семантики (*performance, show*) и наименований конкретных жанров (*opera, drama, play, musical, satire, musical revue*) используется лексика, обозначающая время или локацию спектакля: *matinee, summer production, outdoor production*. Для описания репетиции используется общеупотребительное *rehearsal* или более специфическое *read-through* (так называемая «читка»). Также выделяются этапы представления: *scene, climax, intermission*. Для русскоязычных историй, рассказанных представителями белорусской культуры, характерен более «скромный» арсенал наименований культурных событий: *спектакль, мюзикл, опера, балет, концерт; гастрولي; сцена / акт*. Вероятно, такой результат определяется популярностью классических театральных форм.

Участниками мероприятий, обсуждаемых в русскоязычных текстах, выступают как представители творческих профессий, так и технический персонал: *дирижер, концертмейстер, актер, артист, музыкант, литаврист, реквизитор, суфлер, монтировщик, осветитель, гардеробица, массовка, сценический рабочий / рабочий сцены / работник сцены*. Встречаются примеры метонимии (*первый тромбон*), сокращений (*помреж*), уменьшительно-ласкательных суффиксов, выражающих пренебрежительное отношение рассказчика к главным героям действия (*хористочка, дебютанточка*). Адресант может использовать эмоционально-оценочную, стилистически окрашенную лек-

сикю с целью передачи субъективного отношения к участникам событий: *мэтр, прима, дарование, профессионал*. Описание посетителей мероприятия помимо использования общеупотребительной лексики (*зритель, любитель театра, публика*) также характеризуется применением разнообразных стилистических приемов: *зал, первые ряды* (метонимический перенос), *бомонд* (книжная лексика). В русскоязычном корпусе сообщений, авторами которых выступают представители белорусской культуры, комплекс наименований участников мероприятий в целом сходный, однако отличается меньшим разнообразием: *актер, артист, хореограф, режиссер, художественный руководитель, массовка, технический работник, рабочий, зритель*. В свою очередь авторы англоязычных текстов делают акцент на противопоставлении творческих работников и технического персонала (*cast member – crew member*), сотрудников театра и волонтеров (*paid staff – a volunteer usher*). Используется перифраз (*woman who is in charge of the makeup*), а также подчеркивается деловой характер взаимоотношений между театром и зрителем как между коммерческой структурой и ее клиентами (*box office manager – customer*).

В завершение определим типы комических ситуаций, превалирующие в каждой театральной лингвокультуре. Представители русской лингвокультуры чаще всего шутят над ситуацией, когда актер на сцене забыл или перепутал текст (25 % выборки): *Рамзес Джабраилов открывает свое окошечко и вместо фразы: «На крыльях вымысла носимый ум улетал за край земли!» – произносит: «На крыльях вынесла... мосиный... ун... уметал... закрал... ЗАКРЫЛ!»*. В 23 % случаев возникает нештатная ситуация, в которой сообразительный сотрудник театра все же решает проблему успешно, хоть и неожиданно: *И тут находчивый музыкант на бегу снимает с себя резиновую калошу и точно по сигналу запускает ее по литавре. На удивление всем, звук раздается вовремя, но... калоша, ударившись об упругую кожу литавры, «отколашивает» прямо в лицо первому тромбону, сосредоточенно играющему соло*. В приведенном примере речь идет о том, как литаврист отлучился на «перекур» и не успел вовремя вернуться в оркестровую яму, чтобы в нужный момент исполнить свою партию. Наконец, 18 % историй повествуют о проблемах с реквизитом, когда актеры на сцене вынуждены импровизировать с большей или меньшей долей успешности: *Реквизиторы не нашли малинового берета и заменили его зеленым... Входит Евгений, подходит к другу и ищет глазами яркое малиновое пятно... его нет... находит глазами Татьяну... Далее диалог: «Кто там... в ЗЕЛЕНОВОМ берете?»*.

Представители американской культуры чаще всего шутят по поводу некорректного поведения зрителей в зале, потенциальных клиентов во время

покупки билетов и даже посетителей буфета во время антракта (47 % выборки). Традиционно в подобных историях в адрес сотрудников театра летят претензии, жалобы, обвинения: *Caller: "My ticket money pays your paycheck, young lady! Do your job."* – *Me: "I am a volunteer."* В 20 % случаев комичность ситуации обусловлена неверной интерпретацией участниками собственного или чужого вербального и невербального поведения: *Director: "Have you seen any Beauties around here?" We connect the dots pretty quickly and figure out that he's asking for the actresses, so we help him... A minute later, he comes back to our table with an apology, reassuring us that we are all beauties and he shouldn't have phrased it that way.*

Сотрудники белорусских театров обычно делятся «страшилками» о проблемах с реквизитом (54 % примеров): *Он услышал зов, обернулся и увидел, что один из сундуков ходит ходуном – это несчастная Ангелина билась там в надежде освободиться.* Популярны истории о том, как смешная реплика зрителя из зала сорвала представление (15 %): *И вот во время моего диалога поднимается мужчина в нормальном таком подпитуи и громко на весь зал заявляет...* В 15 % случаев описывается нештатная ситуация, которую сотрудник театра успешно решает: *Пришлось «Паваротти» выступить в концертной рубашке в сочетании с джинсами и кедами. Зритель, слава богу, ничего не понял, решил, что такая у режиссера творческая задумка.*

Проведенное исследование показало, что лингвокультурная специфика фиксируется на всех уровнях дескрипции театрального события в юмористическом дискурсе. Она заметна уже в самой типологии обсуждаемых театральных событий и определении их участников. Однако наиболее ярко она проявляется в описаниях комических ситуаций, лежащих в основе юмористических рассказов о театре, театральных баек и анекдотов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочкарева, Ю. Ю. Юмористический дискурс как сфера игровой коммуникации / Ю. Ю. Бочкарева // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – 2013. – № 2 (24). – С. 249–250.
2. Карасик, В. И. Алгоритмы построения комических текстов / В. И. Карасик // Вестник РУДН. Сер. Лингвистика. – 2018. – Т. 22, № 4. – С. 895–918.
3. Морозова, А. М. Специфика юмористического дискурса: жанр анекдота / А. М. Морозова // *Lingua mobilis*. – 2009. – № 4 (18). – С. 52–60.
4. Волкова, М. И. Дидактический потенциал актерской байки и анекдота в обучении русскому языку как иностранному будущих актеров и режиссеров / М. И. Волкова // *Rhema. Рема*. – 2017. – № 2. – С. 103–111.

УДК 81'42

Сычевская Наталья Станиславовна

кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой теории
и практики английской речи
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Natalya Sytchevskaya

PhD in Philology, Associate Professor
Head of the Chair of Theory and Practice
of English Speech
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
n_sytchevskaya@mail.ru

МОДЕЛИРОВАНИЕ СОДЕРЖАТЕЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ТЕКСТА

A MODEL OF THE TEXT CONTENT STRUCTURE

В данной статье излагаются основные подходы к описанию содержательной структуры текста. Автором рассматриваются ключевые модели и методики структурирования текста на основе его семантики. Предлагаются обобщенная схема и методика выявления содержательных компонентов.

The article outlines the main aspects of constructing the content structure of the text. The author discusses the main models and methods of text structuring on the basis of its semantics, and proposes a generalized scheme and a method for identifying content components.

К л ю ч е в ы е с л о в а: содержательная структура; содержательный компонент; макроструктура; суперструктура; иерархическая схема.

Key words: content structure; content component; macrostructure; superstructure; hierarchical structure.

В тексте могут выделяться различные элементы, используемые в качестве единиц его структуры, а также разнообразные системы отношений между этими единицами. Исходя из этого, одному и тому же тексту может быть приписано несколько различных структур. Для выработки методики анализа структуры текста рассмотрим основные подходы к этой проблеме.

Теория знаковости языка положила начало семиотическим исследованиям в области теории текста, основу которых составила «Морфология сказки» В. Я. Проппа [1]. Открытие ученого состояло в том, что в волшебных сказках он выделил ограниченное число типов событий и персонажей, которые, несмотря на стабильность, могут реализоваться по-разному. Каждый фрагмент текста в терминах функционально-структурного анализа описывается как композиционно-семантическая функция, играющая особую роль в структуре повествования [Там же]. Семантические функции текстовых фрагментов трактуются как «устойчивые элементы», которые «образуют основные составные части» [Там же, с. 31] повествовательной структуры, их прототипическая последователь-

ность которых всегда одинакова. В содержательной структуре сказки выделяются следующие компоненты: действующие лица (персонажи) – протагонист (рассказчик и главное действующее лицо), антагонист (или неперсонифицированная антагонистическая сила, создающая протагонисту препятствия); помощники. Событийная фабула разворачивается в пространственно-временных координатах конкретной обстановки [Там же]. Этот подход получил развитие в работах представителей структурно-семиотического направления в лингвистике Р. Барта, Цв. Тодорова, Р. Скулза и Р. Келлога и др.

В российской стилистике и теории текста распространение получила модель анализа текста по составу композиционно-речевых форм, которые рассматриваются с точки зрения их предметно-логического содержания, структурно-синтаксической организации и принципов сочетаемости [2]. Путем поэтапного анализа выделяются композиционно-речевые формы, а затем устанавливается характер их взаимодействия с категориями художественного времени, динамики и статики, принципов сочетаемости композиционно-речевых блоков и закономерностей их чередования. В качестве основных композиционно-речевых форм (способов изложения) обычно признаются *описание*, *повествование*, *рассуждение* [3]. На наш взгляд, эти формы являются довольно абстрактными категориями, их можно лишь условно считать едиными способами изложения мысли. Каждый из них включает в себя несколько частных, более конкретных, производных способов изложения, которые реализуются в тексте обычно не в чистом виде, а в разных комбинациях как варианты и модификации нескольких способов. Эта модель анализа применялась, в основном, к художественным текстам, где существует разнообразие композиционно-речевых форм и видов речи, тем не менее, некоторые элементы этой теории будут использованы нами при исследовании аргументативного аспекта публичной речи, поскольку она дает возможность структурировать более крупные текстовые фрагменты, представляющие единое целое.

К другому распространенному подходу анализа структуры текста относится подход, учитывающий его семантику. Он восходит к трудам Н. И. Жинкина [4] и получает дальнейшее развитие в работах его учеников и последователей. В качестве механизма выступает приписывание рангов элементам смысловой структуры, элементами которой выступают денотаты у А. И. Новикова; предикаты у Н. И. Жинкина, Т. М. Дридзе и В. Д. Тункель; текстовые субъекты и текстовые предикаты у Л. П. Доблаева и т.д. Они характеризуются непосредственной соотнесенностью с языковыми единицами – лексическими и синтаксическими, – образующими поверхностную ткань текста. Эти модели (с определенной долей условности) можно назвать индуктивными, так как исследование смысловой структуры текста происходит от отдельных конкретных компонентов смысла через сложную систему иерархических связей к той «вершине», где находится главная тема текста, его смысловой фокус.

Одна из продуктивных моделей подобного типа была представлена Т. А. ван Дейком и апробирована им на материале текстов новостей [5]. Исследуя «глобальную организацию текстов», Т. А. ван Дейк применяет термин *глобальные структуры* к фрагментам текста, более протяженным, чем предложение, или к целому тексту. Эти структуры обеспечивают целостность содержания текста, в отличие от его связности (когерентности), обеспеченной через локальные структуры, т.е. на уровне связи пропозиций, выраженных именными группами и предложениями текста.

В данной концепции понятие макроструктуры (тематической структуры) текста «применяется для обозначения того, что обычно называется сутью, общим содержанием, темой или топиком текста» [5, с. 68]. Макроструктура текста образуется как совокупность макропропозиций нескольких уровней, сконструированных при помощи определенных правил и стратегий из атомарных пропозиций (= лексические значения) и сложных пропозиций (= предложения), извлекаемых из поверхностной структуры текста при его восприятии. К числу таких правил относятся правила сокращения несущественной информации, обобщения двух или более однотипных пропозиций и построения, т.е. комбинации нескольких пропозиций в одну. Макроструктура строится таким образом, чтобы она могла представлять собой полноценный текст. Макроправила применяются многократно, поэтому существует несколько уровней макроструктуры по степени обобщения. Фактически макроструктура, по Т. А. ван Дейку, в других терминах называется рефератом или резюме. Макроструктуры соответствуют структурам долговременной памяти – они суммируют информацию, которая удерживается в течение достаточно длительного времени в памяти людей, услышавших или прочитавших некоторый текст [5]. Макроструктура текста показывает его общие топики или темы, которые каким-то образом организуют все наиболее важное в тексте и определяют «итог» того, что написано. Под *темой* в рассматриваемой концепции понимается не отдельное слово или понятие, а макропропозиция, в отличие от темы отдельного высказывания, обычно представленной группой подлежащего. «Тема каждого индивидуального высказывания в дискурсе обусловлена тем, как его информация распределяется линейно, в то время как тема дискурса указывает на то, как его содержание организовано глобально, т.е. иерархически. Макропропозиция как бы суммирует, резюмирует дискурс, оказывается его кратким содержанием» [5, с. 129–130]. Таким образом, тема дискурса является сжатым выражением его макроструктуры.

Помимо «макроструктуры» Т. А. ван Дейк выделяет также понятие суперструктуры – стандартной схемы, по которой строятся конкретные тексты. Схематическая суперструктура является формой для организации общего значения, т.е. макроструктуры текста как целого. Схема может быть задана набором характерных содержательных компонентов и набором правил или

стратегий, определяющих порядок следования этих компонентов. Следует также отметить, что схемы, по мнению данного лингвиста, обладают постоянными, конвенциональными (и потому варьирующимися в разных культурах) свойствами, специфическими для каждого типа текста. В отличие от макроструктуры, суперструктура связана не с содержанием конкретного дискурса, а с его жанром, и поэтому в текстах одного жанра проявляется «закрепленная, конвенциональная схема, которая состоит из категорий, типичных (хотя бы частично) для этих текстов <...> Каждая категория должна соответствовать особой последовательности пропозиций или предложений текста» [5, с. 255]. «Суперструктура – это вид абстрактной схемы, определяющей глобальную упорядоченность текста и состоящей из ряда категорий, комбинаторные возможности которых основываются на конвенциональных правилах» [Там же, с. 256]. Она может быть представлена в виде древовидной схемы, которая отражает общее структурирование содержания текста, т.е. те компоненты смысла, которые обычно представлены в тексте подобного вида. При этом содержательные аспекты текста репрезентируются таким образом, что одна ветвь является основанием или предпосылкой для следующей. Каждому из аспектов содержания, отраженных древовидной схемой, соответствует определенная часть или фрагмент общего текста, причем аспектам более низкого уровня иерархии соответствуют меньшие по объему фрагменты. Так, нарративный дискурс, согласно У. Лабову, стандартно строится по следующей схеме: краткое содержание – ориентация – осложнение – оценка – разрешение – кода. Такого типа структуры часто именуют нарративными схемами. Другие жанры также имеют характерные суперструктуры, но изучены гораздо хуже. В это число входит и суперструктура текстов публичной речи, которая не подвергалась целенаправленному изучению.

В качестве гипотезы настоящего исследования выдвигается предположение о том, что тексту публичной речи присуща особая суперструктурная схема, при этом за основу берутся положения, изложенные в работах Т. А. ван Дейка по исследованию глобальной организации текста и обобщенные в предыдущем разделе. Хотя в его работах основной акцент делается на процессе интерпретации дискурса адресатом, мы предполагаем, что и производство текстов строится на тех же принципах, т.е. текстам публичных речей присуща «конвенциональная форма – схема, организующая заключенное в ней общее содержание» [Там же, с. 253].

На основе эмпирико-логического анализа, опираясь на понятие суперструктуры, используя методы логического и текстуального анализа (дискурсивные маркеры в виде определенных лексических указателей и синтаксических структур), а также учитывая компоненты содержания, установленные на материале текстов других жанров, в различных типах текстов можно выявить ряд содержательных компонентов, полный список которых, однако, не является обязательным. Ряд текстов обладает набором только основных компонентов, и довольно незначительное количество обладает всеми.

Композиционно текст состоит из трех частей: вводной, основной и заключительной с определенным набором компонентов семантического содержания в каждой из них. Мы исходим из того, что в процессе восприятия текста интерпретатор выводит макропропозиции из поверхностных структур текста (т.е. слов, фраз и предложений) и своих фоновых знаний о мире. При этом он использует определенные правила и стратегии [5]. Основная роль в данном процессе принадлежит стратегии семантического вывода, включающей операции исключения, объединения и построения [6]. Параллельно с семантическим выводом макропропозиций происходит их категоризация, то есть интерпретатор как бы «приклеивает» макропропозициям ярлыки с обозначением темы, выбирая их из набора категорий, имеющих в его когнитивной базе. Эти темы мы называем содержательными компонентами. Далее значения слов, фраз и предложений текста интерпретируются в целях вывода семантических структур более высокого уровня. Семантика поверхностных структур текста служит фундаментом при выведении его суперструктуры. Характеризуя и иллюстрируя действие операций семантического вывода, мы подчеркиваем стратегический характер их применения. Во-первых, они используются не последовательно или параллельно, а избирательно и оперативно, т.е. по мере необходимости. Во-вторых, их применение определяется стратегиями интерпретации, которые, в свою очередь, обусловлены целевой установкой адресанта текста, его знаниями, убеждениями, мнениями и т.п.

Составными элементами суперструктурных схем являются содержательные компоненты. Схемы имеют иерархический характер: составляющие их компоненты распределены по трем уровням. Соответственно занимаемой в схеме позиции компоненты можно разделить на несколько типов. *С у п е р к о м п о н е н т* (например, главный эпизод) занимает верхнюю позицию в иерархии, поскольку он выражает основное содержание текста. *У з л о в ы е* компоненты (например, проблема, аргументативный блок) занимают позиции на втором уровне и «возглавляют» достаточно разветвленные субструктуры, образованные компонентами низших уровней. Оставшиеся компоненты являются *п р о с т ы м и*, или *т е р м и н а л ь н ы м и*, так как они занимают конечные позиции схемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Пропп, В. Я.* Морфология волшебной сказки / В. Я. Пропп. – М. : Лабиринт, 2001. – 143 с.
2. *Виноградов, В. В.* О языке художественной прозы : избр. тр. / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1980. – 360 с.
3. *Нечаева, О. А.* Функционально-смысловые типы речи / О. А. Нечаева – Улан-Удэ : Бурят. книж. изд-во, 1974. – 261 с.
4. *Жинкин, Н. И.* Речь как проводник информации / Н. И. Жинкин. – М. : Наука, 1982. – 159 с.

5. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк ; под ред. В. И. Герасимова. – М. : Прогресс, 1989. – 312 с.

6. Лейкина, М. М. Некоторые аспекты исследования структуры текста в лингвистике / М. М. Лейкина // Оптимизация содержания профессионального образования на материале предмета «Иностранный язык» (методический аспект) / Орл. юрид. ин-т МВД России. – Орел, 2002. – С. 20–21.

УДК 81'38:808.5

Кирейчук Елена Юрьевна

старший преподаватель кафедры
истории и грамматики английского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Elena Kireichuk

Senior Lecturer of the Chair
of English History and Grammar
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
workmiracle@mail.ru

Радион Елена Николаевна

старший преподаватель кафедры
истории и грамматики английского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Elena Radion

Senior Lecturer of the Chair
of English History and Grammar
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
elenaradion@yahoo.com

РИТОРИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

RHETORICAL STRATEGIES IN INTERPRETING FICTION

Статья обращает внимание на риторический потенциал изучения художественной литературы и рассмотрения художественного произведения как риторического дискурса. Представляется возможным выделить основные уровни риторического анализа художественного дискурса: интрадиегический и экстрадиегический, опираясь на диалогическую теорию М. М. Бахтина и принцип диалогизма, теорию нарративных уровней Дж. Ганетта, а также классическую риторическую традицию. В статье предлагается пошаговый алгоритм разноуровневого риторического анализа на примере конкретного литературного материала, изучаемого в рамках курса практической риторики, с рекомендациями по использованию заданий и упражнений на занятиях.

The article highlights the rhetorical potential of fiction and the consideration of a work of fiction as a rhetorical discourse. On the basis of the dialogical theory of M.M. Bakhtin and the principle of dialogism, J. Ganett's theory of narrative levels, as well as the classical rhetorical tradition, it seems possible to single out the main levels of rhetorical analysis of artistic discourse:

intradiegetic and extradiegetic. The article proposes a step-by-step algorithm for a multilevel rhetorical analysis based on the example of a specific literary material studied in the course of Practical Rhetoric, with recommendations for the use of tasks and exercises in the classroom.

К л ю ч е в ы е с л о в а: диалогизм; логос; этос; пафос; экстрадиегезис; интрадиегезис; риторический анализ.

К e y w o r d s: dialogism; logos; ethos; pathos; extradiegesis; intradiegesis; rhetorical analysis.

In the context of globalization and multiculturalism, a high level of communicative proficiency is a standard for a linguistics graduate. In the interaction of cultures, a multicultural and multilingual personality should be able to state and argue their point considering the cultural and moral norms of a particular linguistic community, be able to find a compromise and conduct civilized polemics, as well as use communicative tactics and strategies to increase the effectiveness of professional and personal interaction.

To tackle contemporary educational challenges for professional language learners, a course of Practical Rhetoric was developed for 3rd year students of Minsk State Linguistics University to enhance their professional and social-personal competences.

Practical Rhetoric is taught in the tradition of neorhetoric which is based on the principles and components of Aristotle's classical rhetoric and on the theory of dialogue by M. M. Bakhtin recognizing dialogism as manifestation of "the multiplicity of perspectives and voices" [1].

According to Aristotle, mechanisms of persuasion in the classical rhetorical tradition are based on the so-called rhetorical triangle – logos, ethos and pathos, the three categories of rhetorical influence, which together determine the results of communication. Ethos as an appeal to moral principles and value guidelines, logos as an appeal to logic and reason and pathos as an appeal to the listener's feelings and emotions are necessary components of argumentation, and their balance and interaction determine the persuasiveness and success of rhetorical discourse.

As opposed to the classical philosophical tradition based on individual reflection, M. M. Bakhtin's dialogism means a permanent dialogue between different texts and authors. Thus, any spoken or written discourse can be viewed not just as a monologic expression, but also as a dialogic interaction that informs and is continually informed by the previous discourse, making the dialogue extend in both directions. M. M. Bakhtin wrote: "One voice does not end anything and does not allow anything. Two voices: this is the minimum of life, the minimum of being" [2, p. 265].

However, M. M. Bakhtin spoke about the opposition of rhetoric and artistic manifestations, claiming that "Rhetoric, to the extent that it lies, strives to evoke precisely fear and hope. This belongs to the essence of the rhetorical word (classical rhetoric emphasized these effects as well). Art, on the contrary, strive to liberate us

from these feelings” [3, p. 758]. Nevertheless, in the context of current rhetorical studies, persuasive argumentation spreads to a much wider frame of reference and involves the whole range of emotional appeals, far beyond “fear and hope”, which allows us to use literary context as a basis for rhetorical interpretation. Conversely, the dialogic principle becomes an important strategy, approaching the ideas which language contains and communicates as dynamic, predetermined by cultural and situational references and engaged in a process of endless redescriptions of the world.

The emergence and development of rhetorical science is closely related to oral speech and public speaking, but now the categories of rhetoric are used as an effective tool for analyzing various types of written discourse, including a diversity of fictional genres. J. Brax’s ideas that rhetoric is “rather not an approach to language learning, but a function inherent in the language itself” show that logos, ethos and pathos are inherent in any kind of discourse, publicistic, scientific or artistic [4].

Therefore, although rhetoric traditionally uses mainly journalistic printed materials or recordings of oral argumentative speech, such as political and judicial debates, teachers of Practical Rhetoric have come to understand the necessity of introducing literary and artistic texts with an argumentative potential in the inventory of study material, as they can be treated as a subspecies of argumentative rhetorical discourse.

Rhetorical analysis of fiction differs from classical literary interpretation in that it is based on the explication of the three categories of rhetorical influence. In literature as an art, emotional appeal is unquestionably a primary tool of communicating messages to the reader. That is why the principal element of the rhetorical structure of a literary work is pathos, ethos and logos synergizing and supporting it.

Literary studies turn out to be helpful in providing the terminology for discussion of rhetorical appeal at different narrative levels. Professor Gerard Genette, in his discussion of the ancient Greek terms such as *mimesis* and *diegesis*, points out that any narrative can be called *diegetic* because literary representation of fictional or real events either by a certain narrator or without them is provided by means of written language [5]. Genette’s theory of narrative (diegetic) levels allows understanding the rhetorical context at the level of diegesis (the level of the characters, their thoughts and actions) and at the level of extradiegesis (the level of the narrative).

In accordance with the theory of the narrative levels and for the purposes of rhetorical analysis, we suggest viewing literary discourse as a two-level structure:

- 1) at the **intradiegetic level**, which presents reality within the fictional world, studying the tactics and strategies of rhetorical interaction of characters within the literary plot;

- 2) at the **extradiegetic level**, which presents the author’s dialogic message, analyzing the impact of the author’s rhetoric on the reader outside the framework of literary reality [6].

Literary material for the course of Practical Rhetoric was selected according to a number of criteria, the most important of which is polemics on socio-political issues. The discussion of political and social issues is based on art-mediated forms with emotional messages. A careful rhetorical analysis allows to elucidate the diversity of rhetorical devices in fiction and assess their impact on the reader.

As part of the course, various works of fiction were tried out for discussion in class, among them novels *Animal Farm* and *1984* by G. Orwell, *The Quiet American* by Gr. Greene, the play *Stuff Happens* by D. Hare, *Politically Correct Bedtime Stories* by J. F. Garner, which undoubtedly have a significant argumentation potential and are of particular interest for rhetorical analysis.

The general strategy for dealing with fiction in the course of Practical Rhetoric includes an exposition of the plots' historical and social context, analysis of problem issues in the "intensive reading" mode and a final presentation of students' findings. Discussions have shown that literary discourse can be effectively used for scrutiny of various problem matters of rhetoric and argumentation beyond the literary perspective, such as:

- the place of argument in contemporary life;
- strategies for reading arguments (reading as a believer and as a doubter);
- basic concepts of rhetoric (the rhetorical triangle, the enthymeme, the warrant, a genuine argument and a pseudo-argument, etc.);
- means of creating effective pathos and ethos in argumentative discourse;
- audience-based reasoning (appealing to supportive, neutral or resistant audiences);
- logical fallacies in argumentation, etc.

The general approach to the discussion of fiction in the framework of rhetorical analysis is shaping the discussion guide into four logical levels:

1. **Context discussion.** It is important to provide biographical information about the authors, as well as about the historical, societal, and personal factors that influenced the book. It also helps identify the genre, style, tone and other important literary elements that might turn out important while reading this work of fiction. This is the level of general interpretation, or dialogic reflection, according to M. M. Bakhtin.

2. **Study questions.** Discussion guides should come with a number of questions and answers that demonstrate the rhetorical approach to analyzing a text. Each question is open for interpretation and argument, but can also be answered by looking directly at the text for details that can be combined to produce an answer. This is the level of intradiegetic commentary, or explication of rhetorical components (logos, ethos and pathos) as a part of literary characters' interaction.

3. **Author's rhetoric.** This part of literary discussion is focused on sharing view points on the themes, messages, character analysis, symbols and allusions. This is the level of extradiegetic commentary on the impact of the author's rhetoric on the reader – the influence of the author's logos, ethos and pathos on the reader's understanding of the message.

4. **Feedback and follow up.** Finally, it is important to provide opportunities for individual feedback, when students can summarize their response to the literary work in the form of a written rhetorical analysis. This is the level of individual rhetorical response which encourages the reader to join in the dialogue with the writer.

To provide a few practical tips on how to arrange the rhetorical discussion of a literary work, a short account of a rhetorical discussion guide based on *Animal Farm* by George Orwell is given as an example below.

Dialogic reflection in the form of context discussion seems to be the most crucial for *Animal Farm*, because further rhetorical analysis is impossible without being knowledgeable about the most important background information about the following issues: 1) George Orwell's literary career, views and contribution to literary world; 2) the genre of *Animal Farm* and its peculiarities; 3) the historical context of the novel. Students are recommended to use the Internet or library resources to find information about G. Orwell's biography and political outlook, G. Orwell's influence on the language (the commentary of "newspeak" and the clichés that are ascribed to this author, such as "cold war"), the genres of anti-utopia and fable, the historical context (the Stalin-Trotsky conflict, the Bloody Sunday, the Russian Revolution of 1917 and the fall of Tsar, the Russian Civil War and other events important for understanding messages).

The level of intradiegetic analysis involves a reflection on the events in the narrative and on the characters' interaction. This level encompasses not only the general understanding of the contents, but also the interpretation of the rhetorical components (logos, ethos and pathos) and rhetorical devices as a part of the narrative. In the framework of general discussion, the number of rhetorical issues can be raised. For example, the use of a wide spectrum of logical rhetorical fallacies as a means of manipulation (in the episodes with milking the cows and the disappearance of the milk and the windfalls) and Squealer's role in legalizing the pigs' possession of the windfalls. Secondly, the identification of rhetorical strategies in the correction of the Seven Commandments, the rhetorical power of rewriting history and its role in human self-deception (in the episodes with the pigs' engagement in trade, the abolishment of the song *Beasts of England*).

The level of extradiegetic analysis involves an analysis of the author's voice to reveal the message of the entire work. We believe that the most fruitful discussion is possible when the author's rhetoric is based on the contrast of successful internal, intradiegetic rhetoric and a complete failure of the same rhetorical tactics and strategies in extradiegesis. Explicating the contradiction between the internal effectiveness of the intradiegetic rhetoric and the external comprehension of its deficiency activate the students' critical thinking and emotional involvement caused by injustice, inconsistency, and absurdity of the events described. Interpretation of the rhetorical contrast of intra- and extradiegesis is a powerful strategy of in-class discussion and individual feedback demonstrating the potential of logos, ethos and pathos as strategies

of persuasion in artistic discourse. Logos appears a powerful instrument of *Animal Farm's* extradiegetic rhetoric. The reader is asked to point out and analyze logical gaps, deliberate fallacies, equivocations and sophisms in the pigs' pseudo-logos and manipulative reasoning. For a shrewd reader outside the text, the pigs actions outweigh their pathos-loaded empty rhetoric. Deciphering numerous symbols and allusions to real historical events and figures, the student plunges into an intellectual game and experiences a sense of cultural belonging and involvement, which is also a vital component of the book's extradiegetic pathos. The ethics of universal equality and justice, declared at the beginning of the plot, are always enthusiastically shared in the classroom, but while years pass in the novel, the students' extradiegetic ethos remains unchanged and allows them to trace down how the pigs' priorities and values gradually turn from integrity and egalitarianism into brainwashing and exploitation. Thus, in extradiegetic perspective *Animal Farm* provides enough material for its didactical discussion as a dystopian novel, a work of satire, a grotesque melodrama and a fable.

Writing a critical essay is practiced as a form of individual feedback. Students follow a 7-step plan: 1) brainstorming for ideas that may be used as topics; 2) collecting evidence for support; 3) generating their own effective thesis; 4) writing the introduction presenting the topic, articulating the necessary background and providing the thesis; 5) developing arguments and supporting them with evidence; 6) organizing arguments into body paragraphs according to the chosen argumentative strategy; 7) summarizing the specifics and implications of the topic in a conclusion.

In conclusion it should be noted that the use of artistic text has proven to be a reasonable and productive method in teaching Practical Rhetoric. In the classroom, students show a genuine interest in discussing and analyzing works of fiction rhetorically. Fiction provides a variety of illustrative material for the study of tactics and strategies of argumentation and food for thought on a wide range of sociocultural issues and refutes a widespread misconception that it is exceptionally political and marketing discourse found in advertising and periodic multimedia journalism that can be considered argumentative. The fictional text has no less potential to influence the reader via a wide range of rhetorical persuasion strategies. Thus, introduction of fiction in the corpus of rhetoric study materials allows actualizing interdisciplinary connections between literature, stylistics and rhetoric, thus contributing to the students' general professional advancement and to better understanding of rhetorical strategies manifested in different types of discourse.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества : [сб. избр. тр.] / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 423 с.
2. Stewart, S. Shouts on the Street: Bakhtin's Anti-Linguistics [Electronic resource] / S. Stewart // Critical Inquiry. – 1983. – Vol. 10, № 2. – P. 265–281. – Mode of access: <http://www.jstor.org/stable/1343350>. – Date of access: 28.10.2021.

3. *Shevtsova, M.* Dialogism in the Novel and Bakhtin's Theory of Culture [Electronic resource] / M. Shevtsova // New Literary History. – 1992. – Vol. 23, № 3. – P. 747–763. – Mode of access: <https://doi.org/10.2307/469228>. – Date of access: 28.10.2021.

4. *Brax, E.* A Rhetorical Reading of George Orwell's 1984. The brainwashing of Winston in the light of ethos, logos and pathos [Electronic resource] / E. Brax. – Mode of access: <https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:782538/FULLTEXT01.pdf>. – Date of access: 18.04.2020.

5. *Genette, G.* Boundaries of Narrative [Electronic resource] / G. Genette, A. Levonas // New Literary History. – 1976. – Vol. 8, № 1. – P. 1–13. – Mode of access: <https://doi.org/10.2307/468611>. – Date of access: 28.10.2021.

6. *Guillemette, L.* Narratology [Electronic resource] / L. Guillemette, C. Lévesque // Signo : Theoretical Semiotics on the Web. – Mode of access: <http://www.signosemio.com/genette/narratology.asp>. – Date of access: 28.10.2021

УДК 81:1 ; 808.5

Жданова Надежда Юрьевна

аспирант кафедры теории
и практики перевода № 1
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Nadezhda Zhdanova

PhD Student of the Chair
of Theory and Practice
of Interpreting and Translation № 1
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
nadya_zhdanova_2015@mail.ru

НАРОДНЫЙ СМЕХ В ТРАКТОВКЕ АНТИЧНЫХ ФИЛОСОФОВ

THE ATTITUDE OF CLASSICAL PHILOSOPHERS TO LAUGHTER

Данная статья посвящена исследованию феномена народного смеха в видении философов Античности с помощью концепции М. М. Бахтина. Представлено краткое описание народного смеха по М. М. Бахтину, даны его ключевые характеристики. Для исследования отобраны труды самых значимых философов, работавших над проблематикой смеха и комедии, – Аристотеля, Платона, Цицерона. Мы рассмотрели мнение и видение каждого философа на основании их трактатов, определили их отношение к смеху в целом и к народному смеху в частности, а также провели параллели в трактовках.

The article covers the attitude of classical philosophers to the phenomenon of laughter that was best defined by Mikhail Bakhtin. Firstly, we briefly described Bakhtin's vision of laughter and presented its key characteristics. We based the research on the works of the most prominent philosophers who studied the sphere of laughter and comedy – Aristotle, Plato, and Cicero. The focus of the article is the philosophers' approach to laughter, as well as comedy – with the help of Bakhtin's later concepts and theories.

К л ю ч е в ы е с л о в а: народный смех; юмор; Античность; Аристотель; Платон; Цицерон; М. Бахтин.

Key words: public humour; humour; classical antiquity; Aristotle; Plato; Cicero; M. Bakhtin.

Смех и комическое сопровождали человечество на протяжении многих веков со времен своего зарождения в первобытном обществе. Тогда они существовали наряду с серьезными культами и были одинаково значимы. Несмотря на то, что позднее смеховые культы утратили подобное равноправие и перешли на неофициальные позиции, они сохранили свою роль ключевой формы выражения мироощущения народа.

Первые исследования в поле смешного появились уже во времена Античности. Нельзя сказать, что эта тема была одной из центральных, однако многие известные мыслители считали важным уделить внимание изучению данного феномена, особенно учитывая то, что в Древнем Риме шутки и каламбуры могли звучать не только со сцен театров, но и с трибун в судах и государственных органах. Также этому способствовало развитие комедии.

Современные ученые неизменно возвращаются к исследованиям того времени. При этом в литературоведческой сфере зачастую в центре внимания оказывается комедия, комическое, а также отношение философов к этой категории. В данной работе мы представляем трактовку другой более широкой и в то же время узкой темы – народного смеха.

Прежде всего определим, что же мы понимаем под народным смехом и в каком виде он предстанет в качестве объекта исследования. Народный смех является наиболее «чистой» и интересной формой смеха, которая лежит в основе всей категории комического. Самую подробную и точную характеристику народному смеху дал М. М. Бахтин при изучении творчества Ф. Рабле. Согласно ему, народный смех издревле имел объединяющее начало и помогал людям вырваться из оков повседневности, чтобы всем вместе насладиться духом свободы и равенства. В первобытных общинах смех имел ритуальное значение, впоследствии оно было утеряно. Наиболее ярко народный смех стал проявляться во время празднеств. При этом ученый отмечает сложную природу смеха: всенародность, универсальность и амбивалентность. Люди

смеялись все вместе, над собой и над другими, ликуя и высмеивая. Именно в таком виде народный смех прошел от древних времен до римских сатурналий и средневековых карнавалов, чтобы потом пережить существенные трансформации, но все же сохраниться в ограниченном формате в современной жизни [1, с. 1–25].

Однако во времена Античности народный смех все еще составлял важную часть культуры. Во многом благодаря этому философы оставили значительный пласт исследований смешного, но, к сожалению, многие труды не дошли до наших дней. Так, утраченными значатся трактаты известного «смеющегося» философа Демокрита, который довольно глубоко изучал явление юмора. Та же участь постигла и вторую часть известного трактата Аристотеля «Поэтика», которая предположительно была посвящена комедии. Единственным источником, который может пролить свет на ее содержание, является Коаленовский трактат, считающийся конспектом одного из учеников философа. Тем не менее сохранившихся источников оказалось достаточно, чтобы использовать их как основу многочисленных исследований вплоть до наших дней.

Одним из ключевых философов, внесших значительный вклад в исследование комического, по праву считают Аристотеля. Именно он в сохранившейся части трактата «Поэтика» дал одно из самых распространенных до сегодняшнего дня определений комического и смешного: «Комедия, как мы сказали, это воспроизведение худших людей, но не по всей их порочности, а в смешном виде. Смешное – частица безобразного. Смешное – это какая-нибудь ошибка или уродство, не причиняющее страданий и вреда, как, например, комическая маска. Это нечто безобразное и уродливое, но без страдания» [2, с. 1070]. На основании этого высказывания можно сделать вывод, что Аристотель, как истинный представитель аристократии, далек от народного смеха. Он дает довольно точное определение комического, но это то комическое, целью которого является осмеяние безобидных недостатков, какого-либо безвредного несоответствия общепринятому. И если народный смех по своей сути приближается к юмору, который в нашем понимании является положительной характеристикой, то смех, описанный Аристотелем, приближается к иронии или остроумному подшучиванию.

Однако нельзя не упомянуть важное замечание философа относительно происхождения смеха «от запевал фаллических песен, которые еще и теперь остаются в обычае во многих городах» [Там же, с. 1069]. Оно знаменательно тем, что Аристотель сам упоминает важную особенность народного смеха – его телесный аспект. Народный смех несовершенен и не завершен, он всегда находится в развитии. «Акценты лежат на тех частях тела, где оно либо открыто для внешнего мира, то есть, где мир входит в тело или выпирает из него, либо оно само выпирает в мир, то есть на отверстиях, на выпуклостях,

на всяких ответвлениях и отроствах: разинутый рот, детородный орган, груди, фалл, толстый живот, нос» [1, с. 26]. Именно поэтому эти части тела неизменно фигурируют в народных шутках, песнях, фамильярной речи.

В этом направлении кроется важное различие. В рамках явлений, вызывающих смех, Аристотель проводит границу между пристойным и непристойным смехом. Он считает, что необходимо соблюдать некий баланс между смехом и изяществом и не преступать меру, таким образом полностью отрицая груботелесный аспект народного смеха. В таком понимании философ как представитель высшего сословия отдаляется от народного смеха. Народный смех в целом можно противопоставить понятию меры, ведь в нем ее нет. Он используется для выражения мироощущения, настолько необъятного, что его трудно как-либо ограничить. Можно предположить, что такой подход разделяли многие представители аристократии того времени.

В отличие от Аристотеля, который хоть и отрицал народный смех, но снисходительно относился к комедии и поощрял изящную сторону смешного, Платон видел единственную его пользу в том, что оно помогало лучше познать серьезное. При этом добродетельный человек не мог заниматься и тем и другим одновременно, ему стоило знать о смешном только во избежание неуместных высказываний. По мнению философа, смешное «надо предоставить рабам и чужеземным наемникам. Никогда и ни в коем случае не следует заниматься этим серьезно; свободные люди – мужчины ли или женщины – не должны обнаруживать подобных познаний» [3, с. 113]. Хотя это высказывание, скорее всего, относится к комедии как к жанру, мы считаем правомерным вывод о том, что Платон также негативно относился и к народным празднествам. Ведь на них люди были гораздо более открыты смешному, свободны в выражении своих мнений.

Эту же идею можно проследить и в другом высказывании философа: «следует удерживаться от излишнего смеха и слез, надо советовать друг другу скрывать любую чрезмерную радость и страдание и стараться сохранять благообразие» [Там же, с. 69]. Именно благообразие и сдержанное поведение являются для него образцом добродетели. Смех же неизменно связан со злобой и имеет разрушительную силу, ведь, в его понимании, люди могут смеяться только над пороками и несчастьями других, а также над людьми, стоящими ниже по положению. Народный смех противостоит благообразию в той же мере, в какой противопоставлен злобе. Злоба, зависть, желание осмеять или унижить возникают от мирского: разницы в статусах, богатстве, физическом здоровье. На всеобщих празднествах от этого отрешаются, потому и смех там приобретает исключительно положительное значение.

Таким образом, в своей интерпретации смешного Платон находится ближе к концепциям эпохи Средневековья, нежели Античности. Хотя стоит отметить

существенное различие: он не считает данный феномен греховным, его позиция основывается на культурном и этическом неприятии смешного в добродетельном обществе и идеальном государстве.

Еще одним значительным исследователем смешного был Цицерон. Его интерпретация примечательна, поскольку во многом объединяет в себе идеи, высказанные Аристотелем и Платоном. Мы узнаем, что «источник и, так сказать, область смешного, – это, пожалуй, все непристойное и безобразное; ибо смех исключительно или почти исключительно вызывается тем, что обозначает или указывает что-нибудь непристойное без непристойности» [4, с. 235]. Как и Аристотель, Цицерон указывает на рождение смеха из безобразного. По нашему мнению, в этом кроется кардинальное отличие научно-философского подхода к смеху и народного отношения. Хотя в народном смехе часто используются элементы, которые и современному человеку, и античному философу покажутся непристойными, М. М. Бахтин четко указал на то, что в нем нет ничего безобразного, потому что все воспринимается естественным. Народный смех объединяет людей, делает их ближе друг к другу и к миру, при этом они смеются над всем, в том числе над собой. В интерпретации большинства философов смех, напротив, разделяет людей на тех, кто смеется, и тех, над кем смеются, или же тех, кто намеренно стремится рассмешить. Вопрос заключается в том, с какой целью люди прибегают к использованию смешного.

Несмотря на сведение смешного к безобразному, Цицерон стал одним из немногих ученых, отметивших важность смеха в ораторском искусстве. «Вызывать смех – это наш третий вопрос – для оратора, конечно, очень желательно: либо потому, что веселая шутка сама вызывает расположение к тому, кто шутит; но главным образом потому, что она разгоняет печаль, смягчает суровость, а часто и разрешает шуткой и смехом такие досадные неприятности, какие нелегко распутать доказательствами» [4, с. 235]. Так, вопреки высказываниям Платона о недостойности смеха и неправильности его использования в широких кругах, Цицерон, наоборот, способствует популяризации шуток не только среди простых людей, но и государственных деятелей. Однако, как и Аристотель, Цицерон отмечал важность меры. Лучше всего шутить над среднестатистическим гражданином, над нравами, которые присущи всему обществу, либо не слишком серьезными недостатками. При этом не стоит упоминать людей, популярных в народе, и прибегать к неприличному передразниванию. Платон также говорил о мере, но в другом ключе: он отмечал, что нельзя высмеивать человека с неприязнью и гневом.

По нашему мнению, именно Цицерон смог в самой большей мере приблизиться к пониманию народного смеха. Он очень метко отметил природную предрасположенность людей к юмору: «природа, создавая людей, вложила в некоторых дар передразнивать и дар шутливо рассказывать, помогая себе

и лицом, и голосом, и самым складом речи» [Там же, с. 217]. Учитывая, что смех зародился еще во времена первобытных общин, становится очевидно, что он является одной из базовых, самых простых и естественных человеческих характеристик.

Таким образом, у каждого философа был свой подход к смеху, но ни одна из теорий не является исчерпывающей. Аристотель оставил довольно точное определение смешного, но важные аспекты народного смеха расценил как непристойный и «недостойный» смех. Так, философ отрицает важную составляющую сущности смеха несмотря на то, что сам подчеркивает народное происхождение смешного. Платон же в целом практически полностью исключает смех из жизни идеального общества. Он не учитывает, что без такого важного способа выражения мироощущения, как народный смех, идеальное общество вряд ли сможет функционировать. Цицерон же наиболее лояльно относится к смеху в целом, он принимает его важную роль в обществе и стремится в определенной мере распространить положительный народный смех в высших слоях общества.

Если же рассмотреть данные подходы в совокупности, то мы видим явную корреляцию в том, что касается источника смешного. Все философы указывают на рождение смеха из безобразного и непристойного и тем самым снижают ценность его сущности. Комедия действительно стоит на этом аспекте. Но народный смех уходит далеко за его пределы. К сожалению, как показало проведенное исследование, философы Античности больше фокусировались на исследовании комедии или же физиологии смеха (в трактатах Демокрита), народный же смех как первоисточник комедии был упущен. Поэтому возможно только косвенное исследование народного юмора через отношение философов к комедии и смеху. Тем не менее даже подобное косвенное исследование представляется нам результативным и позволяет пролить свет на место народного смеха в философии Античности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. – М. : Эксмо, 2015. – 640 с.
2. Аристотель. Поэтика. Об искусстве поэзии / Аристотель // Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории / Аристотель. – Минск, 1998. – С. 1064–1112.
3. Платон. Законы / Платон. – М. : Русайнс, 2015. – 520 с. – (Серия «Классическое наследие»).
4. Цицерон, М. Т. Три трактата об ораторском искусстве / М. Т. Цицерон ; пер. с лат.: Ф. А. Петовкий, И. П. Стрельникова, М. Л. Гаспаров ; под ред. М. Л. Гаспарова. – М. : Ладомир, 1994. – 475 с.

УДК 81'27'42

Иванов Артур Эдуардович

аспирант кафедры
речеведения и теории коммуникации
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Artur Ivanov

PhD Student of the Chair
of Speech Studies
and Communication Theory
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
arthur_ivanov94@mail.ru

АКТУАЛИЗАЦИЯ ТАКТИКИ УТЕШЕНИЯ В КООПЕРАТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ

ACTUALIZATION OF THE CONSOLATION TACTICS IN COOPERATIVE COMMUNICATION

Данная статья посвящена исследованию средств языковой реализации тактики утешения при актуализации кооперативной стратегии солидаризации в разговорном дискурсе на английском и русском языках. В статье рассматриваются как вербализаторы, например, глаголы речемыслительной деятельности в форме повелительного наклонения, так и варианты комбинации рассматриваемой тактики с другими кооперативными тактиками с целью полной реализации утешения и усиления речевого воздействия. Установлена частотность репрезентации утешения в разговорном дискурсе на двух языках. Различия продуктивности данной тактики объясняются вариантами интерпретации сценариев утешения, в которых, в одном случае, второй компонент является самостоятельной тактикой, а в другом, он же дополняет рассматриваемую тактику.

The article is devoted to the study of language means, implementing consolation tactics, while actualizing cooperative strategy of solidarity in conversation discourse in English and Russian. The article looks into such explicators as verbs of verbal and cogitative activity in the imperative mood, as well as scenarios of consolation. The productivity of consolation tactics in English and Russian was elucidated. The difference in the recurrence of the tactics in question is explained through the variants of scenarios, in which some tactics, on the one hand, are considered to be non-obligatory consolation components, and, on the other one, some of them represent individual means of solidarity strategy actualization.

К л ю ч е в ы е с л о в а: правила речевого общения; кооперативность; коммуникативные стратегии и тактики; тактика утешения.

K e y w o r d s: principles of pragmatic; cooperation; communicative strategies and tactics; tactic of consolation.

Правила речевого общения лежат в основе кооперативной коммуникации, сохранения ее бесконфликтности, установления взаимопонимания между участниками интеракции, что, свою очередь, предполагает «симметрию (отсутствие асимметрии) контекстов порождения и контекстов воспри-

ятия высказывания и, значит, равный доступ к ситуации» [1, с. 64]. В контексте тактико-стратегического направления исследований по лингвопрагматике, эффективная реализация коммуникативного кодекса, включающего принципы кооперации Г. П. Грайса, вежливости Дж. Лича и сохранения лица П. Браун и С. Левинсона, приводит к установлению системы кооперативных стратегий в том или ином типе дискурса. На основе проведенного ранее анализа было установлено, что одной из универсальных кооперативных стратегий является солидаризация, основная цель которой – демонстрация единодушия и согласия, установление атмосферы взаимопонимания и взаимопомощи, а также формирования коммуникативного пространства, объединяющего участников диалога. Это значит, что важным этапом актуализации упомянутой выше цели представляется помощь коммуниканту в стабилизации эмоционального состояния, выражения понимания его проблем и в целом обеспокоенности. Данные задачи успешно реализуются тактикой утешения. Тем самым целью данного исследования является определение языковых средств и способов воплощения тактики утешения в кооперативной коммуникации, а также установление сходств и различий реализации данной тактики в английском и русском языках.

В качестве материала для исследования были использованы разговорные диалоги, отобранные из англо- и русскоязычных фильмов («Love Actually» («Реальная любовь»)¹, «The Iron Lady» («Железная леди»), «The Prestige» («Престиж»), «The Queen» («Королева»), «Atonement» («Искупление»), «Бальное платье», «На перепутье», «Нежная зима», «Рифмуется с любовью», «Я не вернусь», «Я помню» и др.). Общий объем корпуса на английском языке составил 150 диалогов, на русском языке – также 150. Основными требованиями при отборе диалогов были их тематическая однородность (обиходно-бытовое общение между членами семьи или близкими друзьями), а также отсутствие конфронтационной линии коммуникативного поведения, которая может реализовываться хотя бы одним из партнеров по взаимодействию.

Прежде чем начать детальный анализ средств и способов вербализации тактики утешения, следует определить статус утешения в современной лингвопрагматической и дискурсивной парадигме. В научной литературе по теме исследования указывается, что феномен «утешение» может рассматриваться с позиции нескольких подходов, например, как речевой жанр, включающий иерархию наиболее типичных фраз, расположенных в определенном порядке и описывающих ситуацию того или иного социального взаимодействия [2]. Речевой акт относится по своей природе к комиссивам и при этом может с легкостью идентифицироваться вне рамок коммуникативной ситуации или дискурсивного пространства [3]. В то же время утешение как тактика

¹ В скобках даны названия фильмов британского производства в прокате в Республике Беларусь.

рассматривается в ситуативном или речевом контексте и подчиняется общей цели или задаче коммуникации, другими словами, встраивается в общую номенклатуру других тактик и стратегий [4]. Существует также мнение о том, что «утешение» представляет собой стратегию, что, на наш взгляд, не всегда соответствует иерархии коммуникативных целей. Это значит, что *утешить* не может быть макроцелью коммуникации, поскольку по своей природе утешение подчиняется целям более глобальным [5; 6]. Несмотря на сохраняющуюся дискуссионность данного вопроса, в настоящем исследовании «утешение» является тактикой, поскольку отвечает общей цели, определяющей реализацию стратегии солидаризации, а именно стабилизировать эмоциональное состояние, установить атмосферу взаимопонимания.

В результате анализа диалогов было установлено, что тактика утешения может актуализировать стратегию солидаризации в 20,3 % от всех случаев употребления кооперативных тактик в англоязычном разговорном дискурсе и 15,9 % случаев в русскоязычном. В ходе тщательного изучения диалогических контекстов было отмечено, что тактика утешения носит комплексный характер, т.е. ее можно реализовывать при помощи так называемых сценариев. Другими словами, рассматриваемая тактика может дополняться в ходе своего воплощения другими тактиками, не имеющими непосредственного отношения к стратегии солидаризации или в целом кооперативной коммуникации. Выделенные варианты комбинации нескольких тактик, способствующих актуализации утешения, будут описаны ниже.

Одним из основных средств реализации тактики утешения представляются формы побудительного наклонения различных лексико-семантических групп глаголов, а именно глаголов интеллектуальной и речемыслительной деятельности (*realize* ‘представить’, *get* ‘понять’, *think* ‘думать’, *forget* ‘забыть’, *understand* ‘понять’; *подумать*, *разобраться*, *забыть*, *понять*), качественной трансформации или формирования эмоционального состояния (*worry* ‘беспокоиться’, *calm down* ‘успокоиться’, *trouble* ‘нервничать’, *cheer up* ‘развеселиться’; *ободриться*, *расстраиваться*, *беспокоиться*, *держаться*, *нервничать*), в некоторых случаях сочетающиеся с отрицательными частицами.

Так, в следующем фрагменте англоязычного диалога между близкими друзьями один из коммуникантов (А) высказывает своему партнеру по интеракции (Б) опасения по поводу психологического состояния сына: (А) «*And, then, again when he does come out, it's obvious he's been crying... it's just such a ridiculous waste. I just don't know*» ‘И потом он снова выходит, и становится понятно, что она плакал... это просто бессмысленно. Я просто не знаю’. – (Б) «*Get a grip. People hate sissies. No one's ever gonna date you if you cry all the time*» ‘Держись. Люди не любят плакс. Никто не будет с тобой встречаться, если ты будешь все время плакать’ (диалог из х/ф «Love Actually» / ‘Реальная любовь’). Вторая реплика наглядным образом демонстрирует призыв не

расстраиваться (*get a grip*), а также аргументацию, представленную в данном случае шуткой (*People hate sissies. No one's ever gonna date you if you cry all the time*). Аналогичным образом носители русского языка используют данную тактику в своей речи. В следующем отрывке близкая родственница (А) другого участника общения (Б) высказывает свои переживания по поводу его переезда в новую квартиру: (А) «Господи, ты же готовить совсем не умеешь!». – (Б) «**Теть Нина, вы не волнуйтесь: я к вам на обед из театра приходить буду. Он рядом, с голоду не помру**» (диалог из х/ф «Нежная зима»). В данном случае аргументирующая часть представлена в виде обещания выполнять определенные действия (*я к вам на обед из театра приходить буду*).

Как уже было отмечено, тактики утешения имеют сложный по своей природе и структуре характер, поскольку в большинстве случаев (более 95 % в разговорном дискурсе на английском и русском языках) дополняется еще одним коммуникативным ходом, выражающим аргументацию или обещание-уверение в чем-либо, что, в свою очередь, направлено на коррекцию психоэмоционального состояния партнера по интеракции. Согласно вышеобозначенному тезису рассматриваемая тактика имеет в качестве обязательного средства выражения глагол в форме повелительного наклонения, в то же время второй компонент хоть и не является обязательным, но обладает высокой степенью значимости и в другом контексте может идентифицироваться как самостоятельная тактика, не относящаяся к манифестации стратегии солидаризации. В качестве иллюстрации приведем пример диалога на английском языке, в котором невеста (А) и жених (Б) обсуждают не сложившиеся отношения между своими родителями: (А) «*And what if it isn't success?*» 'А что если не получится?' – (Б) «***Don't worry. You're a beauty***» 'Не беспокойся. Ты красавица' (диалог из х/ф «*Light Between Oceans*» / 'Свет в океане'). Тактика утешения представлена формой повелительного наклонения (*don't worry*), за которой следует комплимент, направленный на повышение самооценки утешаемого (*you're a beauty*). Он может рассматриваться как составной компонент тактики утешения или как самостоятельная тактика, реализующая стратегию создания образа. Похожую тенденцию демонстрирует русскоязычный разговорный дискурс, в котором аргументирующая часть воплощается уверением в том, что проблема разрешится, или обещанием выполнить некоторое действие: (А) «Я не поеду никуда. Не поеду!» – (Б) «**Да, успокойся. Все будет нормально, разберемся как-нибудь**» (диалог из х/ф «На перепутье»).

Соотношение различных сценариев вербализации комплексной тактики утешения представлено следующим образом: «утешение + уверение в стабилизации или улучшении ситуации» – 36 % в англоязычном и 45 % в русскоязычном разговорном дискурсе. Примером реализации данного сценария в английском языке может служить отрывок кинодиалога: «*Don't fuss about it. The situation will clear itself out. The only thing is to wait*» 'Не суетись. Все

разрешится само по себе. Единственное, что остается, это подождать' (диалог из х/ф «The Iron Lady» / 'Железная леди'). Следующим по частотности является сценарий «утешение + призыв к действию» – 25 % и 28 % соответственно. В русском разговорном дискурсе данный сценарий может эксплицироваться таким образом: «*Ладно, успокойся, не надо, не надо... Давай пойдём, выпьем чаю, мы можем вместе даже в магазин сходить*» (диалог из х/ф «Любовь и партнерство»). Сценарий «утешение + ссылка на авторитетность мнения» регистрируется в диалогах на английском языке в 26 % случаев, а в диалогах на русском – 12 %, что может быть продемонстрировано следующими примерами: «*Oh, stop it, please. Don't cry. Doctors said that it's not really serious. Everything will be fine*» «Пожалуйста, не надо. Не плачь. Врачи сказали, что ситуация не очень серьезная. Все будет хорошо» (диалог из х/ф «Notes on a Scandal» / 'Скандальный дневник'). Частотность сценария «утешение + ссылка на незначительность проблемы» в исследуемом материале составляет 7 % в англоязычном разговорном дискурсе и 10 % в русскоязычном. Так, в русском языке тактика утешения может репрезентироваться таким образом: «*Не отчаивайся. Ничего страшного не случилось. А этот Миша даже не заслуживает твоего внимания*» (диалог из х/ф «Белорусский психопат»).

Полученные данные подтверждают, что тактика утешения играет важную роль при актуализации стратегии солидаризации, а значит и в целом позволяет эффективно реализовывать кооперативную коммуникацию. В ходе анализа не было зарегистрировано кардинальных отличий языкового воплощения рассматриваемой тактики или ее сценариев. Тем не менее установлена разная частотность актуализации утешения в англо- и русскоязычном разговорном дискурсе, что может быть объяснено расхождением интерпретации тактического поведения коммуникантов, а также спецификой воплощения сценариев, например, уверение без глагола в повелительном наклонении. В таком случае регистрируется другая самостоятельная кооперативная тактика, также манифестирующая стратегию солидаризации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чернявская, В. Е. Текст и социальный контекст: социолингвистический и дискурсивный анализ смыслопорождения / В. Е. Чернявская. – М. : ЛЕНАНД, 2021. – 208 с.
2. Рабенко, Т. Г. Жанр утешение и средства его языковой реализации / Т. Г. Рабенко // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2012. – № 4 (52). – С. 107–111.
3. Ветошкина, Е. Н. Классификация речевых актов / Е. Н. Ветошкина, Д. С. Латышев // Внедрение результатов инновационных разработок: проблемы и перспективы : сб. ст. по итогам Междунар. науч.-практ. конф., Самара, 8 янв. 2018 г. : в 2 ч. / отв. ред. А. А. Сукиасян. – Sterlitaмак, 2018. – Ч. 2. – С. 148–151.

4. *Труфанова, И. В.* О разграничении понятий: речевой акт, речевой жанр, речевая стратегия, речевая тактика / И. В. Труфанова // Филологические науки. – 2001. – № 3. – С. 56–65.
5. *Карпилович, Т. П.* Коммуникативные категории научного дискурса : монография / Т. П. Карпилович ; рец. Н. Ю. Павловская. – Минск : МГЛУ, 2018. – 160 с.
6. *Переверзева, С. И.* Невербальный коммуникативный акт утешения: материалы к построению словаря невербальных коммуникативных актов / С. И. Переверзева // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : сб. ст. Междунар. конф. «Диалог», Бекасово, 27–31 мая 2009 г. – М., 2009. – Вып. 8 (15). – С. 384–389.

СОДЕРЖАНИЕ

Биография	3
Карпилович Татьяна Павловна	6
Воспоминания о Т. П. Карпилович	8

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

<i>Павловская Н. Ю.</i> О соотношении когнитивного, семантического и прагматического в сопоставительных исследованиях	11
---	----

ТЕКСТ И ДИСКУРС В КОНТРАСТИВНОМ ОСВЕЩЕНИИ

<i>Глазко П. П.</i> Структура модуса экспрессивности в жанрах блога и колонки англо- и русскоязычного медиадискурса	17
<i>Казимирова О. В.</i> Реализация дискурс-категории субъектности в сетевом медиатексте	22
<i>Шевцова А. К.</i> Вербализация ценностной картины мира в дискурсе англоязычных публичных выступлений	28
<i>Егоров Н. В.</i> Научно-популярный дискурс: попытка дифференциации	35
<i>Радион Е. Н.</i> Актуальность исследования семейного дискурса в условиях современных лингвистических тенденций	40
<i>Детскина Я. С.</i> Логико-семантические особенности англоязычных публицистических текстов информационных и аналитических жанров	46
<i>Тригубова Д. Л.</i> Структурно-семантические характеристики логлайнов к кинофильмам на английском и русском языках	51

СЛОВО В РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ И КУЛЬТУРАХ

<i>Лешкевич И. В.</i> Взаимодействие категорий когерентности и когезии в медиадискурсе (на материале англо- и белорусскоязычных информационных сообщений)	57
---	----

<i>Трофимова О. В., Тун Цзин.</i> Базовая номинация <i>Емельян Пугачёв</i> и ее текстовые заместители: сопоставительное исследование номинаций персонажа в китайских переводах повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка»	63
<i>Бекреева Ю. В.</i> Компрессия пропозициональной структуры знания в слове и тексте.....	70
<i>Изотова О. В.</i> Специфика вербализации представлений об одежде и обуви в нидерландских и белорусских пословицах.....	76
<i>Михалькова Н. В.</i> Детерминативы китайских, египетских и лувийских иероглифических знаков	83
<i>Сирота Е. В., Парахонько Л. В.</i> Концепт «dream» («мечта») в английской языковой картине мира.....	89
<i>Стоянова И. Ф.</i> Вариативность сокращенных форм в лексике гостиничного сервиса.....	95
<i>Яскевич В. В., Дашкевич Ю. В.</i> Семантические и фонетические преобразования английских заимствований в корейском языке	101
<i>Бельская А. В.</i> Лексические средства создания образа мигрантов на материале англо- и русскоязычных СМИ.....	107

КОНТРАСТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

<i>Иванова-Мицевич И. В., Чучкевич И. В.</i> Семантическая конфигурация предложения как способ репрезентации содержательного аспекта текста.....	112
<i>Детскина Р. В.</i> Структурно-синтаксические преобразования при машинном немецко-русском переводе научно-технических текстов	118
<i>Могилевцев С. А.</i> Фразовые и приставочные глаголы в англоязычном и русскоязычном новостном медиадискурсе: особенности употребления	123
<i>Гаранович Т. И.</i> Белорусские синтаксические фразеологизмы модели «вопросительное слово + толькі + предикативная основа» и их соответствия в английском языке	132
<i>Коваленя А. В.</i> Названия музыкальных инструментов в экспликации степени качества	139
<i>Соловей А. А.</i> Рэалізацыя катэгорыі верагоднасці ў беларускіх і англійскіх складаных сказах.....	143
<i>Лускин В. В.</i> Об особенностях обращения «на ты» и «на Вы» в английском, русском, французском и корейском языках	150

МОДЕЛИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ В РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ ДИСКУРСА

<i>Метлушко И. В.</i> Способы идентификации авторской интенциональности поэтического дискурса	156
<i>Беляева В. Н.</i> Культурно-исторический вектор при изучении аутентичных текстов сферы искусства: о роли библиотечных фондов	162
<i>Иванова Т. Ф., Лагун И. И.</i> Эмотивные высказывания в немецкоязычной политической речи как маркеры авторской модальности и способы их передачи на русский язык	167
<i>Осмоловская И. Г.</i> Отражение эмоционального климата общества Европейского союза и Республики Беларусь в текстах СМИ (освещение ситуации с вакцинацией).....	174
<i>Сажина Е. В.</i> Тактика обвинения и ее языковая репрезентация в полемическом дискурсе печатных СМИ (на материале белорусской и британской прессы)	183
<i>Сысоева Т. А.</i> Освещение культурного события в юмористическом дискурсе (на материале рассказов о театральной жизни)	189
<i>Сычевская Н. С.</i> Моделирование содержательной структуры текста.....	195
<i>Kireichuk E. J., Radion E. N.</i> Rhetorical Strategies in Interpreting Fiction.....	200
<i>Жданова Н. Ю.</i> Народный смех в трактовке античных философов	206
<i>Иванов А. Э.</i> Актуализация тактики утешения в кооперативной коммуникации	212

CONTENTS

Biography	3
Karpilovitch Tatiana	6
Memories of T. Karpilovitch	8

PLENARY SESSION

<i>Pavlovskaya N. J.</i> On Correlation of the Cognitive, the Semantic and the Pragmatic in Comparative Studies	11
--	----

TEXT AND DISCOURSE IN CONTRAST ILLUMINATION

<i>Glazko P. P.</i> The Structure of Expressiveness Modus in Blogs and Columns of American and Russian Media Discourse.....	17
<i>Kazimirova O. V.</i> Realization of the Discourse Category of Subjectivity in a Digital Media Text.....	22
<i>Shevtsova A. K.</i> Verbalization of the Value Picture of the World in the Discourse of English-Language Public Speeches	28
<i>Egorav N. V.</i> Popular Science Discourse: An Attempt to Differentiate	35
<i>Radion E. N.</i> Relevance of the Study of Family Discourse in the Context of Modern Linguistic Tendencies.....	40
<i>Detskina Y. S.</i> The Logical-Semantic Features of English-Language Journalistic Texts of Information and Analytical Genre	46
<i>Tryhubava D. L.</i> Structural and Semantic Characteristics of Film Loglines in English and Russian	51

WORDS IN DIFFERENT LANGUAGES AND CULTURES

<i>Leshkevich I. V.</i> The Interaction of Coherence and Cohesion Categories in Media Discourse (on the Material of English and Belarusian Informative Articles).....	57
<i>Trofimova O. V., Tong Jing.</i> Basic Nomination <i>Emelyan Pugachev</i> and its Textual Substitutes: Comparative Study of Character Nominations in Chinese Translations of A.S. Pushkin's Novella "The Captain's Daughter"	63

<i>Bekreyeva Y. V.</i> Compression of a Propositional Structure of Knowledge in a Word and in a Text	70
<i>Izotova O. V.</i> Belarusian and Dutch Proverbs: Verbalizing Views on Clothes and Shoes	76
<i>Mikhalkova N. V.</i> Determinatives of the Chinese, Egyptian and Luwian Characters System	83
<i>Sirota E. V., Parahonco L. V.</i> The Concept "Dream" in the English Linguistic Picture of the World.....	89
<i>Stoianova I. F.</i> Variability of Abbreviated Forms in Hotel Vocabulary	95
<i>Yaskevich V. V., Dashkevich Y. V.</i> Semantic and Phonetic Transformations of English Borrowings in Korean	101
<i>Belskaya A. V.</i> Lexical Means of Creating an Image of Migrants on the Material of English and Russian Mass Media	107

CONTRASTIVE RESEARCH AND APPLIED LINGUISTICS

<i>Ivanova-Mitsevich I. V., Chuchkevich I. V.</i> Semantic Configuration of the Sentence as a Way of Representing the Text Content	112
<i>Detskina R. V.</i> Structural and Syntactic Transformations in the Automatic German–Russian Translation of Scientific Technical Texts	118
<i>Mogilevtsev S. A.</i> English Phrasal and Russian Prefixed Verbs in News Media Discourse: a Comparative Analysis of Usage	123
<i>Garanovich T. I.</i> Belarusian Syntactic Idioms of the Model "Interrogatory Word + толькі + Clause" and Their Correspondences in the English Language	132
<i>Kovalenia A. V.</i> Names of Musical Instruments in Explication of the Degree of Quality	139
<i>Solovey A. A.</i> Realization of the Category of Credibility in Belarusian and English Compound and Complex Sentences	143
<i>Luskin V. V.</i> About the Features of Formal and Informal Indication of the Second Person in English, Russian, French and Korean Languages	150

MODELS OF SPEECH BEHAVIOUR IN DIFFERENT TYPES OF DISCOURSE

<i>Metlushko I. V.</i> Methods of Author's Intentionality Identification in Poetry Discourse	156
<i>Belyaeva V. N.</i> Cultural and Historical Vector in Studying Authentic Texts of the Art Sphere: on the Role of Library Funds.....	162

<i>Ivanova T. F., Lagun I. I.</i> Emotive Utterances in German Political Speech as Markers of Author's Modality and Ways of their Translation into Russian	167
<i>Osmolovskaya I. G.</i> Reflection of Emotional Climate in the Countries of the European Union and in the Republic of Belarus based on Mass Media Texts (the Situation with Vaccination).....	174
<i>Sazhina E. V.</i> The Tactics of Accusation and its Linguistic Representation in Polemic Discourse (on the Material of the Belarusian and British Press)	183
<i>Sysoyeva T. A.</i> Description of a Cultural Event in Humorous Discourse (Based on Theatrical Stories)	189
<i>Sytchevskaya N. S.</i> A Model of the Text Content Structure	195
<i>Kireichuk E. J., Radion E. N.</i> Rhetorical Strategies in Interpreting Fiction.....	200
<i>Zhdanova N. U.</i> The Attitude of Classical Philosophers to Laughter	206
<i>Ivanou A. E.</i> Actualization of the Consolation Tactics in Cooperative Communication.....	212

Научное издание

КОНТРАСТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

Сборник научных статей

Минск, 28–29 октября 2021 г.

Ответственный за выпуск *И. В. Метлушко*

Редакторы: *В. М. Василевская, Е. И. Ковалёва*

Ст. корректор *С. О. Иванова*

Компьютерная верстка *Т. С. Соловьевой*

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2017 г. №3/1499. ЛП № 02330/458 от 10.07.2020. Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.